

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА : ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ И НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА : ВКП(Б) - ОКП(Б) - КПСС : МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ : СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА
КОММУНИЗМ : ЛЕНИН : ТРОЦКИЙ : СТАЛИН : ХРУЩЕВ : БРЕЖНЕВ : АНДРОПОВ : ЧЕРНЕНКО
ГОРБАЧЕВ : СОВЕТСКИЕ ВОЖДИ И ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ : АППАРАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ : РЕПРЕССИИ И РЕАБИЛИТАЦИЯ : ОТНОШЕНИЕ К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ : ЖИЗНЬ
В СССР : КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ КОЛХОЗНАЯ ЖИЗНЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО : ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ
ПЛАНИРОВАНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО : ГОЛОД : ДЕФИЦИТ : ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА : ИЗЪЯТИЕ
ЦЕННОСТЕЙ : НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ И ЗАИМЫ : ДОРОВОИЗНА : СИСТЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ
ОЧЕРЕДИ : КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ И УСЛУГ : КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС : КОММУНАЛКИ : БЫТ
И ГОРОДСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО : ТРАНСПОРТ И ДОРОГИ : СВОБОДА ВЫБОРА И СВОБОДА
СЛОВА СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ : РЕЛИГИЯ : ОБРАЗОВАНИЕ И УРОВЕНЬ КУЛЬТУРЫ
РЕДАКТИРОВАНИЕ ОБЩАККИ : ПОСЫЛКИ : СОКРАЩЕНИЯ : АНЕКДОТЧИКИ : СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ЗАКОННОСТЬ И МИЛЛИОН : БЕСПРИЗОРНИКИ : ХУЛИГАНСТВО : БАНДИТИЗМ : КОРРУПЦИЯ
ВЗЯТКИ : РАСТРАТЫ : ВЕРИТВОРСТВО ИЛИ ПРОИЗВОДСТВО : АРМИЯ : ПИОНЕРИЯ И КОМСОМОЛ
ЗДРАВООХРАНЕНИЕ АЛКОГОЛЬ : ОТНОШЕНИЕ ПОЛОВ : СЕМЬЯ : АБОРТЫ : ИЗМЕНА : АЛИМЕНТЫ
ИСКУССТВО : НАУКА : КОСМОС : ЧЕРНОБЫЛЬ : ОЛИМПИАДА : ПЕРЕСТРОЙКА : ЧАПАЕВ : ШТИРЛИЦ
ЧУКЧИ : СССР И МИР В ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД : БИТЛЕР : ГЕРМАНИЯ И ЕЕ СОЮЗНИКИ
СОВЕТСКАЯ АРМИЯ И ТЫЛ В ГОДЫ ВОЙНЫ : ВОЙНЫ ФРОНТА : АНЕКДОТЫ О СТАЛИНЕ : РУЗВЕЛЬТЕ
И ЧЕРЧИЛЛЕ : НОВЕЛЛЫ СОЮЗНИКОВ : СОЛДАТЫ ИЖОК ПИОНЕРОВ ИЖОК В ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ
ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ : АНЕКДОТЫ О ГЕНЕРАЛАХ : СССР И МИР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД
ВОСТОЧНАЯ ГЕРМАНИЯ : ПОЛЬША : ЧЕХОСЛОВАКИЯ : КИРГИЗ : АФГАНИСТАН : АВТОНОМНЫЕ
РЕСПУБЛИКИ : ЕВРЕИ : БОРЬБА С КОСМОПОЛИТИЗМОМ И ПАТРИОТИЗМ : ВЬЕТНАМ : ИЗРАИЛЬ

СОВЕТСКИЙ АНЕКДОТ

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ

М. МЕЛЬНИЧЕНКО

Миша Мельниченко

**Советский анекдот:
указатель сюжетов**

«НЛО»

Мельниченко М.

Советский анекдот: указатель сюжетов / М. Мельниченко —
«НЛО»,

ISBN 978-5-44-481490-1

Внимание читателей предлагается первая научная публикация тематически разнородных анекдотов, имевших хождение в СССР с 1917 по 1991 год. Указатель представляет собой систематизированное собрание записей советских анекдотов. В издание вошли материалы из прессы, эмигрантских сборников, сводок о настроениях населения, доносов, судебных дел, записей фольклористов-любителей, дневников современников и прочих источников. Всего в Указателе 5852 статьи, каждая из которых посвящена одному анекдотическому сюжету. Исследуются теория жанра, особенности бытования анекдота в СССР, прослеживается история заимствований в эмигрантских и постперестроечных публикациях советских политических анекдотов, проанализирована достоверность записей анекдотов в источниках разных видов. Издание снабжено именным и предметным указателями.

ISBN 978-5-44-481490-1

© Мельниченко М.

© НЛО

Содержание

Введение	5
Анекдот и его фиксация	20
Виды источников с фиксациями анекдотов	27
Структура сюжетного фонда и эдиционные принципы Указателя	60
Указатель записей советских анекдотов	67
Революция и Гражданская война	67
Военный коммунизм и новая экономическая политика	71
РКП(б) – ВКП(б) – КПСС	77
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Миша Мельниченко

Советский анекдот Указатель сюжетов

Введение

Термин «анекдот» (греч. *anekdotos* – «неизданное, не подлежащее широкой огласке») появился в середине VI века нашей эры в Византии благодаря труду Прокопия Кесарийского «Тайная история», посвященному развенчанию панегирических образов императора Юстиниана и его супруги Феодоры. Современники историка под этим словом понимали различные сплетни, слухи, кривотолки. Примерно это значение термин сохранил до середины XVII века¹; позже анекдотами стали называть рассказы о выдающихся исторических личностях, знаменитых людях, их необычайных поступках, суждениях или же о курьезных ситуациях, в которые они попадали.

Анекдот как жанровое обозначение появился в России в середине XVIII века. Прижившийся на русской почве в ходе усвоения европейской культурной традиции, анекдот некоторое время существовал исключительно как литературный жанр и являлся принадлежностью узкого круга образованных людей. Анекдоты в понимании человека XVIII–XIX веков представляли собой скорее тексты мемуарного характера, и в этом качестве – как источник очень неточный с фактографической точки зрения, но проливающий свет на «быт и нравы эпохи» – попали в центр целого ряда исторических исследований. При этом, что касается соотношения жанра литературного и исторического анекдота с анекдотом современного типа, важно понимать, что, несмотря на общее название и возможное влияние анекдота первого типа на анекдот как жанр городского фольклора, между ними существует довольно серьезная разница. Литературный и исторический анекдоты – первоначально письменные жанры, являющиеся частью дворянской культуры. Безусловно, часть текстов воспроизводилась и передавалась устно, но все же изначальной и основной формой существования для исторического и литературного анекдота является письменный или печатный сборник. Анекдот современного типа, напротив, изначально возникает как часть устной традиции и, при определенном стечении обстоятельств, фиксируется в сборниках или источниках других видов. Кроме этого, отличительной чертой анекдота фольклорного является наличие у него пуанта, т.е. смехового ядра, неожиданной и остроумной концовки. Анекдоты литературные и исторические неожиданной смешной концовкой в подавляющем большинстве случаев не обладают, более того – комическая составляющая для них совсем не обязательна. В «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара можно найти такое определение: «Анекдот – краткий рассказ какого-нибудь происшествия, замечательного по своей необычности, новости или неожиданности»². Целью его, согласно «Частной риторике» Н.Ф. Кошанского, было «объяснить характер, показать черту какой-нибудь добродетели (иногда порока), сообщить любопытный случай, происшествие, новость»³. Со временем понимание термина «анекдот» меняется⁴. Ко второй половине XIX века под этим словом стали понимать нечто несерьезное и малозначашее.

Механизмы рождения анекдота современного типа для исследователей не вполне ясны. Он появился, вероятно, в ходе смешения «высоких» жанров исторического и литературного

¹ Голубков А.В. Анеkdota и Ана: компилятивные жанры на исходе Средневековья // Жанры и формы в письменной культуре Средневековья / Сост. Ю. Иванова. М., 2005. С. 126–141.

² Энциклопедический лексикон. СПб., 1835. Т. 2. С. 303. Цит. по: Русский литературный анекдот конца XVII – начала XIX века. М., 2003. С. 7.

³ Кошанский Н.Ф. Частная риторика. СПб., 1832. С. 65–66. Цит. по: Русский литературный анекдот... С. 7.

⁴ Курганов Е. У нас была и есть устная литература... // Русский литературный анекдот... С. 6.

анекдотов, басни⁵ и притчи с рядом народных протоанекдотических форм, к которым относятся фатетии (смешной устный рассказ, пришедший в Россию из Польши и бытовавший чаще всего в виде надписи под лубочной картинкой⁶), байки, прибаутки и, прежде всего, бытовые и «заветные» сказки⁷. А.А. Демичев относит начало этого процесса к 60-м годам XIX века и связывает его с «Великими реформами» Александра II, давшими толчок комплексу взаимосвязанных изменений социальной структуры и, как следствие, массового сознания⁸.

Политический анекдот в современном понимании, т.е. жанр преимущественно городского фольклора, представляющий собой небольшой политически окрашенный пуантированный рассказ, появляется в начале XX века и быстро превращается в центральный жанр городской традиции, выполняющий функции жанров-предшественников, при этом гораздо более соответствуя ускоренному ритму городской жизни. По утверждению Е.Я. и А.Д. Шмелевых, после революции 1905 года, а именно после «Октябрьского манифеста», декларирующего свободу печати⁹, политический юмор являлся принадлежностью газет и журналов – ситуация, типичная для свободного буржуазного общества¹⁰. В это же время широкое распространение получает традиция бытового, неполитизированного анекдота, о которой мы можем судить по ряду сборников¹¹ и нескольким сатирическим произведениям, написанным в контексте этой традиции¹². Бытовые анекдоты – или тексты, под них мимикрирующие – попадали в многотиражные издания самого разного плана, где их можно найти рядом с рекламными объявлениями¹³ – для привлечения к последним внимания. Впрочем, тексты из дореволюционных изданий подобного рода – с сюжетами, устную природу которых практически невозможно доказать – очень напоминают авторские репризы, вряд ли получившие широкое распространение. Существовало при этом некоторое число анекдотов на политические темы, представление о которых можно получить из ряда дореволюционных эмигрантских изданий. Известные на данный момент дореволюционные сборники политических анекдотов¹⁴, изданные в эмиграции, несмотря на кричащие подзаголовки вроде «Эта книга в России запрещена, она издается в Париже»¹⁵, отличаются значительно большей степенью лояльности царскому режиму, нежели изданные уже в советское время – режиму большевистскому. Преимущественно эти издания состоят из текстов, которые в силу громоздкости вряд ли могли получить устную популярность, многие «анекдоты» не дают оснований для антиправительственной трактовки. Даже записи аутентичного политического фольклора начала XX века¹⁶, сделанные профессиональ-

⁵ Курганов Е. Анекдот и басня: прошлое и настоящее // Анекдот как жанр. СПб.: Академический проект, 1997. С.16—18.

⁶ Державина О.А. Рассказы о женщинах и их хитростях в польских и русских сборниках фатетий XVII века (к истории русско-польских связей) // Славянская филология II: Сб. статей, посвященный IV Междунар. съезду славистов. Т. 1. 1958. С. 273—308.

⁷ Курганов Е. Анекдот, сказка и басня // Указ. изд. С. 13—16.

⁸ Демичев А.А. Образ суда в дореволюционном российском анекдоте. Н. Новгород, 2007. С. 8.

⁹ Впрочем и до манифеста издавались весьма острые сатирические журналы, обходившие цензурные ограничения с помощью «эзопова языка». В качестве примера можно привести журнал «Зритель», издававшийся с лета 1905 года и до своего закрытия выпустивший 17 номеров.

¹⁰ Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот в двадцатом веке: трансформация речевого жанра. – www.dialog—21.ru/Archive/2005/Shmelevy/Shmelevy.pdf.

¹¹ См., например: Рассказы, анекдоты и сцены из народного, немецкого, французского и американского быта: для дач и железных дорог сборник составленный по русским и иностранным авторам. М.: Д. Сыгин, 1916.

¹² Например: Аверченко А. Искусство рассказывать анекдоты // Пантеон советов молодым людям. Берлин, 1924.

¹³ К примеру: Перевоицков М.М. Казань с планом. Казань, 1914.

¹⁴ К примеру: Шутки русской жизни. Берлин: Издание Гуго Штейница, 1903.

¹⁵ Анекдоты про русский двор: более ста смешных сказаний про русских царей. Париж, 1914. Впрочем, сборник этот был напечатан в американской типографии товарищества «Труд» (Питтсбург).

¹⁶ В РГАЛИ (Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 72. Лл. 1—15) хранятся черновые наброски его статьи о политических анекдотах, бытовавших в русском образованном обществе в конце XIX – начале XX в., материал из которых частично опубликован в: Иванова Т.Г. Из архива Н.Е. Онучкова // Живая старина. М., 1994. № 1. С. 46—47.

ным фольклористом Н.Е. Ончуковым (1872—1942), отличаются узостью тем и значительной – по сравнению с советским периодом – мягкостью.

Согласно воспоминаниям старого большевика М.Н. Лядова, во время революции 1905 года начинают появляться первые анекдоты о большевиках и меньшевиках; впрочем, не очень понятно, имели ли они широкую популярность:

Рассказывали в то время такой анекдот: двое полицейских ведут вешать двоих – большевика и меньшевика. Конвоиры хотят выпить, но боятся оставить арестованных. Однако узнав, кто они, смело идут в кабак. Будь одни большевики или меньшевики, обязательно убежали бы, а раз те и другие вместе, заспорят и забудут про побег¹⁷.

В период между двумя революциями возникает огромное для России количество сатирических газет и журналов: по некоторым сообщениям, число зарегистрированных в 1905 году сатирических изданий приближалось к четырем сотням¹⁸. Отчасти благодаря популярности подобного рода изданий, выживание которых зависело от скорости «сатирического» реагирования на злобу дня, появляется культура политического юмора, которая охватывает все слои городского населения, в политическом поведении актуализуются самоирония и высмеивание как способ уничтожения противника [АМ 2010: 11—12]¹⁹. Способствовала этому процессу и активизация политической сатиры и журнально-газетной полемики между представителями разных политических партий, произошедшая в 1917 году – между Февральским и Октябрьским переворотами²⁰. Все это стало прологом к кардинальному изменению жанра анекдота, случившемуся после 1917 года, когда дореволюционные анекдоты, преимущественно бытового характера, начали быстро терять актуальность и среди появляющихся новых сюжетов преобладающими стали политические. Ряд дореволюционных сюжетов, порою значительно видоизменившихся, получил популярность и в СССР. Продолжила свое существование и определенная традиция неполитизированного анекдота. Однако на первый план вышла новая сильно политизированная традиция, очевидно имевшая советский генезис, стремительное распространение которой заставило современников сомневаться в шансах на выживание привычной современникам традиции бытового анекдота²¹.

Политизация советского анекдота во многом была определена инициированными властями политизацией массового сознания и унификацией политического быта населения СССР, направленными на создание идеологически монолитного бесклассового общества. Благодаря значительному объему однотипной политической информации, получаемой как через СМИ, так и в сфере повседневной коммуникации, большинство населения овладевало знаниями, необходимыми для понимания значительной части анекдотических сюжетов. Тексты анекдотов, могущие распространяться только в случае, если они одинаково понятны рассказчику и слушателю, получили для жизни богатую питательную среду. В городе, как мы видим, к примеру, по Надзорным производствам Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде, анекдоты рассказывались на всех уровнях социальной иерархии: от безграмотных разнорабочих до представителей высших слоев советского общества. Этот факт приобретает особую важность на фоне тенденции к стремительному увеличению доли городского населения и, следовательно, числа носителей устной городской традиции, одним из основных жанров

¹⁷ Лядов М.Н. Из жизни партии в 1903—1907 годах (воспоминания). М., 1956. С. 159.

¹⁸ Исаков С. 1905 год в сатире и карикатуре. М.: Прибой, 1928. См. также: Дрейден С. 1905 год в сатире и юморе. Л.: Кубуч, 1925.

¹⁹ Здесь и далее шифр [АМ 2010: х], где «х» – номер страницы, отсылает к совместному исследованию Александры Архиповой и Михаила Мельниченко «Анекдоты о Сталине: тексты, комментарии, исследования» (М.: ОГИ–РГГУ, 2011).

²⁰ Подробнее см.: Дрейден С. 1917 год в сатире и юморе. М., 1923; *он же*. Русская революция в сатире и юморе. М., 1925.

²¹ Перцов В. Анекдот. Опыт социологического анализа // Новый Леп, 1927. № 2. С. 42.

которой в рассматриваемый период являлся именно анекдот. Именно в это время происходит окончательное становление жанра и превращение анекдота в серьезный канал коммуникации для значительной части населения страны.

В первое десятилетие существования советского государства оно сквозь пальцы смотрело на стремительное развитие анекдотической традиции – допускалось даже издание сборников анекдотов²². В первом издании Большой Советской энциклопедии (1926) особо отмечалась такая разновидность жанра, как политический анекдот, «получающий в моменты политических кризисов большое агитационное значение, как своеобразное орудие политической борьбы»²³. В 1927 году в журнале «Новый Леф» появилась аналитическая публикация, посвященная анекдоту, которая стала на многие десятилетия единственной в отечественной историографии. Ее автор, В. Перцов, не цитируя ни одного анекдота, утверждал, что «похабный жанр» в условиях построения нового общества уступает место политическому анекдоту, производителями и потребителями которого являются представители обоих полюсов советского общества:

Ответственный советский работник-революционер – собирательный тип – выдумывает и продвигает анекдот как еще одну формулу борьбы. Он без зазрения совести выставляет в смешном виде самые высокие государственные титулы, как только они представляются ему достойными осмеяния в лице их конкретных носителей. Бич анекдота бьет тем злее, чем меньше нужно размахнуться, чтобы ударить. На противоположном полюсе тот же анекдот может сыграть прямо противоположную роль. «Конкретный носитель зла» не отделяется здесь от присвоенного ему государственного революционного титула. Нэпман, смакуя этот анекдот, показывает советской власти онанистический кукиш в кармане. Никто не может отнять у побежденного класса в эпоху диктатуры пролетариата возможность самоудовлетворения. И обратно: анекдот, сочиненный нэпманом, попадая в революционную среду, может при известных условиях стать революционным орудием и сигналом²⁴.

Конец двадцатых годов представляет собой важную веху в истории взаимодействия жанра и власти – новый этап характеризуется усилением давления на носителей традиции – так, согласно записи от 13 мая 1929 года в дневнике историка И. Шитца, «ГПУ будто бы циркулярно распорядилось преследовать анекдоты, задевающие советскую власть» [ШИ 1991: 115]²⁵. Подтверждения в официальных документах эта информация на сегодняшний день не нашла, однако об изменении отношения власти к жанру говорят не только такие факты, как высылка иностранных граждан за рассказывание политических анекдотов²⁶, но и заметное уменьшение источниковой базы для изучения анекдотов тридцатых годов, в частности – сокращение числа фиксаций в источниках личного происхождения. Необходимо отметить, что, судя по публикациям судебных дел и книг памяти, в первую очередь правоохранительные органы интересовали жанры, подразумевающие «коллективное» воспроизведение, – до второй половины тридцатых годов почти нет информации о преследовании за рассказывание анекдота и значительное количество дел за публично пропетую частушку или песню «с клеветническим

²² *Виртис А.* Сборник анекдотов. Вып. 1. Тверь, 1927; *Оцмах Б.* Анекдоты и остроты из еврейского быта. Краснодар, 1927.

²³ БСЭ. М., 1926. Т. 2. С. 743.

²⁴ *Перцов В.* Указ. соч. С. 42.

²⁵ Здесь и далее по всей работе ссылки на литературу устроены следующим образом: если в тексте работы есть ссылка на источник, материалы из которого внесены в Указатель, то она обозначается квадратными скобками: [МН 1915—1933(14): 52об.] (список использованных источников – в конце книги). Если ссылка на литературу окказиональна, то она дается в качестве подстрочной сноски.

²⁶ См. примечание к тексту № 792А.

выпадом в сторону одного из вождей советского государства», «порочащих колхозный строй» и т.д., но со временем изменения в репрессивной политике советского руководства привели к тому, что и рассказанный анекдот, содержащий самый незначительный намек на какие-либо присущие советской жизни черты, стал восприниматься как «пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти» и часто становился поводом для преследований со стороны властей²⁷. Как известно, наказание за антисоветскую агитацию (АСА) и контрреволюционную агитацию (КРА) согласно десятому пункту 58-й статьи уголовного кодекса не имело верхнего предела, однако это не остановило развития жанра – упоминания об «анекдотистах» (или «анекдотчиках») можно найти в каждой третьей информационно-аналитической сводке ОГПУ—НКВД о настроениях населения²⁸.

На долгое время анекдот становится жанром противозаконным – рассказанный или даже услышанный анекдот мог стать поводом для преследования со стороны государства. Только на очень небольшой срок – в годы Великой Отечественной войны – происходит временная и очень условная легализация жанра, модели которого активно использовались советскими пропагандистами, что на некоторое время позволило текстам анекдотов оказаться на страницах официальных периодических изданий. Отмечаемая многими мемуаристами потребность фронтовиков в юморе приводила к тому, что публикуемые в центральных газетах и в местных «боевых листках» репризы и карикатуры, пересказываемые солдатами, превращались в часть анекдотической традиции. При этом связь между традицией и сатирической антинемецкой публицистикой была двусторонней – давая фольклору новые сюжеты, пресса также заимствовала пуанты старых советских анекдотов, переделанные на новый лад – во фронтовой периодике насчитываются десятки текстов авторских фельетонов (причем в качестве авторов нередко выступали рядовые бойцы, приславшие письма в редакции фронтовых газет), очевидно восходящие к ранее широко распространенным анекдотическим сюжетам (часть этих текстов приведена в Указателе в качестве вариантов сюжетов).

В послевоенные годы советская анекдотическая традиция выбирается за пределы границ СССР и серьезно увеличивает географию своего распространения. До войны ряд анекдотических сюжетов советского происхождения (или же сюжетов бродячих, но на тот период проассоциированных с советскими реалиями) был известен как в сопредельных странах, так и в странах – потенциальных противниках или союзниках (Германия, США и пр.). Происходило это за счет деятельности русской эмиграции и местных антисоветски настроенных средств массовой информации. При этом некоторые сюжеты становились или уже были частью местной традиции – например, ряд одинаковых анекдотов о Гитлере и Сталине примерно в одно и то же время фиксировался в Германии и в СССР. Однако после войны происходит своеобразная экспансия советской традиции, приведшая к значительной унификации фонда анекдотических сюжетов стран, оказавшихся в зоне советского влияния. При анализе анекдотов стран социалистического лагеря – ГДР, Польши, Румынии и пр. – выясняется, что значительная часть актуальных послевоенных сюжетов носит «общесоветский» характер²⁹. Можно предположить,

²⁷ Саркисов А.Н. Я был в окопах, играл в оркестре, служил на Лубянке ... // Народный архив: Альманах. М., 1993. С.41.

²⁸ Шинкарчук С.А. Политический анекдот 1920—30-х годов как отражение общественного мнения // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. СПб., 1997. С. 278.

²⁹ Тексты анекдотов и их анализ см. в: *Niculescu G., Dana M. Bancurile politice în țările socialismului real : Studiu demologic.* Bucuresti, 1999. 309 p.; *Ember M. Politikai vicgyűjtemény.* Budapest, 1989. 103 p.; *Krikmann A., Laineste L. (Eds). Permitted Laughter: Socialist, Post-Socialist and Never-Socialist Humour.* Tartu: EKM Teaduskirjastus (в печати); *Krikmann A. Jokes in Soviet Estonia. A paper presented to the 18th ISH Conference at the Danish University of Education, Copenhagen. July 2006* – http://www.folklore.ee/~kriku/HUUMOR/Nlj_sovpol.pdf, а также довольно любопытную с точки зрения публикации материалов (переводы на русский язык «польских» анекдотов периода социализма), но весьма спорную с точки зрения их интерпретации (ни один из приведенных автором в качестве примера носителя культурологических стереотипов сюжет не является исконно польским – все это заимствования из «общесоветского» фольклора) статью: *Монахова М.О. Отражение памяти в культурологических стереотипах (на материале анекдотов) // Вопросы гуманитарных наук. М., 2002. № 6. С. 341—351.*

что начало близости анекдотического фольклора России и, к примеру, стран Прибалтийского региона и Польши было положено в дореволюционной России, однако очевидно, что ничто не может сравниться с потоком заимствований, стартовавшим в середине сороковых годов XX века и на тот период представленным сюжетами о поведении советских солдат на оккупированных территориях, а немного позже – о жизни стран социалистического лагеря.

Политические изменения, вызванные смертью Сталина, привели к заметному уменьшению опасности, связанной с рассказыванием анекдотов. Естественно, легализован жанр не был, но гипотетическое наказание за рассказанный анекдот, согласно 190-й статье УК РСФСР («Клевета на советский государственный строй...») не должно было превышать семи лет, на практике же – в источниках второй половины существования советского государства не удастся найти информации ни об одном достоверном случае судебного преследования за рассказанный анекдот.

Все эти факторы благотворно сказываются на популярности жанра, что позволяет и современникам, и исследователям воспринимать 1960—1980-е годы как золотой век советского анекдота. Вопрос «новый анекдот слышал?» становится едва ли не одним из вариантов приветствия, а рассказывание анекдотов – популярной формой проведения рабочего времени. Государство, не имея возможности контролировать эту сферу коммуникации, предпочитало не замечать то, что не может изменить. Только изредка слово «анекдот», исключенное из всех библиографических указателей по фольклору³⁰, прорывалось в печать – так, в 1964 году в официальной прессе в статье с весьма характерным названием «За это надо драться!» появилось первое упоминание об анекдоте – некто Николай Курицын, проходчик шахты и студент-заочник, в письме «дорогой редакции» рассказывает о своих наблюдениях за рассказчиками анекдотов, оказавшимся с ним в одной очереди в сберкассе: «насчет неурожая с издевкой проезжаются, об отдельных нехватках наших язвят. Да так, словно все это им чужое. <...> В оскале их широко раскрытых ртов, где-то в глубине мне привиделось что-то скользкое, серое, противное... На меня глянула сама пошлость»³¹. Далее, в очень значительном по объему письме, занимающем половину газетной полосы, автор в граните отликает картину современной ему советской жизни, описывая свое путешествие из Магадана в Москву. Завершается послание весьма показательно: Курицын желает собрать несколько десятков таких злопыхателей и отправить не в тюрьму и не в лагерь, времена уже не те, – пишет он, – а в путешествие от Москвы до Находки, чтоб они пересчитали все достижения СССР и подвели сальдо, а потом объявили его на Красной площади – и это был бы уже не анекдот, а «русское, советское чудо!».

Близка по духу курицынской статья «Шепотом из-за угла»³², опубликованная в газете «Комсомольская правда» спустя почти два десятка лет и посвященная анекдотам о «любимом нами с детства герое гражданской войны». Появилась статья как ответ на письмо некоего А. Иванова из Николаева, желающего обсудить с читателями газеты кощунственное остроумие застольных анекдотов, однако получившийся текст больше похож на приговор «гражданской инфантильности, идейной незрелости и политической наивности» рассказчиков анекдотов. В ней высказываются предположения о наличии у большинства анекдотов вполне конкретных авторов, руководствующихся стремлением «если не погубить, то хотя бы унижить, размыть и опоганить» лучшие чувства советских людей и лишить советскую молодежь героических идеалов.

В таком виде – как явление весьма распространенное, безусловно глубоко безнравственное с точки зрения главенствующей идеологии, но уже не расстрельное, анекдот доживает до перестройки, когда судьба его сильно меняется. За два года до развала СССР появляется пер-

³⁰ Архипова А.С. Анекдот и его прототип... С. 16.

³¹ За это надо драться! // Известия. 29 февраля 1964 года.

³² Неруи В., Павлов М. Шепотом из-за угла // Комсомольская правда. 1982. 15 октября. С. 4.

вая публикация анекдотов в советской прессе – статья В. Бахтина в «Литературной газете»³³, вызвавшая очень широкий резонанс, неоднократно перепечатанная и рецензировавшаяся в периодике 1989—1990 годов³⁴. Начинают издаваться сборники анекдотов, целиком посвященные политической устной традиции или просто содержащие в себе политические анекдоты. Востребованность подобного рода изданий привела к своеобразному буму анекдотопечатания, что не преминуло сказаться на качестве подборок анекдотов – в обилии стали публиковаться очень сомнительные тексты, вероятно никогда не имевшие хождения в СССР, которые, благодаря особенностям данного сегмента книжного рынка, стали перебираться из сборника в сборник, увеличивая разрыв между реальной традицией советского анекдота и ее книжной версией, на материалах которой исследователи делают и будут делать выводы не только о советском анекдоте, но и обо всем советском обществе в целом.

* * *

Общественные настроения присущи даже обществам, в которых человек лишен возможности открыто выразить свое мнение, только находят они выражение в альтернативных формах массовой коммуникации. Для советского общества одним из каналов неформальной коммуникации на политические темы становится анекдот, превратившийся на долгие годы в едва ли не самый востребованный в СССР фольклорный жанр. Значимость этого явления сложно оспаривать – советский анекдот представляет собой огромный массив информации, относящейся к фактически не контролируемой государством сфере межличностного общения, и, в силу фольклорной природы, энциклопедию политических стереотипов мышления, присущих рядовому советскому человеку. Практически любое имевшее резонанс событие становилось поводом для возникновения нового анекдотического сюжета, в считанные дни облетавшего страну. Текст имеет шанс попасть в фольклор и начать существовать, передаваясь из уст в уста, только если он одинаково понятен и рассказчику, и слушателю, что делает советский анекдот индикатором понимания рассказчиком обстановки в государстве. Понимание этого факта с первых лет существования советского строя привлекало к анекдоту внимание – сначала критически настроенных по отношению к новому строю публицистов Русского зарубежья, позже – западных и отечественных исследователей. Однако, несмотря на, казалось бы, пристальное внимание к этой теме, абсолютное большинство обращений к материалу представляет собой окказиональный пересказ конкретных сюжетов или воспроизведение исчисленного ряда довольно общих мыслей.

Отечественная историография анекдота в силу определенных причин не очень велика. Перу отечественных исследователей принадлежит ряд классических работ³⁵, посвященных смеху в народной культуре, однако проблема соотношения политической действительности и смеховой культуры на протяжении многих десятилетий оставалась вне поля зрения советских ученых³⁶. Обращения советской литературы к анекдотам тоже весьма немногочисленны – после уже упоминавшейся статьи 1927 года в журнале «Новый Лепф» анекдот надолго уходит в

³³ Бахтин В. Вчера мне рассказывали анекдот // Литературная газета. 1989. 17 мая. С. 16.

³⁴ Волин В. 222 отклика на одну публикацию: Анекдоты «Клуба ДС» – с бородой и без // Литературная газета. 1989. 16 авг.; Андраша М. От страха к смеху // Крокодил. 1991. № 15.

³⁵ Пропп В.Я. Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмеяне) // Ученые записки ЛГУ. № 46. Серия филол. наук, вып. 3. Л., 1939; *он же*. Проблемы комизма и смеха. М., 2002; Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; *он же*. Рабле и Гоголь: Искусство слова и народная смеховая литература // Бахтин М. Искусство литературы и эстетики. М., 1975; Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» древней Руси. Л., 1976.

³⁶ Обращения к этой проблеме современных российских исследователей затрагивают советский материал в очень незначительной мере. См., к примеру: Разуваев В.В. Политический смех в современной России. М., 2002; *он же*. Народный смех в советской политической культуре 60—80-х годов // Независимая газета. 2000. 7 окт.

глухое подполье. Словосочетание «политический анекдот» исчезает даже из статьи «анекдот» во втором издании Большой Советской энциклопедии³⁷. Все академические статьи признают лишь исторические и литературные анекдоты, изучение которых в отечественной историографии со второй половины XX века носит систематический характер. Особенно повезло в этом плане анекдотам о Петре Великом, отразившим «с большей или меньшей степенью достоверности не только фактическую канву жизни Петра I, но и те представления, слухи, домыслы, одобрительные или осудительные суждения, которые циркулировали в стране и при его жизни, и уже после его смерти»³⁸ и ставшим для исследователей своеобразным зеркалом, «отражавшим общественное мнение XVIII века». Теории литературного и исторического анекдота в целом³⁹, а также их фольклорному модусу⁴⁰, проблеме соотношения анекдота устного и литературного⁴¹, художественной специфике анекдота⁴² в советской и российской историографии посвящены десятки научных исследований. При этом ценные теоретические и методологические наработки на материалах литературного и исторического анекдота не вполне применимы к советскому анекдоту. Советский анекдот представляет собой часть устной демократической традиции. Анекдот в XIX веке, несмотря на то, что большинство исследователей признают наличие в нем черт, присущих фольклору, все же является малым жанром мемуарной повествовательной прозы⁴³. Преемственность между советским анекдотом и анекдотом XIX века очень невелика и мы не можем говорить о историографической преемственности изучения этих жанров.

Первая отечественная статья, посвященная анекдоту как жанру фольклора⁴⁴, была опубликована лишь в 1989 году⁴⁵. С тех пор в отечественной историографии вопроса появилось несколько десятков работ, авторы которых в большинстве своем рассматривают советский анекдот в рамках фольклористики и лингвистики, уделяя внимание проблемам формирования текста анекдота из прототипических форм⁴⁶, жанровой трансформации анекдотических текстов⁴⁷, языковым особенностям персонажей и клишированным формулам в анекдотах⁴⁸. Сле-

³⁷ БСЭ. М., 1950. Т. 2. С. 439.

³⁸ Анисимов Е.В. Анекдоты // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. С. 330—331. См. также: Эйдельман Н.Я. Грань веков: Политическая борьба в России (конец XVIII – начало XIX столетия). М., 1982; Павленко Н.И. «Достопамятные повествования» Нартова о Петре Великом // Россию поднял на дыбы... М., 1987. Т. 2.

³⁹ Мелетинский Е.М. Сказка-анекдот в системе фольклорных жанров // Жанры словесного текста: Анекдот / Учебный материал по теории литературы. Таллин, 1989. С. 59—77; Дробова Н.П. Биографические предания о русских писателях XVIII в. как историко-литературное явление // XVIII век. Проблемы историзма в русской литературе. Л., 1981. Сб. 13.

⁴⁰ Былов В.М. «Деяния Петра Великого» И.И. Голикова как материал для изучения фольклора XVIII века // Русский фольклор. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 120—133.; Плюханова М.Б. История юности Петра I у П.Н. Крекшина // Труды по русской и славянской филологии (Литературоведение). Тарту, 1981. Вып. XXXII. С. 17—39; Райкова И.Н. Петр Первый в русских народных преданиях, легендах, сказках и анекдотах. М., 1993.

⁴¹ Нойманн З. Анекдот // Народные знания. Фольклор. Народные искусства. М., 1991. Вып. 4.

⁴² Петровский М.А. Морфология новеллы // *Ars poetica*. М., 1927. Вып. 1.

⁴³ Никанорова Е.К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск, 2001. С. 3.

⁴⁴ Белоусов А.Ф. Дополнения к «Материалам по современному ленинградскому фольклору» // Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста. Анекдот. Таллин, 1989. С. 152—159.

⁴⁵ Существует, однако, более ранняя работа (обнаруженная А.С. Архиповой – см: Архипова А.С. Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра: Дис. канд. фил. наук. М., 2003), возможно, имеющая отношение к анекдоту: Яхин А.Г., Бекирсов М.Х. Опыт структурно-типологического исследования жанров (анекдоты, байки). Казань, 1979. Ознакомление с ней затрудняется тем, что она написана на татарском языке.

⁴⁶ Архипова А.С. Анекдот и его прототип... С. 16.

⁴⁷ Каснэ И.М. Кривое антизеркало. «Советский» и «постсоветский» анекдот: проблемы жанровой трансформации // НЛЮ. 2000. № 43. С. 327—334.

⁴⁸ Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М., 2002; *они же*. Клишированные формулы в современном русском анекдоте – <http://ivgi.rsuh.ru/folklore/shmelev2.htm>; Шмелева Е.Я. Анекдоты об армянском радио: структура и языковые особенности – <http://ivgi.rsuh.ru/folklore/shmeleva1.htm>; Переходнюк О.В. Язык современного русского анекдота // Русская речь. 1997. № 5. С. 124—127.

дует отметить и ряд работ, посвященных такой стороне жанра, как рассказывание анекдота⁴⁹ и социологический подход к анекдоту⁵⁰, рассматривающий социальные функции юмора как такового и политического анекдота в частности. Особняком стоит психологический подход к изучению анекдота как продукта, отражающего скрытые основы человеческой деятельности⁵¹. В ряде публикаций анекдот рассматривался как источник, отражающий ментальность тех или иных групп, и носитель культурологических стереотипов⁵².

В 2002 году была опубликована работа И.Б. Орлова и А.Я. Лившина, в которой исследователи относят анекдот и частушку к группе нетрадиционных источников – необходимых для того, чтобы получить «адекватную информацию о настроениях и жизненных ориентациях населения, обозначить систему приоритетов в этих настроениях⁵³», исходя при этом из понимания того, что «при отсутствии естественных форм проявления (через реакцию властей, например), общественное мнение проявляется через действие таких публичных механизмов, как фольклор»⁵⁴. Несмотря на это советский анекдот в исторических исследованиях последних лет используется недостаточно, преимущественно привлекаясь в качестве иллюстративного материала. К примеру, в работе О. Великановой «Образ Ленина в массовом восприятии советских людей по архивным материалам», строящейся во многом на анализе зафиксированных осведомителями НКВД—ОГПУ высказываний простых людей, мы можем найти тексты анекдотов из информационно-аналитических сводок, которые автор приводит как один из способов реализации потенциала ненависти по отношению к Ленину⁵⁵.

Для отечественной исторической науки изучение советского анекдота находится в непосредственной связи с публикациями источников, содержащих тексты анекдотов. Можно выделить ряд статей, рассматривающих советский анекдот как памятник исторический – в первую очередь это публикации, посвященные конкретным коллекциям. Среди них обращают на себя внимание статьи А. Марчукова⁵⁶ и В. Любченко⁵⁷. Отдельного рассмотрения заслуживает одна из наиболее используемых и цитируемых статей по истории анекдота в ранний период суще-

⁴⁹ Смолицкая О.В. Перформанс как жанрообразующий элемент советского анекдота – <http://www.ruthenia.ru/folklore/smolitskaya1.htm>; Руднев В. Прагматика анекдота // Даугава, Рига, 1990. № 6. С. 99—103; Пушкарёва О. Пародирование как способ сюжетно-композиционной организации анекдота // Филологические науки. 1996. № 2. С. 35—41.

⁵⁰ Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки. М., 1996; Дмитриев А.В. Социология политического юмора. М., 1998. Бутенко И.А. Из истории «черного юмора» // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 43—52; она же. Юмор как предмет социологии // Социологические исследования. М., 1996. С. 23—35; Мошкит В., Руденко Д. Детский политический анекдот // Социологические исследования. М., 1996. С. 23—35; Манкевич И.А. Анекдот как феномен социальных коммуникаций // Вестник Омского Университета. 2005. № 2. С. 94—97.

⁵¹ Дружинин В.Н. Анекдот как зеркало русской семьи // Психология семьи. М., 1996. С. 119—130; Копылова Е.А. Анекдот как средство переживания национальной идентичности: на материале еврейских анекдотов: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006; она же. Социально-психологический анализ особенностей еврейской национальной идентичности на материале еврейских анекдотов // Материалы Одиннадцатой ежегодной междунар. междисциплинарной конференции по иудаике Сэфер. Ч. 2. Академическая серия. Вып. 16. М., 2004. С. 494—503; она же. Еврейские родители сквозь призму анекдота // Корни. № 21. М.—Киев, 2004. С. 63—81; она же. Еврейский анекдот как материал для анализа семейных отношений // Тирош – труды по иудаике. Вып. 7. М., 2005. С. 144—152.

⁵² Анашкин Г. Анекдот как концентрированное выражение ментальности // А.С. Пушкин и российское историко-культурное сознание. Провинциальная ментальность России в прошлом, настоящем и будущем: Третья междунар. конференция по истории психологии рос. сознания. Самара, 1999. Т. 5. Вып. 1. С. 21—22; Брикер Б., Вишевский А. Юмор в популярной культуре советского интеллигента 60-х – 70-х годов // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1989. V. 24. P. 147—170; Воробьева М.В. Анекдот как феномен повседневной культуры советского общества (на материале анекдотов 1960—1980-х годов): Дисс. канд. культурол. наук. Екатеринбург, 2008; Монахова М. Отражение памяти в культурологических стереотипах (на материале анекдотов) // Вопросы гуманитарных наук. М., 2007. № 6. С. 341—351.

⁵³ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002. С. 7.

⁵⁴ Там же. С. 9.

⁵⁵ Velikanova O. The public perception of the cult of Lenin based on archival materials // Slavic Studies. Vol. 6. P. 80.

⁵⁶ Марчуков А. Маленький мир с маленькими людьми: Советский политический анекдот в дневниках украинского литератора // Родина. М., 2002. № 2. С. 81—85.

⁵⁷ Любченко В. Еврей в городском политическом фольклоре Украины 1920-х годов: анализ дневниковых записей академика С.А. Ефремова // Тирош – труды по иудаике. М., 2003. Вып. 6. С. 175—188.

ствования СССР – публикация Р.М. Янгировым текстов анекдотов 1920-х годов, в «Новом литературном обозрении» в 1998 году⁵⁸. Во вступительной статье автору удалось выявить чрезвычайно интересные материалы, проливающие свет на бытование анекдотов в советском обществе. Автор первым привлек внимание фольклористов и историков к записям анекдотов, сделанным американским журналистом Евгением Лайонзом. Но его подход к публикации собственно фольклора не выдерживает никакой критики – в его статье содержатся сильные искажения текста источника. Тексты, взятые Янгировым из разных источников, опубликованы вперемешку, без ссылок. Происхождение текста с трудом устанавливается даже при хорошем знании исходных материалов – некорректная литературная обработка ставит под вопрос научную ценность подобных публикаций. Кроме того в данной статье содержится ряд ошибок в переводе, приводящих к неверному пониманию текста.

Попытки рассмотреть анекдот как источник по истории представлений массового сознания предпринимались только на дореволюционных материалах. Так, историк из Нижнего Новгорода А.А. Демичев посвятил целый ряд статей⁵⁹ рассмотрению дореволюционных анекдотов о судебной системе; он изучал анекдот как источник, отражающий отношение «городской образованной публики»⁶⁰ к мировому суду.

Западная историография изучения различных юмористических форм, подробный обзор которой опубликован в 2001 году А.С. Архиповой⁶¹, по понятным причинам богаче отечественной. Феномен советского анекдота привлек внимание западных публицистов уже в первой половине 1930-х годов. Первым англоязычным обращением к теме советского неподцензурного юмора стала найденная А.С. Архиповой в журнале «Current History» за 1930 год статья Лео Гласмана «Большевики как юмористы»⁶², в которой приводятся образцы народного творчества и высказываются предположения об авторстве анекдотов. Однако более заметной стала публикация Евгения Лайонза, корреспондента UPI, прожившего в Москве 6 лет и собравшего, благодаря блестящему знанию русского языка, коллекцию анекдотов. В изданной после отъезда из СССР книге «Московская карусель» автор посвятил советскому неподцензурному фольклору отдельную главу, в которой мы можем найти не только тексты анекдотов, но и мысль о том, что анекдот является одной из форм коммуникации в советском обществе⁶³. Лишь как публикация материалов заслуживает внимания собрание⁶⁴ американского журналиста Вильяма Генри Чемберлена, который находился в Советской России в качестве корреспондента газеты «Christian Science Monitor» с 1922 по март 1934 года и в это время вел дневник. Круг его общения в основном состоял из просоветски настроенной интеллигенции и партийных деятелей – и Чемберлен фиксировал ходящие именно в этих кругах тексты. Перечисленные статьи ценны как источник, содержащий записи ранних советских анекдотов, аналитическая же часть, как

⁵⁸ Янгиров Р.М. Анекдоты «с бородой»: Материалы к истории неподцензурного советского фольклора 1918—1934 // НЛО. М., 1998. № 31. С. 155—174.

⁵⁹ Неполную библиографию публикаций А.А. Демичева, посвященных дореволюционному юридическому анекдоту как историческому источнику (10 статей) см. в его монографии: Демичев А.А. Образ суда в дореволюционном российском анекдоте. Н. Новгород, 2007. С. 62—64.

⁶⁰ Демичев А.А. Дореволюционный юридический анекдот как источник изучения мирового суда // Вестник Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 2007. № 6. С. 176.

⁶¹ Архипова А.С. Анекдот в зарубежных исследованиях XX века // Живая старина. М., 2001. № 1. С. 30—32. См. также: Еленевская М. Юмор и насилие: смеховая культура иммигрантов из стран бывшего СССР в Израиле // Израиль глазами «русских»: культура и идентичность (Сб. памяти Баруха Киммерлинга) / Отв. ред. Е. Носенко. М., 2008. С. 60—64.

⁶² Выражаем признательность А.С. Архиповой за ссылку на данную публикацию: Glassman L.M. The Bolsheviks as humorists // Current History. 1930, July. P. 721—724.

⁶³ Lyons E. Red Laughter // Lyons E. Moscow Caroussel. N.Y., 1935. P. 323—340 или Lyons E. Red Laughter // Lyons E. Modern Moscow. L., 1935. P. 260—274; Lyons E. Stifled laughter // Harper's Monthly Magazine. 1934. № 170; Lyons E. Our Secret Allies: The Peoples of Russia. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1954.

⁶⁴ Chamberlin W.H. Russia's Iron Age. Boston, 1934; Chamberlin W.H. The «Anecdote»: Unrationed Soviet Humor // Russian Review. 1957. Vol. 16.

у большинства ориентированных на массового читателя публикаций, довольно слаба. Все три автора рассматривают анекдот как жанр антисоветский, демонстрирующий нелюбовь народа к советской системе.

Период после Второй Мировой войны был очень продуктивен в деле изучения анекдота. Результатом творческих усилий зарубежных исследователей стали десятки томов, посвященных как феномену анекдота в целом, его теории и конструированию концепции жанра⁶⁵, попыткам объяснить его с точки зрения психологии⁶⁶, рассмотрению анекдота в гендерном аспекте⁶⁷, так и конкретным циклам: этническим⁶⁸, сексуальным⁶⁹, садистским⁷⁰ и абсурдистским⁷¹ анекдотам. Для историографии исследования именно советского анекдота важен тот факт, что к нему обратились уже не журналисты, а ученые. Более чем полувековая история осмысления этого феномена в западной историографии дает нам значительное количество статей, посвященных политическому юмору в целом и советскому анекдоту в частности как одному из компенсаторных механизмов борьбы с психическим и социальным стрессом⁷² или форме протеста против официальной идеологии⁷³. Отдельно стоит выделить относительно недавнюю статью⁷⁴ Е. Оринга, в которой автор анализирует западную историографию феномена политического юмора в авторитарных обществах и рассуждает о природе политического юмора вообще, обращаясь в том числе к советскому материалу. Статья ценна также наличием ряда фрагментов интервью эмигрантов второй волны о культуре рассказывания анекдотов.

⁶⁵ Weber V. Anekdoten. Die andere Geschichte. Tübingen, 1993.

⁶⁶ Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.—М., 1997.

⁶⁷ Flieger J.A. The Purloined Punchline: Joke as Textual Paradigm // *Modern Language Notes*. 1983. V. 98. № 5. P. 943—967; Legman G. Rationale of the Dirty Joke: An Analysis of Sexual Humor. Second series. N.Y.: Breaking Point, 1975; Reinche N. Antidote to Dominance: Women's Laughter as Counteraction // *Journal of Popular Culture*. 1991. V. 24. № 4. P. 27—39; Ries N. Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika. Ithaca & L.: Cornell UP, 1997.

⁶⁸ Bennett D. J. The Psychological Meaning of Anti-Negro Jokes // *Fact*. 1964. V. 1. № 2. P. 53—59; Davies C. Jewish Jokes, Anti-semitic Jokes and Hebreonian jokes // *Ziv A. Jewish Humor*. Tel Aviv: Papyrus; Tel Aviv University, 1986. P. 59—80; Davies C. Ethnic Humor Around the World: A Comparative Analysis. Bloomington: Indiana UP, 1990; Dundes A. A Study of Ethnic Slurs: The Jew and the Polack in the United States // *JAF*. 1971. V. 84. № 332. P. 186—204; Reik T. Jewish Wit. N.Y., 1962.

⁶⁹ Legman G. Rationale of the Dirty Joke: An Analysis of Sexual Humor. Second series. N.Y., 1975.

⁷⁰ Hirsch R. Wind-Up Dolls // *WF*. 1964. V. 23. № 1; Sutton-Smith B. Shut up and Keep Digging: the Cruel Joke Series // *Midwest Folklore*. 1960. V. 10; Abrahams P. D. Ghastly Commands: The Cruel Joke Revisited // *Midwest Folklore*. 1961. V. 11. № 4. P. 235—246; Schimaier M. The Doll Joke Pattern in Contemporary American Oral Humor // *Midwest Folklore*. 1963. V. 13. № 67.

⁷¹ Dundes A., Abrahams P. On Elephantasy and Elephanticide // *Dundes A. Analytic Essays in Folklore*. Mouton, 1975. P. 192—205; Dundes A. Slurs International: Folk Comparisons of Ethnicity and National Character // *Southern Folklore Quarterly*. 1975. V. 39. № 1. P. 15—38.

⁷² Bokun B. Humour Therapy in cancer, psychosomatic diseases, mental disorders, crime, interpersonal and sexual relationships. London, 1986; Dixon N.F. Humor A Cognitive Alternative to Stress? // *Stress and Anxiety*. Vol. 7. Washington D.C., 1980. P. 281—289; Draïtser E. The Art of Storytelling in Contemporary Russian Satirical Folklore // *Slavic and East European Journal*. Albany, 1982. V. 26. № 2. P. 233—238; Draïtser E. Comparative Analysis of Russian and American Humor // *META: Journal des Traducteurs*. 1989. V. 34. № 1. P. 88—90; Draïtser E. Soviet Underground Jokes as a Means of Popular Entertainment // *Journal of Popular Culture*. 1989. V. 23. № 1. P. 117—125; Draïtser E. Sociological Aspects of the Russian Jewish Jokes of the Exodus // *Humor*. N.Y., 1994. V. 7. № 3. P. 245—267; Farrer D. The Soviet Folktales as an Ideological Strategy for Survival in International Business Relations // *Studies in Soviet Thought*. Kluwer Academic Publishers, 1973. V. 13. № 1. P. 55—75; May R. Man's Search for Himself. N.Y., 1953; Lefcourt H.M., Martin R.A. Humor and Life Stress: Antidote to Adversity. N.Y., Berlin, Heidelberg, Tokyo, 1986.; O'Konnel W.E. Freudian Humour. The Eupsychia of Everyday Life // *Humour and Laughter. Theory, Research, and Applications*. London, 1976. P. 313—330; Nilsen D.L.F. The Social Functions of Political Humor // *Journal of Popular Culture*. 1990. V. 24. № 3. P. 35—49; Thurston R.W. Social Dimensions of Stalinist Rule: Humor and Terror in the USSR, 1935—1941 // *Journal of Social History*. 1991. V. 24. № 3. P. 541—562; Wade T. Russian Folklore and Soviet Humor // *Journal of Russian Studies*. 1988. V. 54; Yurchak A. The Cynical Reason of Late Socialism: Power, Pretence, and the Anecdote // *Public Culture*. 1997. V. 9. P. 161—188.

⁷³ Beckmann P. Hammer and Tickle. Clandestine Laughter in the Soviet Empire. Boulder: The Golem Press. 1980; Draïtser E. Soviet Underground Jokes as a Means of Popular Entertainment // *Journal of Popular Culture*. 1989. V. 23. № 1. P. 117—125; Nilsen D.L.F. The Social Functions of Political Humor // *Journal of Popular Culture*. 1990. V. 24. № 3. P. 35—49; Thurston R.W. Social Dimensions of Stalinist Rule: Humor and Terror in the USSR, 1935—1941 // *Journal of Social History*. 1991. V. 24. № 3. P. 541—562; Советский Союз в зеркале политического анекдота / Сост. Д. Штурман, С. Тиктин. Иерусалим: Экспресс, 1987.

⁷⁴ Oring E. Risky Business: Political Jokes under Repressive Regimes // *Western Folklore*. 2004. Vol. 63. P. 209—236.

Важно, что тексты довоенных анекдотов в послевоенные исследования практически не попали. Использование анекдотов, имевших хождение преимущественно в эмигрантской среде в 1960—1980-х годах, приводило к ряду упрощений, что зачастую не позволяло западным ученым воссоздать адекватную картину бытования советского анекдота. По совершенно справедливому замечанию А.С. Архиповой, помимо наличия в ряде работ, посвященных советскому анекдоту, множества фактических ошибок, подчас нелепых, вызывают некоторый скепсис также ряд теоретических допущений, дающих основание западным ученым подозревать всех рассказывающих анекдоты (т.е. по устоявшемуся мнению подавляющее большинство населения СССР) в антисемитизме и пассивном диссидентстве⁷⁵.

В целом западная историография ориентирована на позднюю традицию советского анекдота. Несмотря на наличие трех небольших по объему, но довольно ценных англоязычных публикаций текстов советских анекдотов 1930—1940-х годов, довоенные материалы иностранными исследователями рассматриваются очень фрагментарно. Исключением является монография одного из крупнейших западных специалистов по советской истории Шейлы Фитцпатрик «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город», которая, помимо этого, является и одним из немногих примеров использования анекдотов в серьезном историческом исследовании. В главе «Разговоры и те, кто их слушал» исследователь уделила внимание «жанрам народного творчества, менее стесненным, чем официальные средства выражения мнения», к которым Фитцпатрик относит анекдоты, слухи и частушки. По утверждению историка, эти жанры были «были для граждан способом показать кукиш советской власти, и соблазн сделать это был тем сильнее, что от публичных выступлений обычно требовалась ханжеская благонамеренность⁷⁶». Опираясь в том числе на записи политического фольклора из информационно-аналитических сводок НКВД, хранящихся в т. наз. «Смоленском архиве», исследователь демонстрирует возможности жанра как одного из способов неформальной коммуникации. При этом, сравнивая анекдотические сюжеты и реальные жизненные коллизии⁷⁷, Фитцпатрик показывает степень психологической достоверности фольклорного текста.

Отдельного обращения заслуживает историография анекдота стран бывшего социалистического лагеря, однако степень разработанности в ней советского анекдота определяется степенью соотношения в национальных анекдотических традициях оригинальных и общесоветских сюжетов. Проблема анекдота стран социализма только недавно стала объектом серьезного научного осмысления – и в первую очередь заслуга в этом принадлежит профессору тартуского университета Арво Крикманну, одному из организаторов международного симпозиума «Постсоциалистический анекдот» в Тарту в 2007 году. Перу Крикманна принадлежит ряд трудов, посвященных этническим и политическим эстонским анекдотам⁷⁸. Однако к сфере научных интересов Крикманна и его эстонских⁷⁹, польских⁸⁰, болгарских⁸¹ и румынских⁸² коллег

⁷⁵ Архипова А.С. Анекдот и его прототип... С. 16.

⁷⁶ Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 221.

⁷⁷ Там же. С. 222.

⁷⁸ Krikmann A., Laineste L. (Eds): Permitted Laughter: Socialist, Post-Socialist and Never-Socialist Humour. Tartu: EKM Teaduskirjastus (в печати); Krikmann A. Jokes in Soviet Estonia. A paper presented to the 18th ISH Conference at the Danish University of Education, Copenhagen, July 2006 – http://www.folklore.ee/~kriku/HUUMOR/Nlj_sovpol.pdf.

⁷⁹ Laineste L. Researching Humour on the Internet. Folklore. Vol. 25; Laineste L. Targets in Estonian Ethnic Jokes Within the Theory of Ethnic Humour (Ch. Davies). Folklore. Vol. 29; Laineste L. Characters in Estonian ethnic humour (1890—2004). Folklore. Vol. 29; Laineste L. Poliitilised anekdoodid postsotsialistlikus Eestis Delfi Naljalehe näitel [Political jokes in post-socialist Estonia on the Delfi joke page]. Keel ja Kirjandus. Vol. 50. № 1; Laineste L. The Politics of Joking: Ethnic Jokes and Their Targets in Estonia (1880's – 2007). Folklore. № 40.

⁸⁰ Brzozowska D. Jokes in Poland at the Turn of the Century. W.: Świat humoru, red. S. Gajda, D. Brzozowska, Opole 2000: 111—120; Brzozowska D. Internet Jokes as an Intercultural Phenomenon. W.: Man within Culture at the Threshold of the 21st Century, red. E. Rewers. Uniwersytet im. Adama Mickiewicza. Poznań 2001: 56—65; Brzozowska D. Funny or aggressive? Pragmatic analysis of national stereotypes in an advertisement – a case study, «Stylistyka» 2006: 385—398; Brzozowska D. Jokes, identity, and ethnicity.

скорее относится поздняя анекдотическая традиция стран социализма и ее функционирование в современных условиях, часто судьба этой традиции при попадании в интернет⁸³.

В историографии не существует комплексной модели, описывающей существование анекдота как одной из форм передачи политических смыслов. Достижения ряда гуманитарных дисциплин не интегрированы между собой, отчего историография изучения советского анекдота крайне фрагментарна. Отечественной исторической наукой этот жанр устной традиции признан в качестве исторического источника, однако при этом отсутствует целостное представление о специфике анекдота и степени отражения в нем представлений массового сознания. Скепсис историков по отношению к анекдотам хорошо понятен и во многом справедлив. Одной из центральных проблем изучения устной традиции является проблема соотношения фольклорного текста и внетекстовой реальности, получившая развитие в трудах В.Я. Проппа⁸⁴, Б.Н. Путилова⁸⁵, А.К. Байбурина, Г.А. Левинтона⁸⁶ и С.Ю. Неклюдова⁸⁷. На сегодняшний день данная проблема не потеряла своей актуальности: согласно справедливому замечанию С.Ю. Неклюдова, на это указывают хотя бы ряд исследований по «устной истории», мало учитывающих коммуникативные особенности устной традиции, изучаемые фольклористикой⁸⁸. Общим моментом для современного гуманитарного знания является понимание того факта, что фольклор содержит в себе не конкретную историческую информацию, а матрицы общественного сознания, нередко имеющие мифологический генезис⁸⁹, что ставит под сомнение ценность анекдота как источника фактографической информации.

Политические настроения населения СССР и его отношение к советской власти в той или иной мере отразились в целом ряде исторических источников: дневниках, воспоминаниях, художественной литературе, «письмах во власть», данных перлюстрации писем и сводках о настроениях населения партийных органов и ОГПУ—НКВД; последние три источника особенно важны для историков по причине того, что в довоенный период не существовало публичных социологических служб, не проводились социологические опросы, и эти источники стали одними из основных каналов поступления высшему советскому руководству информации об обществе. Однако каждый из них обладает своей спецификой, определяющей степень его информативности и достоверности, и совершенно очевидно, что только комплексное исследование по всем типам источников способно приблизить ученого к созданию целостной картины общественных настроений советского периода. Кроме того, специфика источниковой базы – а именно наличие в ней сравнительно небольшого количества массовых источников, могущих быть обработанными с помощью статистических методов – оставляет открытым не только вопрос о ее количественном расширении, но и о привлечении качественно новых типов источников. Наличие огромного массива информации, относящегося к слабо контролируемой

W.: *New Approaches to the Linguistics of humor*, red. Diana Popa, Salvatore Attardo, Galati: Editura Academica: 2007: 88—96.

⁸¹ Станоев С. Отношение власть—общество в рассказывании анекдотов в посттоталитарный период в Болгарии // *Постсоциалистический анекдот*. Тарту, 2007 – <http://www.folklore.ee/ri/fo/konve/joke07/teesid.pdf>.

⁸² Пона Д.Е. Политический юмор в публичной сфере в Румынии // *Постсоциалистический анекдот*. Тарту – <http://www.folklore.ee/ri/fo/konve/joke07/teesid.pdf>.

⁸³ Крикманн А. / *Krikmann A. Netinalju Stalinist / Интернет-анекдоты о Сталине / Internet humor about Stalin*. Тарту, 2004.

⁸⁴ Пропп В.Я. *Фольклор и действительность*. С. 83—115.

⁸⁵ Путилов Б.Н. *Героический эпос и действительность*. Л., 1988.

⁸⁶ Байбурин А.К., Левинтон Г.А. О соотношении фольклорных и этнографических фактов // *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Т. 32. 1983. Р. 3—31; *они же*. К проблеме «У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов» // *Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов*. Л., 1984. С. 229—245.

⁸⁷ Неклюдов С.Ю. «Сценарные схемы» жизни и повествования // *Русская антропологическая школа. Труды*. Вып. 2. М., 2004. С. 26—36; *они же*. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // *АБ – 60*. Сб. статей к 60-летию Альберта Кашфулловича Байбурина. СПб., 2007. С. 77—86.

⁸⁸ Неклюдов С.Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре. С. 77.

⁸⁹ Ср.: Неклюдов С.Ю. Указ. соч. С. 77—78; Байбурин А.К., Левинтон Г.А. О соотношении фольклорных и этнографических фактов. С. 8; *они же*. К проблеме «У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов». С. 231—232.

государством сфере коммуникации и могущего быть рассмотренным с применением статистических методов исследования и контент-анализа, с одной стороны, и состояние источниковой базы по истории общественных настроений советского периода, с другой, определяют важность изучения советского анекдота. Основная причина невнимания отечественных историков к столь значительному сегменту массовой коммуникации видится прежде всего в отсутствии значительных по объему научных публикаций текстов советских анекдотов. Настоящее издание представляет собой попытку восполнить эту недоработку.

* * *

Автор выражает глубокую признательность коллегам, на разных этапах работавшим с текстом, чьи ценные замечания и советы немало способствовали улучшению книги: директору Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ д. филол. наук С.Ю. Неклюдову, профессору кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций РГГУ д. ист. наук А.Ю. Бахтуриной, зав. отделом современного фольклора Государственного республиканского центра русского фольклора канд. филол. наук М.Д. Алексеевскому, руководителю Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН канд. ист. наук А.В. Голубеву, профессору РГГУ д. ист. наук Л.А. Молчанову, руководителю Отдела специальных исторических дисциплин ИВИ РАН д. ист. наук И.Г. Коноваловой, руководителю Центра истории России, Украины и Белоруссии ИВИ РАН д. ист. наук А.В. Шубину, старшему научному сотруднику центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» канд. ист. наук Т.В. Гимону.

Автор глубоко признателен коллегам, оказавшим помощь в поиске новых источников: бывшему архивариусу Института изучения Восточной Европы Бременского университета Г.Г. Суперфину, историку Русского Зарубежья, издателю журнала «За свободную Россию: Сообщения местной организации НТС на Востоке США» Р.В. Полчанинову, докторанту школы Иудаики им. Х. Розенберга при Тель-Авивском университете Н. Канторовичу, сотрудникам музея М.М. Пришвина Я.З. Гришиной и А.В. Киселевой, сотруднику общества «Мемориал» А.А. Макарову, сотруднику отдела использования документов РГАСПИ А.И. Баканову, научному сотруднику Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН канд. филол. наук Н.Г. Комелиной.

Отдельной благодарности заслуживает коллектив Российского государственного архива литературы и искусства, в частности директор архива д. ист. наук Т.М. Горяева, заместитель директора Г.Р. Злобина, а также все сотрудники отдела архивных коммуникаций, возглавляемого Н.А. Стрижковой. Без дружеского участия специалиста отдела хранения РГАЛИ Л.Л. Родионова работа с фондом Главреперткома увеличилась бы втрое.

Автор искренне благодарен также А.И. Баканову за перевод текстов на польском языке и В.Р. Рувинской за перевод анекдотов на иврите.

Необходимо засвидетельствовать глубокую признательность канд. филол. наук А.С. Архиповой, материалы совместной работы с которой цитируются в Указателе десятки раз. По существу она является соавтором комментариев к сюжетам о Сталине, переводчиком ряда англоязычных текстов и человеком, выявившим несколько ценных публикаций, которые стали источниками для настоящего издания.

Самой важной обязанностью автор считает необходимость поблагодарить своих родителей и друзей за терпение, понимание и неизменную поддержку, окружавшие его все время работы над Указателем. Без помощи С.И. и Н.И. Киреевых разговоры о завершении работы над данным изданием были бы столь же смешны, сколь и материалы, в него вошедшие.

Несмотря на значительную помощь коллег и обилие интеллектуальных долгов перед ними, все возможные ошибки и неточности остаются целиком на совести автора. Работа над

Указателем продолжается, все замечания по настоящему изданию и информация об упущенных источниках будут с благодарностью приняты по адресу misha.melnichenko@gmail.com.

Анекдот и его фиксация

Советский анекдот – жанр преимущественно городского фольклора. В сельской местности каналом трансляции политических смыслов были в основном песни и частушки, хотя эпизодически анекдоты фиксировались и в деревне⁹⁰. Принадлежностью к устной традиции определяется ряд свойств, затрудняющих использование анекдота как источника фактографически достоверной информации. Текст анекдота вариативен, не имеет авторской привязки, с большими сложностями поддается хронологической локализации. Однако между анекдотом и более укорененными на русской почве фольклорными жанрами есть принципиальная разница: тексты, к примеру, сказок или былин передаются от поколения к поколению и, вследствие вариативности, степень трансформации информации в них несравнимо выше, анекдот же очень мобилен – возникнув буквально на следующий день после события, легшего в основу его сюжета, он сохраняет актуальность примерно столько же времени, сколько сохраняется внимание общества к этому событию. Новое – независимо от его окраски и влияния на судьбы носителей устной традиции – всегда имеет значительные шансы стать отправной точкой для актуальных времени юмористических текстов и породить, в зависимости от своего масштаба, единицы, десятки или сотни новых анекдотов. Как справедливо заметил в 1922 году В. Шкловский, «обилие советских анекдотов в России объясняется не особенно враждебным отношением к власти, а тем, что новые явления жизни и противоречия быта осознаются как комические»⁹¹. Как только новое становится нормой, фонд сюжетов, связанных с этой тематикой, стабилизируется и практически перестает пополняться. Так, большая часть анекдотов о пятилетках сложилась в конце двадцатых – середине тридцатых, популярные сюжеты о репрессиях появились преимущественно в тридцатые годы – и все возникавшие в последующие годы немногочисленные тексты были связаны со спецификой новых витков государственной политики в определенном направлении. То есть тематика этого «жанра быстрого реагирования» определяется политической конъюнктурой.

Анекдот интересен отнюдь не как носитель фактографической информации. Текст имеет шанс получить устное распространение, только если он психологически достоверен и основывается на общем для большинства носителей традиции знании, т.е. анекдот на социально-политическую тему содержит самые общие стереотипы массового сознания. В анекдоте, как отметил В. Вацура, главный интерес переносится с фактической на психологическую достоверность события⁹² и это, как справедливо подчеркнул исследователь дореволюционного анекдота А.А. Демичев, делает актуальным изучение аксиологического аспекта информативности анекдота⁹³.

Общим положением для исследовательской литературы является утверждение о тотальной отрицании анекдотическим жанром любых ценностей, которое, логически мысля, должно было бы привести к созданию в анекдотических текстах отрицательного образа *любой* власти. Это положение верно лишь отчасти – анекдот действительно представляет собой жанр, не имеющий табуированных тем, однако понимание его специфики помогает выявить в нем и положительные оценки осмеиваемого явления. В анекдоте не может быть положительного героя в традиционном понимании – однако тональность фронтовых анекдотов или т. наз. троцкистских анекдотов демонстрирует исследователю наличие внутри жанра определенных критериев

⁹⁰ См., к примеру: *Шевырин С.А.* Проявление оппозиционных настроений политике Советской власти в крестьянской среде // Астафьевские чтения: современный мир и крестьянская Россия. М., 2005. Вып. 3 (19–21 мая). С. 364–368.

⁹¹ *Шкловский В.* К теории комического // Эпопея. Берлин. 1922. № 3. С. 63.

⁹² Цит. по: *Курганов Е.* У нас была и есть русская литература... // Русский литературный анекдот конца XVII – начала XIX века. М., 2003. С. 8.

⁹³ *Демичев А.А.* Образ суда в дореволюционном российском анекдоте. Н. Новгород, 2007. С. 16.

различия «добра и зла». Положительный герой анекдота – это герой-плут, находчивый и остроумный: такой, к примеру, как Троцкий в текстах тридцатых годов или, в определенной мере, Сталин в послевоенном анекдоте.

Движущей силой политического анекдота, как утверждал Андрей Синявский, является запрет⁹⁴ – и анекдот, без сомнения, является одной из форм трансляции общественных настроений в условиях идеологического примата власти, однако формой весьма специфической. Игнорирование ряда жанровых особенностей может привести не только к возникновению неверных представлений о роли анекдота, но и к искажению картины жизни советского общества в целом. Анекдот вовсе не обязательно является формой политической борьбы – несмотря на стремление советских властей (и ряда исследователей) доказать обратное. Подавляющее большинство советских анекдотов несут в себе некоторый заряд агрессии по отношению к установившемуся в стране порядку – не являются исключением и анекдоты, к примеру, о качестве обслуживания в советских столовых или пьяных милиционерах, потому как за этими сюжетами угадывается насмешка над советским государством в целом. Однако установка анекдота в конечном счете определяется самим потребителем – проиллюстрировать это можно противоположными оценками ранних советских анекдотов в информационно-аналитических сводках ОГПУ, которые порой воспринимались как одна из форм антисемитской пропаганды⁹⁵, а порой – как одно из проявлений нелояльности еврейского населения СССР новому строю⁹⁶, при том что, судя по доступным материалам, и в еврейской, и в русской среде ходили одни и те же сюжеты, построенные на одних и тех же стереотипах восприятия новой власти.

Конечно, в определенные моменты анекдот может восприниматься как вербальная агрессия, однако в той же мере акт рассказывания анекдота может считаться «выпуском пара», способом сублимации негативной энергии⁹⁷. «Его [политического анекдота – М.М.] цели сложны и многообразны – от самозащиты личности до открытой словесной агрессии. Анекдот также выполняет функцию, связанную с механизмом “снятия” оппозиции “власть” – “народ”, “господство” – “подчинение”, обнажая амбивалентность любого политического явления, что лишает его прямолинейности и категоричности. Тем самым анекдот вскрывает скрытую реальность, стимулирует критику официальной идеологии»⁹⁸, – цитируют И.Б. Орлов и А.Я. Лившин социолога А.В. Дмитриева и вместе с тем ссылаются на высказанное им же утверждение, что политический анекдот может просто быть средством популярного развлечения⁹⁹. Однако в любом случае рассказывание политического анекдота манифестирует хотя бы частичное признание его психологической достоверности, соответствия анекдота (в той или иной мере) политической картине мира носителя анекдотической традиции. Совершенно верно в отношении литературного анекдота отмечает Е. Курганов – и в данном случае мысль вполне применима и к фольклорному материалу: «анекдот – это форма реагирования на некое сообщение, это историческая или просто логико-психологическая аналогия, ассоциация, заключающая в себе определенную концепцию события»¹⁰⁰. Это является общим местом не только для исследовательской литературы, но и для самих носителей традиции советского анекдота; очень тонко

⁹⁴ Терц А. [Синявский А] Анекдот в анекдоте // Синтаксис. Париж, 1978. № 1. С. 77—95.

⁹⁵ «Сюда же относится одна из разновидностей агитации – это воскресение умершего было еврейского анекдота, которые теперь тысячами передаются по углам интеллигентных гостиных и в колуарах советских учреждений. Конечно, анекдоты носят антисоветский характер, антисемитский (реагируя на каждую злобу дня) как советского, так и международного порядка» – Сводка ОГПУ о проявлении антисемитизма в городе и деревне // Неизвестная Россия (XX век). М., 1993. С. 347.

⁹⁶ «Евреи побаиваются правительства, а также коммунистов. Они не говорят вслух о недостатках советского аппарата и отдельных работников, но, опасаясь наказания, делают это между собой, тайком рассказывая анекдоты на идиш» – *Фэйнсод* М. Смоленск под властью Советов / Пер. с англ. Л.А. Кузьмина; под. общ. ред. Е.В. Кодина. Смоленск, 1995. С. 467.

⁹⁷ Перцов В. Анекдот. Опыт социологического анализа // Новый Леф, 1927. № 2. С. 41—43.

⁹⁸ Дмитриев А.В. Социология политического юмора. М., 1998. С. 56—57.

⁹⁹ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002. С. 6.

¹⁰⁰ Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб., 1997. С. 17.

почувствовал природу этого жанра писатель М.М. Пришвин, записавший в своем дневнике от 20 октября 1932 года такие строки: «... Существует ли общественное мнение? Оно – в молчании и анекдотах; во всяком случае, это не сила, на которую можно опираться, пользоваться, рассчитывать; это сила, подобная сну: видел сон и забыл, а день проводишь под его тонким влиянием...»¹⁰¹.

В определенной степени анекдот близок ряду вполне лояльных власти жанров сатирического творчества – карикатуристике, фельетонистике и пр. Создатели советской пропагандистской машины прекрасно понимали необходимость в деле формирования представлений об окружающем мире у советских граждан апелляции к их чувствам, в том числе через смех. Так, в условиях нехватки информации о заграничной жизни 1920—1930-х годов одним из основных инструментов формирования образа внешнего мира выступали именно эти жанры¹⁰²: «В этой борьбе смехом мы имеем право изображать врага карикатурно. Ведь никто не удивляется, когда Ефимов или кто-нибудь другой из карикатуристов ставит Макдональда в самые неожиданные положения, в которых тот в действительности никогда не был. Мы очень хорошо знаем, что это большая правда, чем лучшая фотография Макдональда, потому что этим искусственным положением, неправдоподобным положением карикатура выясняет внутреннюю правду ярче и острее, чем какой бы то ни было другой прием»¹⁰³. Очевидная востребованность сатирических жанров – во второй половине 1920-х годов тираж семи крупнейших сатирических журналов, согласно постановлению отдела печати ЦК ВКПБ «О сатирико-юмористических журналах», достиг полумиллиона¹⁰⁴ – косвенно подчеркивает ценность анекдота как исторического источника. Контролируемая властью сфера лояльной юмористической продукции даже в первом приближении не может сравниться по объемам с «рынком» устных юмористических текстов. Лояльная сатира и политический фольклор нацелены на то, чтобы выцзвать смех, однако разнятся в степени соответствия общественным настроениям: пафос сатиры направлен на создание определенных схем восприятия реальности, анекдот же рождается из этих стереотипов и, за счет отсутствия возможности для представителей власти контролировать этот процесс, резонирует общественным настроениям.

Ранний советский анекдот представляет собой традицию фактически мертвую, о которой можно судить только по сохранившимся записям, что актуализует проблему *достоверности*, под которой следует понимать соответствие имеющихся записей анекдотов реальной устной традиции. Если бы исследователи имели дело с живой устной традицией, эта проблема могла бы быть решена с помощью интервьюирования, анкетирования и других видов непосредственного наблюдения. Однако мы работаем только с фиксациями – причем фиксациями, произведенными не всегда профессиональными фольклористами или историками, а простыми, часто не очень грамотными людьми. Анекдот является устным жанром, то есть понятие «текст» при-

¹⁰¹ Пришвин М.М. Дневник. Тетрадь № 43. РГАЛИ. Ф. 1125. Оп. 1. Ед. хр. 403. Благодарю Я.З. Гришину и А.В. Киселеву за указание на данную цитату.

¹⁰² Подробнее о советской карикатуристике и степени ее влияния на формирование у советских граждан политических представлений см.: Голубев А.В. «Европы мрачен горизонт»: образ Запада в советской карикатуре 1920-х годов // Преподавание истории в школах. М., 2001. № 1. С. 27—32; *он же*. Межвоенная Европа глазами советской карикатуры // Европа. Варшава, 2003. Т. 3. № 3 (8). С. 125—169; *он же*. «Ансамбль международной свистопляски»: Европа в советской политической карикатуре 20—30-х годов // Проблемы российской истории. Магнитогорск, 2003. Вып. 2. С. 472—498; *он же*. «Наш ответ Чемберлену»: Советская политическая карикатура 1920—1930-х годов // Историк и художник. 2004. № 2. С. 122—139; *он же*. Образ Европы в советской карикатуре 20—30-х годов // Труды института Российской истории. М., 1997. Вып. 5. С. 237—300; *он же*. Америка в советской карикатуре 1920—1930-х годов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2007. Вып. 4. С. 372—413; Токарев В.А. «Польска сгинела»: окарикатуренные миры советской пропаганды (1939 год) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2007. Вып. 4. С. 216—233.

¹⁰³ Луначарский А.В. Статьи о литературе. М., 1988. С. 388. Цит. по: Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки. М., 1996. С. 68—69.

¹⁰⁴ «Счастье литературы»: Государство и писатели, 1925—1938 годы: Документы. М., 1997. С. 59.

менительно к нему очень сложно – как и всякое произведение народного творчества, он бытует во множестве равноправных вариантов, текст его синкретичен и может быть непосредственным результатом импровизированного исполнения¹⁰⁵. Кроме этого, процесс его воспроизведения, где активную роль играют и рассказывающий, и слушающий, считается неотъемлемой частью изучаемого жанра¹⁰⁶. При фиксации текста анекдота пропадает определенная часть информации: анекдот требует воспроизведения, в письменном виде он теряет часть своего эффекта.

Вариативность анекдота как текста устной традиции практически не имеет границ. Форма, которую принимает тот или иной сюжет, может быть обусловлена многими причинами – социальным положением, интеллектуальным уровнем, особенностями личного чувства юмора человека, зафиксировавшего анекдот, то есть тем, что с определенной долей условности можно назвать бессознательным изменением текста. Само по себе разительное отличие записей разных вариантов одного и того же сюжета устной традиции абсолютно нормально, однако применительно конкретно к советскому анекдоту это отличие приобретает иную окраску. Дело в том, что авторами или составителями значительной части источников, содержащих советские анекдоты, были люди политически ангажированные, стремившиеся всеми доступными способами проявить свою политическую позицию. Нередко в качестве дополнительного аргумента в пользу своих идеологических конструкций они использовали анекдоты, традиционно рассматривавшиеся как форма активного сопротивления советской власти. От этого тексты анекдотов часто – особенно в эмигрантских изданиях – подвергались сознательной редактуре в сторону большей их политизации, то есть текст анекдота становился объектом воздействия творческой инициативы собирателя. В случае серьезного расхождения узловых моментов сюжета одной записи анекдота по сравнению с прочими, у исследователя есть все основания для констатации возможной авторской инициативы. Проще всего подобное редактирование выявляется на материалах изданных в эмиграции сборников, составители которых активно заимствовали тексты у своих предшественников. Располагая несколькими генетически связанными записями одного и того же анекдота в разных эмигрантских сборниках, представляющих собой перепечатку одних и тех же ранних публикаций, с помощью сравнительного анализа близких, порою дословно совпадающих текстов исследователь может составить представление о мотивации публикатора, изменяющего текст анекдота. Однако далеко не всегда ситуация столь очевидна, как в эмигрантских собраниях – в значительном количестве случаев собрания анекдотов вполне самостоятельны и не опираются на уже изданные предшественниками сборники. В таком случае способом обнаружения авторских привнесений как раз и является сравнение конкретной записи с инвариантной схемой, представленной всей совокупностью записей рассматриваемого анекдота.

Достоверная хронологическая локализация сюжетов, имеющих устное происхождение, исходя из их содержания, практически невозможна. Вариативность анекдота не позволяет исследователю воспринимать какой-либо факт, упоминающийся в анекдоте, как достоверное свидетельство времени его возникновения.

Необходимо понимать, что сюжеты ряда популярных советских анекдотов появились задолго до 1917 года – в советское время они лишь актуализовались по тем или иным причинам. Ярким примером может служить превращение христианской притчи шестого века в советский анекдот, ставший одним из откликов на смерть Сталина:

¹⁰⁵ *Азбелев С.Н.* Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора. М.—Л., 1966. С. 262.

¹⁰⁶ *Смолицкая О.В.* Перформанс как жанрообразующий элемент советского анекдота – <http://www.ruthenia.ru/folklore/smolitskaya1.htm>.

<p>Некий старец в видении узрел душу усопшего брата в огненном озере по шею и сказал ему: «Не ради ли этой муки я молил тебя, чадо, чтобы ты позаботился о своей душе?» — «Благодарю Бога, отец мой, что хотя голова моя свободна от мучений. По молитвам твоим я стою над головою епископа»¹⁰⁷.</p>	<p>В аду варится погруженный по шею в смолу Гитлер. Рядом — Берия в смоле по пояс. Гитлер: «Как это ты так легко отделался?». Берия: «Я на голову Сталина встал». [ШТ 1987: 220].</p>
---	---

¹⁰⁷ *Иоанн Мосх.* Луг духовный. Сергиев Посад, 1915. С. 59.

В свою очередь данная притча представляет собой искаженный сюжет о Макарии Великом и черепа элина-язычника, впервые зафиксированный в четвертом веке в сборнике текстов «*Aporhtheumata Patrum*», более известном в отечественной традиции как «Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов»¹⁰⁷.

В связи с тем, что мы имеем дело с устной традицией, следует избегать спекуляций в неразрешимом в рамках исторической науки вопросе датировки сюжетов анекдотов, заменив его датировкой, основанной на анализе конкретных записей анекдотов. При работе над Указателем использовались два типа хронологической локализации записи – «жесткий» и предположительный. «Жесткая» датировка основывается на времени возникновения источника, содержащего в себе запись анекдота. Так, мы можем «жестко» датировать тексты из дневников современников, делопроизводственной документации и прочих текстов, время возникновения которых не подвергается сомнению. Предположительная датировка основывалась на комментариях лица, зафиксировавшего анекдот, и чаще всего использовалась нами для текстов из мемуаров и сборников анекдотов, составители которых пытались, исходя из своего представления о развитии традиции советского анекдота, указывать время возникновения сюжета, как это делал, к примеру, Е. Андреевич в [АЕ 1951]. Верхней границей возникновения сюжета мы условно считали самую раннюю «жестко» датированную запись или – в ряде случаев – дату, указанную составителем сборника или автором мемуаров, если другие выставленные им датировки хорошо соотносятся с «жесткими» из прочих видов источников.

Одним из самых спекулятивных вопросов, связанных с советским анекдотом, является вопрос об авторстве. Вопрос этот, думается, должен быть наполнен новым содержанием. Фольклорные тексты не имеют авторской привязки – вариативность текста анекдота, о которой писалось выше, объясняется тем, что каждый носитель устной традиции по существу является соавтором, привнося в текст элемент своего творчества в момент каждого воспроизведения.

Безусловно, традиция сама склонна приписывать авторство анекдотов конкретным историческим персонажам. Было бы слишком вольным допущением утверждать, что анекдоты целенаправленно и, главное, успешно создавались какой-то из сторон – участниц политической полемики данного периода. При этом прекрасно известно, что среди лидеров и участников т.наз. «троцкистской оппозиции» встречались люди яркие, образованные, с прекрасными ораторскими качествами, склонные к остроумным и парадоксальным суждениям, нередко становившимся крылатыми выражениями. К числу выделяемых современниками характеристик самого Троцкого чувство юмора не относится, но за его последователем К.Б. Радеком (Собельсоном) закрепилась слава великого остроумца и автора множества анекдотов. Согласно воспоминаниям современников, Радек действительно много и остро шутил, регулярно использовал

¹⁰⁷ Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Макарий. § 38. Благодарим А.А. Войтенко, любезно поделившегося с нами этой информацией.

анекдоты в качестве иллюстраций к своим суждениям¹⁰⁸ – это, кстати, нашло отражение и в более чем лояльной прессе второй половины тридцатых годов, не склонной лишней раз вспоминать о таком явлении, как «политический анекдот»:

Все годы после Октября Радек был троцкистом, боролся против победы социализма в СССР, за капитализм. В 1923 году он был оруженосцем Троцкого, клеветал на большевистскую партию, пытался подменить ленинизм троцкизмом. Этот комедиант, *рассказчик антисоветских анекдотов*, верно служил Троцкому и использовал печатное и устное слово для борьбы с большевиками. В 1926 году на диспуте в Коммунистической академии троцкист Радек хихикал и издевался над теорией построения социализма в нашей стране, называя ее щедринской идеей, строительством социализма в одном уезде или даже на одной улице¹⁰⁹.

Отчасти подтверждаются воспоминаниями и слухи о причастности Радека к сочинению анекдотов; на деле же анекдотическая традиция XX века приписывает авторство множества анекдотов Радеку так же, как, например, фольклорная традиция Азии приписывала ряд сюжетов Ходже Насреддину, – это нормальный процесс циклизации отдельных сюжетов анекдотов вокруг фигуры рассказчика или главного действующего лица. Это не значит, что в действительности Радек был автором приписываемых ему остроумств [АМ 2010: 122—124]. Характерно, что, несмотря на наличие в ВКП(б) своего «штатного» – вполне лояльного – остроумца Д. Мануильского, видного коминтерновца, известного своими розыгрышами и острыми шутками, ценимыми даже политическими оппонентами, – приписываемые ему тексты в устную традицию не попали, оставшись принадлежностью узких партийных кругов и эпизодических упоминаний мемуаристов¹¹⁰. Исключением может быть только один текст – в воспоминаниях Григория Захаровича Беседовского, сотрудника советского полпредства, попросившего в 1929 году политического убежища во Франции, мы видим строки о любви Ленина к анекдотам Мануильского, в том числе про самого Ленина (см. текст № 1778А), однако доказать реальность данного утверждения об авторстве практически невозможно.

В использованных источниках есть ряд текстов, авторство которых можно с большей или меньшей степенью достоверности приписать автору источника, в которых они были зафиксированы, однако устную природу этих текстов нам не удалось подтвердить независимыми фиксациями ни в одном из случаев. По этой причине кажется осмысленным, отказавшись от вопроса об авторстве конкретных сюжетов, строить предположения о среде их зарождения.

Определенная социальная группа является носителем определенной части общего сюжетного фонда анекдотов. Как показывает исследование, проведенное нами совместно с А. Архиповой на материале «антисталинских» анекдотов, сюжетный фонд текстов, фиксируемых в дневниках, доносах, сводках НКВД, во многих случаях разнится со сводом сюжетов, попавших в крупные сборники, составленные преимущественно образованными людьми и легшие в основу большинства современных исследований про советский анекдот. Существовала традиция более демократическая, носителями которой были преимущественно слабообразованные слои населения, и она, пересекаясь с традицией, носителем которой являлась, к примеру, городская интеллигенция, совпадала с ней лишь отчасти [АМ 2010: 28].

Безусловно, проблема определения среды зарождения и распространения анекдота в первую очередь может быть решена за счет информации, обрамляющей записи анекдотов в

¹⁰⁸ Так, в воспоминаниях видного советского сценариста А.Г. Ржевского описывается момент его беседы с Радеком о Ленине, в ходе которой последний рассказывает популярный до революции еврейский анекдот. См.: *Ржевский А.Г.* Жизнь. Кино. М., 1982. С. 34.

¹⁰⁹ Подлая Троцкистско-фашистская банда // Исторический журнал. 1937. 2 февр.

¹¹⁰ См., к примеру: *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 114.

конкретных источниках. Наиболее продуктивна в этом смысле работа с информационно-аналитическими сводками о настроениях населения и судебными делами, в которых в большинстве случаев фиксации анекдотов содержится информация о рассказчиках – их социальная принадлежность, уровень образования, возраст, национальность и партийность. Часто информация о среде распространения анекдота содержится в дневниках и воспоминаниях современников, а также в записях анекдотов, сделанных профессиональными собирателями фольклора. Однако при работе над Указателем было выявлено всего несколько десятков текстов с более или менее полной информацией о рассказчиках и несколько сотен текстов, сведения о фиксаторах которых легко вычленимы из текста источника. Работа с информацией о социальном статусе лица, зафиксировавшего анекдот, сразу продемонстрировала специфику, могущую стать затруднением при попытке статистической обработки данных. Многие люди, фиксировавшие анекдоты на территории СССР, имели высшее образование и относились к категории работников умственного труда. То есть, для примера, 147 текстов из собрания академика С.А. Ефремова, фиксировавшего в дневниках анекдоты, услышанные им на улице, на рынке и пр., могут быть отнесены к группе анекдотов, популярных в интеллигентских слоях, – по той причине, что Ефремов зафиксировал только текст, а не обстоятельства, при которых с ним ознакомился. Полученной информации не хватило для статистической обработки данных в масштабах всего собрания, в большей части представленного текстами из сборников. На имеющемся материале проблема среды зарождения и распространения анекдота может быть решена только в ряде конкретных случаев. Некоторые сюжеты могут быть предположительно отнесены к частям сюжетного фонда эпохи, популярной у той или иной социальной группы по внутритекстовым особенностям. При работе с источниками, содержащими не только записи анекдотов, но и информацию об их рассказчиках, становится заметной следующая жанровая закономерность – чем больше заимствует конкретный анекдотический сюжет из традиционного фольклора и чем больше в нем религиозных коннотаций, тем шире круг его рассказчиков. Так, многие анекдоты, зафиксированные людьми интеллектуального труда, восходят к литературным анекдотам о Петре Великом или строятся на нетривиальной игре слов и цитат, а сюжеты, зафиксированные ГПУ в рабочей и крестьянской среде, часто можно найти в каталоге международных сказочных сюжетов Аарне-Томпсона-Утера (ATU) [АМ 2010: 28].

Работа над решением вопроса о социальной среде распространения анекдотов на имеющихся источниках не очень продуктивна, серьезных подвижек в деле решения этого вопроса следует ожидать лишь в случае введения в научный оборот больших массивов материалов, имеющих отношение к системе контроля политической благонадежности граждан СССР, в данный момент преимущественно находящихся на ведомственном хранении. Структура документов из этого вида источников в обязательном порядке предполагает наличие определенной информации о рассказчиках анекдотов, гипотетически достаточной для статистической обработки.

Виды источников с фиксациями анекдотов

При работе с записями текстов советских анекдотов необходимо понимать, что мы имеем дело с традицией, почти целиком вышедшей из живого бытования и доступной лишь в записях. Лишь небольшая часть советских сюжетов, часто сильно изменившись, сохранила актуальность, подавляющее же большинство анекдотов стало частью письменных источников, часто не опубликованных или не введенных в широкий научный оборот. В связи с этим особую проблему в изучении советских анекдотов представляет выявление текстов анекдотов. Важной особенностью подбора материалов в данной работе является то, что мы сознательно отказались от любых форм полевого собирания анекдотов, а именно от интервьюирования и анкетирования. Фиксации анекдотов можно найти в источниках разных видов, обладающих разной степенью достоверности с точки зрения соответствия реальной устной традиции. Нами было выделено девять видов источников: пресса, сборники, делопроизводственная документация, записи фольклористов, эстрадные номера, дневники, мемуары, художественная литература и видеоматериалы.

Пресса

Публикации небольших подборок текстов советских анекдотов стали появляться в эмигрантской периодике с 1921 года. Первая из известных нам статей подобного рода была напечатана в парижской газете «Последние новости» от 23 марта 1921 года [СЮ 1921]:

Казалось бы, голод и холод, царящие в советской России, не располагают к шуткам, а свирепый террор – к сатирическим шпилькам против советской власти. Но оказывается, что москвичи продолжают шутить и смеяться (правда, горьким смехом) – причем объектом шуток и смеха являются, как это ни рискованно, и большевики, и советская власть. Шутят все, начиная с клоунов – этих «шутков, говорящих правду», и кончая самими советскими служащими.

Эта небольшая заметка содержит в себе пять текстов анекдотов, из которых три представлены как сюжеты якобы имевших место в действительности «контрреволюционных» клоунских реприз. Эта публикация знаменовала собой определенную веху в деле собирания подобного рода материалов: русское зарубежье, до революции порождавшее немногочисленные сборники очень условно «антиправительственного» фольклора, по понятным причинам переключилось на антисоветские анекдоты и стало центром их собирания. Именно в зарубежных публикациях современный исследователь может найти наибольшее количество фиксаций анекдотов. В эмигрантской периодике¹¹¹ вышло несколько десятков публикаций советских анекдотов, часть из которых мы разберем ниже, а также сложно поддающееся исчислению количество статей, содержащих в себе «случайную» запись текста анекдота. Каждая из этих публикаций давала от 1 до 44 текстов.

Статья «Советский юмор», упомянутая выше и ознаменовавшая собой начало эмигрантского собирания и публикации советских анекдотов, на протяжении пяти лет оставалась единственной статьей такого рода в ориентированной на широкого читателя эмигрантской периодике. Помимо нее нам известна только одна научно-популярная статья В. Шкловского «Теория комического» [ШВ 1922], вышедшая в декабре 1922 года в альманахе «Эпопея» и посвященная формам существования комического в «новой» России. Данная публикация содержала в

¹¹¹ «Последние новости», «Голос народа», «За новую Россию», «Иллюстрированная Россия», «Воля России», «Русская мысль», «Часовой», «Наша страна», «Российский демократ», «ДП Сатирикон», «Эпопея» и пр.

себе шесть записей анекдотов, но, в силу меньшей аудитории альманаха по сравнению с теми же «Последними новостями», вряд ли можно говорить о том, что публикация эта могла быть замечена широкими слоями русской эмиграции.

Следующая – ставшая самой крупной в эмигрантской периодике – публикация анекдотов появилась в 1925 году в пражском журнале «Воля России» [СА 1925]. Ее анонимный составитель ставил целью своего труда необходимость спасения «ценного бытового материала, который обладает способностью легко улетучиваться». В этой подборке содержится 44 анекдотических сюжета времен Гражданской войны и НЭПа, большая часть из которых, судя по многочисленным фиксациям в прочих источниках, в это время пользовалась значительной популярностью. Можно предположить, что причина популярности этих сюжетов (во всяком случае, в русском зарубежье) лежит в резонансе, который могла получить публикация в «Воле России». Анекдоты из нее дословно перепечатывались (иногда с указанием источника, но чаще – без него) в самых разных эмигрантских изданиях (об этом – ниже) времен существования СССР, а также в научной литературе современной России¹¹². Данная публикация важна тем, что именно в ней содержится первая известная запись анекдота о Сталине – сюжет в котором он представлен еще не как самовластный правитель советской России, но как один из «вождей», специалист по делам национальных меньшинств (264А).

В 1927 году популярный эмигрантский еженедельник «Иллюстрированная Россия», издававшийся в Париже, попытался провести конкурс на самый лучший анекдот о советской России. Конкурс, по мнению организаторов, закончился весьма неудачно; его фактический провал был описан в специальном фельетоне Тэффи «Трагический завтрак» [ЛН 1927]. После объявления конкурса в редакцию стали поступать письма с анекдотами, из которых более 30 текстов были опубликованы в №№ 12—14 за 1927 год, однако в действительности к советским делам относились только 16 из них, в целом вполне тривиальных.

Тридцатые годы характеризуются довольно слабой активностью публикаторов – в эмигрантской прессе этого периода нам удалось найти лишь несколько небольших статей [АВ 1932; ИВ 1936; ЗР 1934; 1935; 1936] с советскими анекдотами. Очень показательным является тот момент, что анекдоты начинают публиковаться в изданиях «левой» эмиграции; так, у нас есть шесть текстов из «Бюллетеня оппозиции», три из которых носят антисталинский характер (713А, 744А, 3104D), два посвящены борьбе с оппозицией и арестам (128А, 1730В) и один относительно нейтрален – он посвящен давке в московских трамваях (2994А).

Публикации тридцатых годов заметно отличаются от ранних – они приобретают ярко выраженный антисталинский оттенок. Дальнейшее развитие эта тема получает во время Великой Отечественной войны – во многом за счет привлечения немцами русских эмигрантов к разработке агитационных материалов для Восточного фронта; именно эмигранты стали проводником, с помощью которого довоенные фольклорные сюжеты попали в немецкие листовки, периодику, выпускаемую на оккупированных территориях, и изданные для интернированных рабочих книги.

В немецкой периодике, издаваемой на оккупированной территории – газетах, журналах и сатирических сборниках, – в контексте последовательно проводимой немцами антисемитской кампании публиковались «еврейские» анекдоты¹¹³: иногда советского происхождения, появившиеся в двадцатые годы и отражавшие стереотип восприятия советской власти как власти еврейской, но чаще – бытовые тексты, не имеющие никакой привязки к советскому строю:

¹¹² Янгиров Р.М. Анекдоты «с бородой»: Материалы к истории неподцензурного советского фольклора 1918—1934 // НЛО. 1998. № 31. С. 155—174.

¹¹³ Никитенков В. Антисемитская пропаганда в коллаборационистской периодической печати Брестчины в 1941—1944 годы // Материалы Седьмой ежегодной междунар. междисциплинарной конференции по иудаике. Королев, 31 янв. – 2 февр. 2000: В 2 ч. М., 2000. Ч. 1. С. 285.

«Абрам Давидович, что вы так спешите домой?» – «О, Моисей Исаакович, я обманул железную дорогу – купил билет и не поехал»¹¹⁴.

Послевоенная эмигрантская пресса дает нам несколько самостоятельных публикаций [МП 1947; РД 1948; СА 1948; СЮ 1948; ЩТ 1951], две перепечатки [АЕ(ГН) 1951; 1952] из популярного сборника «Кремль и народ» (о котором ниже) и 11 анекдотов, обнаруженных нами среди прочих юмористических материалов в сатирическом журнале «ДП Сатирикон» 1951—1952 годов [СА 195...].

К этому виду источников мы также относили окказиональные записи устной традиции в советских периодических изданиях – преимущественно это были сатирические журналы («Смехач», «Бегемот», «Крокодил» и пр.). Естественно, анекдоты в подцензурной периодике публиковались в сильно искаженном виде, в подавляющем большинстве случаев – как авторская реприза. Случаев, когда автор советского журнала брал за основу своего текста или рисунка сюжет анекдота, довольно много, однако интересны они как иллюстрация взаимодействия двух кардинально разных сфер – жестко цензурированной публицистики и советской устной традиции; для изучения непосредственно советского анекдота ценность подобного рода записей невелика.

Если рассматривать все публикации текстов советских анекдотов в прессе, то становится понятно, что из найденных нами подборок анекдотов серьезный интерес представляет только анонимная публикация в «Воле России» 1925 года – относительно объемная и весьма достоверная, она сильно повлияла на последующие публикации и историографию изучения советского анекдота. Публикации 1920—1980-х годов дали нам 160 записей анекдотов и позволили уточнить верхнюю границу датировки для нескольких десятков сюжетов. На фоне прочих видов источников периодические издания сильно проигрывают по объему и качеству материала.

Сборники

К данному виду источников мы относим крупные собрания, составленные непрофессиональными собирателями анекдотов. В подавляющем большинстве случаев это вышедшие отдельной брошюрой или книгой коллекции анекдотов или материалы, собранные с прицелом на публикацию, но по тем или иным причинам до издательства не добравшиеся.

Сборники советских анекдотов, родившиеся в эмигрантской среде, регулярно выпускались на территории от Риги до Буэнос-Айреса с середины двадцатых годов. Некоторые из них целиком посвящены советской действительности, как послевоенный сборник «Кремль и народ» [АЕ 1951], другие, как рижский сборник «Еще 500 анекдотов» [КС 1928], содержали в себе раздел «Анекдоты из Советского Союза», в третьих советская тема была представлена очень фрагментарно – в сборнике «Сто анекдотов о прекрасных людях» [РИ 1925—26] на более чем полторы сотни анекдотов нашлось лишь 11 текстов, имеющих отношение к Советскому Союзу. Во многом почти все они перекрывались друг другом и имели некоторое родство.

Хронологически первым идет сборник, составленный актером и собирателем анекдотов¹¹⁵ И.С. Руденковым (1887—1950) «Сто анекдотов о прекрасных людях» [РИ 1925—26], давший очень мало записей советских анекдотов (11 текстов). До конца 1920-х годов (дата издания не указана) он был серьезно расширен и переиздан рижским издателем С. Карачевцевым под названием «Тысяча двести анекдотов» [КС 192? (1978¹¹⁶)]. Этот журналист и издатель

¹¹⁴ На досуге. Berlin, 1944. № 12—20. С. 32.

¹¹⁵ По некоторым сведениям, И.С. Руденков собирал еврейские анекдоты еще до революции – см.: Евреи шутят: Еврейские анекдоты, остроты и афоризмы о евреях, собранные Леонидом Столовичем. Тарту—СПб., 2009. С. 17.

¹¹⁶ Нами использовалось фотоофсетное второе издание: Тысяча двести анекдотов / Сост. С. Карачевцев. Paris: Librairie de Sialsky, 1978. 192 с.

до начала тридцатых годов работал над выпуском сборников анекдотов – его стараниями в рижских издательствах «Мир» и «Ориент» вышло еще четыре брошюры [КС 1928; 1929; 1930; 1932], отличавшиеся сравнительно невысокой политизацией – значительная часть анекдотов из них посвящена универсальным сюжетам, этническим и бытовым, советские же сюжеты представлены фрагментарно. Вместе с тем в сборниках Карачевцева значительное количество анекдотов опирается на советские реалии, но лишь отчасти являются политическими – речь идет о текстах про коммерсантов и растратчиков, а также сюжетах, посвященных падению морали и упрощению половых отношений в советской России. Пять этих сборников в общей сумме дали нам 240 записей анекдотов (или текстов, которые составитель стремился выдать за анекдот), при этом треть из них – дубли, т.е. тексты, которые составитель без изменений переносил в поздние издания из ранних.

Характерная черта Карачевцева как собирателя и публикатора советского фольклора – склонность к фальсификации текстов путем дословной перепечатки под видом анекдотов фельетонов из советской сатирической периодики двадцатых годов. При работе с его собранием было сразу забраковано более полутора десятков сюжетов, обнаруженных в «Крокодиле» и «Смехаче» и представляющих собой слишком громоздкие для устной передачи тексты, например:

Телеграмма: «Закатайск. Уездполкому. Срочно. Отделение Госбанка просит навести справки о кредитоспособности гражданина Шмерель, проживающего в Закатайске, по улице Марата точка. Подпись». Через неделю ответ – телеграмма: «Согласно вашей телеграмме в ночь на десятое апреля произвели обыск у гражданина Шмереля, на улице Марата. Обнаруженные четыре золотых десятки и банкноту в один фунт стерлингов изъяли и передали в уездфинотдел. Сообщите о дальнейших мерах» СБ: 1927 [СА 1927: 20—21] = [КС 1928: 80] = [КС 1929: 212—213].

Вышеприведенный текст, выдаваемый за анекдот, – перепечатка фельетона Г. Тимана из «Крокодила» от 1 мая 1923 года¹¹⁷. К тому же при работе с рижскими сборниками выяснилось, что в целом их тематика чрезвычайно близка к тематике, привлекавшей лояльных власти сатириков, которые работали в советских периодических изданиях, что наводит на мысль о возможном авторском происхождении и других текстов.

Совершенно очевидно, что в свое собрание Карачевцев также включал тексты известного нам сборника Ивана Руденкова. После обнаружения в ГОПБ (библиотеке бывшего института марксизма-ленинизма) экземпляра сборника «Советские анекдоты» [СА 1927]¹¹⁸, изданного в Берлине в 1927 году, выяснилось, что материалы этого сборника тоже активно использовались рижским издателем. Из двух сотен текстов берлинского издания 171 почти без какой-либо редактуры вошли в раздел «Сов. Юмор» рижского сборника «Еще пятьсот анекдотов немецких, английских, французских, еврейских и советских» [КС 1928].

Берлинский сборник 1927 года довольно любопытен с источниковедческой точки зрения – на данный момент можно констатировать наличие минимум трех изданий, использованных его составителем. Во-первых, в нем дословно воспроизведена часть текстов из первой относительно крупной анонимной публикации советских политических анекдотов в эмигрантской периодике – «Современный советский анекдот» [СА 1925]. Вторым и третьим источниками, легшими в основу Берлинской коллекции, стали, как ни странно, советские издания – вышедшие в 1927 году в серии «Копилка советских курьезов» сатирические сборники «Фиксатуар пошлости»¹¹⁹ и «Веселый архив»¹²⁰. Брошюры эти, составленные неким Б. Самсоновым,

¹¹⁷ Крокодил (приложение к «Рабочей газете»). М., 1 мая 1923 года. № 16 (46). С. 8.

¹¹⁸ См. также рецензию на это издание: Айхенвальд Ю. Советские анекдоты // Сегодня. 1927. 2 июля. С. 6.

¹¹⁹ Фиксатуар пошлости / Сост. Б. Самсонов, предисл. М. Кольцова. М., 1927.

представляют собой компиляцию цитат из реальных, по утверждению составителя, объявлений, эпитафий, заявлений, служебных характеристик и докладных двадцатых годов – то, что позже в советских сатирических изданиях станут публиковать в рубрике «Нарочно не придумаешь». Любопытно, что в тридцатые годы оба этих сборника попали в проскрипционные списки Главлита СССР¹²¹ (это автоматически влекло за собой уничтожение тиража с сохранением ряда экземпляров в спецхранах крупных библиотек), что, скорее всего, было вызвано арестом и расстрелом автора предисловия к ним – видного журналиста Михаила Кольцова. Не очень понятно, напрямую ли составитель заимствовал тексты из двух этих изданий, или воспользовался их дословными перепечатками из «Смехача» и «Крокодила», однако понятно, что перед нами одна из первых попыток выдать за «антисоветское» народное творчество шутки, карикатуры и репризы из советской сатирической периодики, в целом довольно характерное для эмигрантских издателей. Позже, по сообщению видного деятеля НТС Р.В. Полчанинова, в изданном НТСНП в 1930-х годах в Белграде ротаторном сборнике, представлявшем собой конспект для курса изучения жизни в СССР, кроме советских анекдотов встречались также и тексты из «Крокодила»¹²². При этом надо понимать, что помимо дословных перепечаток авторских фельетонов в эмигрантских сборниках были и другие способы взаимодействия традиции с сатирической периодикой – нам известны анекдоты, восходящие к популярным сатирическим фельетонам, но потерявшие привязку к исходным текстам и записанные собирателями уже как пример народного творчества. В качестве примера можно привести сюжет *2225, зафиксированный сразу после войны эмигрантом второй волны, – совершенно очевидно, что это упрощенная версия фельетона М. Кольцова «К вопросу о тупоумии» (1931), в котором ответственный кооператор Воробьев в ответ на свое предписание с исходящим номером 13530 «ускорить заготовку» получает телеграмму «...ускорить заготовку 13530 воробьев»¹²³.

Все это иллюстрирует собой чрезвычайно характерный для данного вида источников способ фиксации и распространения анекдотов. Тексты, опубликованные в 1925 году в журнале «Воля России» (Прага), через два года почти дословно воспроизводятся в сборнике «Советские анекдоты» (Берлин), отсюда – вместе с совершенно нефольклорными текстами из советских сборников – попадают в издания Карачевцева (Рига) – и это только начало их «странствий». Рижские издания в свою очередь оказывают влияние на последующие публикации анекдотов; в качестве примера приведем тот факт, что одно из них – «Тысяча двести анекдотов» будет переиздано репринтом в семидесятые годы в Париже. В 1932 году выходит последнее издание из рижской группы подборок анекдотов и почти на десять лет прекращается выпуск отдельных сборников анекдотов, возобновившийся только в годы Второй Мировой войны.

Годы войны становятся очень важной вехой в истории советского анекдота – очевидно, что в этот период анекдот активно используется противоборствующими сторонами как один из составляющих элементов пропагандистской кампании. Эмигранты, значительная часть которых не только являлась носителями советской анекдотической традиции, но и, по понятным причинам, питала к советским анекдотам особую страсть, сослужили фашистам неплохую службу – первоначально ряды «Винеты» (структурного подразделения восточного отдела Министерства пропаганды, отвечавшего за подготовку печатных материалов) практически целиком состояли из старых эмигрантов, хотя со временем они были заменены коллаборационистской интеллигенцией советского происхождения – причиной этому стало слабая ориентация эмигрантов в реалиях советской жизни¹²⁴, обусловившая незначительный эффект первых

¹²⁰ Веселый архив / Сост. Б. Самсонов, предисл. М. Кольцова. М., 1927.

¹²¹ Блом А.В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917—1991. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003.

¹²² Полчанинов Р.В. Политические анекдоты // Заметки коллекционера. London: Заря, 1988. С. 222—231.

¹²³ Кольцов М. Фельетон. М., 1956. С. 21—24.

¹²⁴ Материалы к истории ОДНР. 1941—1945. Изд. СБОНР. 1970. С. 19.

пропагандистских кампаний¹²⁵. Именно эмигранты и стали той средой, через которую довоенные фольклорные сюжеты попали в немецкие пропагандистские материалы. В основном это частушки и анекдоты, представленные практически во всех форматах немецкой агитационной работы – в листовках, разбрасываемых над советскими позициями, в периодике, выпускаемой на оккупированных территориях, и в радиовещании¹²⁶. Для советских граждан, оказавшихся на оккупированной территории, и интернированных рабочих на немецкие деньги издавались специальные сборники антисоветского фольклора. Так, журнал «На переломе», выходявший в Смоленске в 1942—1943 годах, в октябре 1942 года опубликовал анонс сборника частушек, сказок и анекдотов под названием «Как народ ненавидит Сталина и жидовский коммунизм?»¹²⁷, составителями которого были немец Курт Люк и белорус Петр Бялик. Согласно аннотации, книга «знакомит русского читателя с подлинным народным творчеством русского, украинского и белорусского народов в годы существования советской власти. Образцы народного творчества, представленные в сборнике, не имеют ничего общего с фальсифицированными произведениями “народного творчества”, нередко печатавшимися в советских фольклорных сборниках»¹²⁸. Выпускались сборники анекдотов и без примесей других жанров – в 1944 году в Плауне (Германия) вышло два издания (на русском и украинском языках) сборника «Как поживаете? Анекдоты из советской жизни» [МЮ 1944]¹²⁹, составленного кандидатом в члены Комитета освобождения народов России (КОНР), а в прошлом, возможно, старшим научным сотрудником Академии наук СССР [МЮ 1944: 9] Ю.А. Музыченко. Автор попытался на основе своих записей (около 200 текстов) составить «маленькую энциклопедию советской жизни» в анекдотах, и в целом сборник неплохо соотносится с прочими записями анекдотов данного периода, за исключением одного момента – собрание Музыченко (и особенно раздел «Китайские мандарины», посвященный роли евреев в Советском государстве) содержит в себе несколько больше анекдотов о евреях, чем прочие собрания. Составитель склонен редактировать тексты известных советских анекдотов в антисемитском духе, а также последовательно проводит немецкую тему: в анекдотах о «советском гражданине за границей» последний командирован преимущественно в Берлин, а в текстах, посвященных сравнению разных национальностей, появляется «немец-колонист», ни до, ни после издания этого сборника героем русских и украинских анекдотов не являвшийся:

На широкой дороге в степи лежат потерянные часы. Первым проезжает на волах украинец. Он видит часы, останавливает волов, но... лежать на сене так приятно, а слезать так долго... «А, чтоб им пусто было! Цоб-цобе!» – решает он и едет дальше. Вторым в хорошем тарантасе, на прекрасных конях подъезжает немец-колонист. Заметив часы, он останавливается, слезает с тарантаса, качает головой. Прохожий, очевидно, вскоре заметит свою пропажу и возвратится в поисках часов, – решает немец. Он сдувает с часов пыль, аккуратно вытирает их носовым платком и кладет на видном месте у дороги. Но вот пешком по дороге идет еврей. Он видит часы, хватает их и прикладывает к уху. Часы идут. «Ты идешь? И я иду! Так пойдем вместе!» – СБ: 1944 [МЮ 1944: 25].

¹²⁵ О कोरोков А. Особый фронт: немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй Мировой войны. М., 2007. С. 29—32.

¹²⁶ См., к примеру: Гершювич М. Два сапога – пара // Лехаим. 2004, июль. № 7 (147). С. 6.

¹²⁷ Нам не удалось найти сам сборник и факты, подтверждающие его выход, кроме аннотации в журнале: На переломе. 1942. № 3.

¹²⁸ Там же. С. 109—110. Цит. по: О कोरोков А. Указ. соч. С. 71.

¹²⁹ Выражаем нашу глубокую признательность деятелю НТС Р.В. Полчанинову и архивариусу Бременского университета Г.Г. Суперфину, оказавшим неоценимую помощь в деле получения данного издания.

Совершенно очевидно, что Музыченко изменял «этническую принадлежность» героев анекдотов в духе общей концепции сборника, оставляя персонажа-еврея лишь в уничижительных для последнего контекстах и убирая его из всех сюжетов, которые могли бы поставить под вопрос стереотип о восприятии власти большевиков как власти еврейской. Очень показательна в этом плане запись популярного сюжета о Ленине на том свете (сюжет № 511¹³⁰). Во всех прочих многочисленных фиксациях этого сюжета в качестве героя-проводника выступает еврей – в данной же записи появляется «веселый русский ярославец» – находчивый «расово чистый» персонаж, оппозиционный «еврейской» советской власти. Этот персонаж отражает народные представления о Ярославле как о городе хитрецов и обманщиков, в котором живут предприимчивые ярославцы, способные обмануть даже черта¹³¹.

Материалы фашистской агитации периода Великой Отечественной войны оказали серьезное влияние на послевоенные эмигрантские сборники анекдотов. После войны было издано пять крупных сборников анекдотов, и все они в той или иной мере восходят к немецким агитационным материалам. Важной их особенностью также является тот факт, что в этих изданиях старательно обходится стороной тема советско-немецкого противостояния – несмотря на то, что в 1941—1945 годах появились десятки анекдотических сюжетов о немцах, что, как думается, вызвано политической позицией составителей и их возможным коллаборационистским прошлым¹³².

В первую очередь стоит упомянуть сборник «Советские анекдоты» [ШО 194?], составленный неким О. Шило – он представляет собой небольшую брошюру на украинском языке без указания даты и места издания¹³³. Судя по всему, она была подготовлена и издана кем-то из украинской эмиграции второй волны уже после Потсдамской конференции (июль – август 1945 года)¹³⁴. Позже большая (89 из 93 анекдотов) часть текстов из собрания Шила была переведена на русский язык¹³⁵, лишена украинской специфики (к примеру, упоминаний про Т. Шевченко – последний традиционно в анекдотических сюжетах, кочующих из России на Украину и обратно, заменяется на А. Пушкина) и включена в изданный в Буэнос-Айресе под названием «Антисоветские анекдоты: борьба народной пропаганды с большевистской» [АА 194?] анонимный сборник анекдотов. Эти сборники чрезвычайно похожи друг на друга и не имеют конкретной датировки – и то, что сборник Шила первичен, можно утверждать лишь на основе анализа иллюстраций: совершенно очевиден факт выборочного копирования изображений из одной книги в другую. В буэнос-айресское собрание так же выборочно заимствовались тексты из немецкого агитационного издания «Как поживаете?». Безымянный составитель «Антисоветских анекдотов...» отличался одной очень характерной редакторской особенностью – он, в отличие от Ю. Музыченко, убирал персонажа-еврея из сюжетов, могущих быть воспринятыми как оскорбительные: даже традиционно «еврейские» сюжеты он переделывал под «армянские».

¹³⁰ Подробный разбор данного сюжета см.: *Архипова А.С., Мельниченко М.А.* «Вот проценты за ваш капитал!»: К вопросу о генезисе и эволюции политического анекдота // Габриэлиада: К 65-летию Г.Г. Суперфина – <http://www.ruthenia.ru/document/545661.html>.

¹³¹ «...еврей надул татарина, еврея – цыган, цыгана – армянин, армянина – грек, грека – чорт, чорта – ярославский торговец» [КС 1929: 148].

¹³² Косвенно это подтверждается наличием в ряде сборников сюжетов о перемещенных лицах, вынужденных проходить processing в американских эмиграционных органах. См., например, сюжет № 1917.

¹³³ Выражаем искреннюю признательность к.ф.н. А.С. Архиповой и архивариусу Institut Forschungsstelle Osteuropa Г.Г. Суперфину за помощь в обнаружении этого сборника.

¹³⁴ Нижняя граница выставлена на основе самого позднего сюжета, присутствующего в этой книге – о беседе двух солдат на границе русской и американской оккупационных зон [ШО 194?: 50].

¹³⁵ В издание не вошли анекдоты про украинизацию, построенные на языковой игре.

<p>Жид тикае з СССР закордон. Перебігаючи кордон, побачив, що ним женеться вартовий. Тоді він швиденько сідає і саме там, де собака поруч залишила слід. Вартувий підбігає й питає: «Що ти тут робиш?» — «Хіба не бачите?» — відповідає жид, показуючи на собачий слід. «Але ж це собачее?!» — «А хіба в нас життя людське?» [ШО 194?: 13]</p>	<p>Армянин удирает из СССР за границу. Вдруг он замечает, что за ним гонится патруль. Тогда он быстро садится на землю, как раз там, где собака оставила след. Патруль подбегает и спрашивает: «Что ты здесь делаешь?» — «Разве не видите», — отвечает армянин, показывая на собачий след. «Но это же собачье?!» — «А разве жизнь у нас человеческая?!» [АА 194?: 16—17]</p>
--	--

В борьбе с ярко выраженным антисемитизмом Ю. Музыченко и агитационной направленностью его сборника он часть текстов просто опустил, из остальных убрал откровенно «антиеврейское», а также, на всякий случай, «русское», «украинское» и «немецкое». Таким образом «веселый русский ярославец» из анекдота о Ленине в буэнос-айресском сборнике стал просто «веселым ярославцем».

Дата выхода «Антисоветских анекдотов» нигде не обозначена. Последний текст сборника, приведенный в Указателе под номером 5270А, мог быть зафиксирован не раньше 1946 года (именно в 1946 году заканчиваются переименования пражских улиц, упомянутые в записи). На основе того, что в сборник вошел только один послевоенный анекдот из жизни стран социалистического лагеря из десятков сюжетов, появившихся как грибы после дождя во второй половине 1940-х годов, и его расположения на последней полосе сборника (это может говорить о том, что составитель решил поместить его в момент, близкий к завершению работы над книгой) мы приблизительно можем датировать его 1946—1947 годами.

И наконец, самый представительный сборник русского зарубежья, вышедший до смерти Сталина, — «Кремль и народ» Евгения Андреевича [АЕ 1951]. Сборник включает в себя порядка 400 текстов, но тоже является вторичным по отношению к предшествующим собраниям. Значительная часть текстов позаимствована Андреевичем из сборника Шила и берлинского сборника 1927 года «Советские анекдоты», часть — из эмигрантской периодики (ДП Сатирикон и пр.; об этом он, что не очень свойственно составителям подобного рода книг, упоминает в предисловии). Данное издание ценно не только своим объемом, но и попыткой составителя хронологически систематизировать материал. Андреевич разделил собрание на небольшие части в соответствии со своими представлениями о хронологии советской истории: «1917—1920: Захват власти большевиками. Военный коммунизм»; «1921—1925: НЭП»; «1926—1929: Ликвидация НЭПа. Возвышение Сталина» и проч. — и по этим разделам распределил все сюжеты. Несмотря на то, что ряд его датировок довольно сильно корректируются при сопоставлении с прочими источниками (Андреевич склонен был «завышать» границу появления сюжета, судя по всему относя момент рождения анекдота к тому времени, когда сам его услышал), для многих сюжетов датировка Андреевича является единственным указанием на время возможного возникновения.

В 1956 году в буэнос-айресском издательстве «Перемога» выходит еще один сборник на украинском языке — «Підсоветські анекдоти» некоего Г. Сенько. Собираатель был ориентирован на традицию «украинского народного анекдота», рассматриваемого им как одна из форм борьбы с «московскими оккупантами», при этом часть сюжетов, по словам составителя, имела хождение не только на Украине, но и в Польше, Чехословакии, Болгарии и прочих странах, имевших схожий социально-экономический строй. Сборник имеет очевидную связь с другими послевоенными эмигрантскими изданиями и содержит десятки сюжетов, представленных в

уже рассмотренной цепочке [ШО 194?; АА 194?; АЕ 1951], но связь этих сборников не столь серьезна, как в предыдущих случаях – Сенько воспроизводит близко к тексту полтора десятка записей из собрания Ши́ла (или близкого к нему буэнос-айресского сборника «Антисоветские анекдоты»), большая же часть общих для всех сборников сюжетов дана в авторском варианте, порой сильно отличающемся от уже знакомых записей. Сенько явно больше был ориентирован на свой опыт носителя традиции, нежели на тексты предшественников. Из 217 опубликованных в сборнике текстов 65 представляют собой первую хронологически (и часто, к сожалению, единственную) фиксацию новых сюжетов.

В 1964 году выходит еще одно издание – «Народне слово: збірник сучасного українського фолкльору» [СЮ 1964 (1992)]¹³⁶, представляющее собой крупное собрание народного творчества – пословиц, загадок, частушек, анекдотов и пр. Раздел «Жарти», по признанию составителя, базируется на сборнике О. Ши́ла; часть записей содержит очевидную текстологическую близость с записями из сборника [АЕ 1951], не упоминавшегося в предисловии, – из 160 приведенных в сборнике текстов 83 представляют собой дословное воспроизведение уже опубликованных анекдотов. Издание также содержит записи, сделанные непосредственно Ю. Семенко – часть из них даже имеет примечания составителя с краткими сведениями об информанте, месте и времени записи.

Сборник [СЮ 1964 (1992)] становится последним известным нам изданием, относящимся к группе послевоенных эмигрантских сборников анекдотов, однако соби́рание советских анекдотов, ставших во второй половине XX века объектом пристального изучения для западных ученых, не прерывалось до конца существования СССР. С 1970-х годов к делу соби́рания и публикации анекдотов подключаются представители третьей волны эмиграции, обладающие иным опытом взаимодействия с советской властью, нежели их предшественники, и являющиеся носителями поздней традиции советского политического анекдота. К поздним коллекциям относятся сборники Олина [ОН 1970]¹³⁷, Драйцера [ДЕ 1978], Сулова [СИ 1981] и Вернера [ВА 1986], а также ряд изданий на иностранных языках¹³⁸ – все они довольно малы и неинформативны. Так, собрание Олина¹³⁹ содержит 163 сюжета, значительная часть которых представляет собой «армянские загадки» без советской специфики, сборник Дрейцера содержит записи на русском и английском языке семидесяти широко известных сюжетов, коллекция Вернера содержит около двухсот сюжетов, лишь половина которых имеет отношение к СССР. Особняком стоят «Рассказы о товарище Сталине и других товарищах» И. Сулова – журналиста и бывшего сотрудника редакции «Литературной газеты», опубликовавшего сборник собственных рассказов, сюжеты части которых основаны на распространенных советских анекдотах, – только три текста из его книги были включены в данный указатель.

Значительно большим по объему является сборник анекдотов, составленный Юлиусом Телесиним и содержащий 1001 запись [ТЮ 1986]. Составитель уехал из СССР в мае 1970 года и на протяжении многих лет занимался работой над своим собранием; часть текстов он записал по памяти, часть – со слов других эмигрантов. Телесин также активно обсуждал свое собрание с прочими соби́рателями анекдотов и даже обменивался копиями собраний – отсюда текстологическая близость с некоторыми поздними сборниками. Помимо того что собрание Телесина вышло в 1986 году самостоятельным изданием, оно также распространилось в самиздате. В

¹³⁶ Мы работали с его переизданием: *Семенко Ю.С.* Народне слово: збірник сучасного українського фолкльору // Вечірна година. Львів, 1992. Ч. 6.

¹³⁷ Его же: *Олин Н.* «Радио Ереван» продолжает говорить и начинает показывать: самые отборные избранные и переизбранные вопросы и ответы. Мюнхен: Вамиздат, 1975.

¹³⁸ Radio Eriwan antwortet / Gesammelt und herausgegeben von M. Schiff. Munhen, 1973. 128 p.; *Ruksenas A.* Is That You Laughing, Comrade? The Worlds Best Russian (Underground) Jokes. Secaucus, 1986. 182 p.

¹³⁹ В библиотечной карточке ОРЗ РГБ – Ирколи́н. По сообщению Р.В. Полчанинова, настоящая фамилия составителя сборника – Меньшуков, во всяком случае под ней он жил в послевоенном Мюнхене. Во время войны Меньшуков сотрудничал с КОНР и рисовал карикатуры для газеты власовского комитета «Воля народа».

середине девяностых годов оно попало в интернет и в настоящее время является крупнейшим собранием советских анекдотов, доступным в сети.

Крупнейшим на сегодняшний момент сборником советских анекдотов является подготовленное в восьмидесятые годы израильскими прозаиками и публицистами С. Тиктиным и Д. Штурман на базе Центра по изучению СССР и стран Восточной Европы Еврейского университета в Иерусалиме собрание «Советский Союз в зеркале политического анекдота» [ШТ 1987]. Начало этой коллекции было положено в 1956 году Сергеем Тиктиным; в 1977 году она была вывезена в Израиль и немного позже издана. В последнем издании первоначальный вариант коллекции был расширен за счет собраний Н. Олина, Э. Дрейцера, Дж. Коласского, А. Шепиевкера, А. Воробейчика, Я. Айзенштадта, Ю. Телесина и проч. Почти две тысячи текстов, собранных Тиктиным и Штурман, распределены по тематическим группам и большей частью датированы. При этом достоверность авторской датировки за счет ретроспективности собирания мало отличается от достоверности датировок Андреевича в [АЕ 1951] – чем старше текст и чем дальше он от года начала собирания, тем больше вероятность ошибочной датировки. При этом датировка сюжетов, которые составители относят к периоду с 1950-х по 1980-е годы, представляется нам вполне достоверной, что подтверждается прочими источниками.

В 1979 году деятелем НТС и коллекционером Р.В. Полчаниновым по материалам Библиотеки Конгресса и Нью-Йоркской публичной библиотеки была предпринята попытка составления библиографии изданий сборников советских анекдотов в русском зарубежье¹⁴⁰ (в целом Р.В. Полчанинов описал 14 сборников и четыре переиздания, вышедших с 1927 по 1979 год), благодаря которой у нас появились описания недоступных на данный момент сборников советских анекдотов, изданных в русском зарубежье:

– *Руденков И.С.* Сто анекдотов едущим на дачу. Рига: Издательство Е. Левина, 1925—1926;

– *Горчаков Н.* Анекдоты. Мюнхен, 1947;

– *Жизнь советского гражданина в анекдотах.* Без указания составителя, места и времени издания. Предположительная дата издания, выставленная на карточке в Библиотеке Конгресса – 195... Издание, по словам Полчанинова, очевидно, восходит к сборнику Музыкаченко и, возможно, принадлежит его же перу и отличается от последнего заново написанным предисловием, фактическим отсутствием антисемитских анекдотов и некоторым количеством новых сюжетов.

Таким образом в нашем распоряжении есть информация о 23 сборниках анекдотов, изданных в русском зарубежье, из которых нами использовались 19 – прочие обнаружить пока не удалось. Сборники анекдотов, изданные в русском зарубежье, мы с определенной долей условности можем разделить на три группы, соответствующие волнам эмиграции из СССР. Первая – Рижско-Берлинская группа сборников, опубликованных в первые полтора десятилетия советской власти и, фактически, ориентированных на традицию дореволюционного анекдотопечатания. Собрания, опубликованные Карачевцевым, Руденковым и их безымянными коллегами, в значительной мере состоят из бытовых сюжетов и текстов, позаимствованных из сатирической периодики, а также вкраплений сюжетов, имеющих советскую специфику. Вторая группа сборников относится к первому послевоенному десятилетию, но корнями уходит в материалы немецкой агитации первой половины 1940-х годов. Группа носит ярко выраженный антисоветский и антисталинский характер – этот факт наряду с прочими указывает на возможное коллаборационистское прошлое их составителей, оказавшихся на западе после войны. Третья группа сборников появилась в конце 1970-х – 1980-х годах благодаря собирательской деятельности эмигрантов третьей волны. Сборники этой группы выгодно отличаются от преды-

¹⁴⁰ *Полчанинов Р.В.* Политические анекдоты // Заметки коллекционера. London: Заря, 1988. С. 222—231.

дущих отсутствием плагиата и механического воспроизведения текстов из предшествующих собраний, что, вероятно, обусловлено необходимостью работать в системе современного западного книгоиздания, а некоторая близость ряда сборников обуславливается личным сотрудничеством их составителей¹⁴¹. Неким логическим завершением эмигрантского анекдотопечатания становится издание наукообразного сборника «Советский Союз в зеркале политического анекдота», на многие годы напрямую или опосредованно, через многочисленные перепечатки, ставшего основным источником для изучения советского политического анекдота.

Сборников анекдотов, изданных в СССР, в сравнении с зарубежными публикациями гораздо меньше. В дореволюционной России выходили многочисленные дешевые брошюры с бытовыми и этническими анекдотами. Аналогичные по содержанию издания появлялись и в Советской России. В «Книжной летописи» за 1920—1930-е нам удалось обнаружить сведения только о двух сборниках анекдотов – бытовых и этнических – относящихся к 1927 году¹⁴². При этом, по сообщениям современников, их было гораздо больше. Например, в воспоминаниях Льва Разгона говорится, что в период НЭПа на московских улицах можно было купить сборник «Сто анекдотов о том, что делает жена, когда мужа нет дома» и прочие сборники бытовых анекдотов¹⁴³. После не только прекращается издание анекдотических сборников, но и сам анекдот – даже бытовой – практически исчезает из любых официальных изданий. Сюжеты популярных анекдотов в сильно отредактированном виде можно найти в «Крокодиле», «Смехаче» и прочих сатирических журналах, однако там они публикуются под видом авторских реприз и фельетонов.

Ситуация меняется только на время Великой Отечественной войны. Серьезное ослабление идеологического и политического контроля, легшее в основу «национального согласия»¹⁴⁴, способствовало «легализации» лояльных власти текстов ряда фольклорных жанров. В этот период активно публиковались военные частушки¹⁴⁵, юмористические переделки советских песен¹⁴⁶ и проч. Вместе с тем, брошюры «Фронтной юмор», издаваемые Воениздатом, а также многочисленные приложения к газетам и журналам [КС 1941; ПЕ 1944; ПН 1942; ССС 1941; ФС 1945; ФЮ 1942; ФЮ 1945] помимо прочих текстов содержали значительное число небольших реприз и шуток, построенных по принципу анекдота – в форме диалогов или реплик немецких солдат и офицеров – или даже целые разделы анекдотов: как бытовых, не несущих никаких агитационных функций¹⁴⁷, так и «антифашистских»¹⁴⁸ – нередко с упоминанием, что данные тексты имеют немецкое происхождение. Часть материалов издавалась Воениздатом по материалам фронтовой печати или, согласно примечаниям составителей этих сборников, бралась из писем, присланных в редакции простыми солдатами. Значительное количество сюжетов очевидно носит авторский характер и по сути своей близки текстам советских сатириков из довоенных сатирических журналов. Однако очевидно, что часть из них могла попасть в уст-

¹⁴¹ Речь в первую очередь идет о взаимопомощи составителей сборников [ШИ 1986] и [ТЮ 1986].

¹⁴² *Вириус А.* Сборник анекдотов. Вып. 1. Тверь, 1927. 15 с.; *Оцмах Б.* Анекдоты и остроты из еврейского быта. Краснодар, 1927. 32 с. Выражаем признательность Екатерине Макаровой, оказавшей нам неоценимую помощь в этой работе.

¹⁴³ *Разгон Л.* Позавчера и сегодня: повесть о жизни. Тель-Авив, 1995. С. 103.

¹⁴⁴ См.: *Верт Н.* История Советского государства, 1900—1991. М., 1992.

¹⁴⁵ Например: Частушки // Фронтной фольклор. М., 1944. С. 89—100. См. также очень характерную в этом плане листовку «Партизанские частушки»: Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авторы-составители А.Я. Лившиц, И.Б. Орлов. М., 2007. С. 430—431.

¹⁴⁶ Военный юмор // Там же. С. 76—87.

¹⁴⁷ В подобного рода публикациях нередко подчеркивалось, что анекдоты заграничного происхождения, – видимо, для того чтобы избежать лишних разбирательств с цензурой. В качестве примера см.: Зарубежный юмор // Кружевная борода: Сборник сатиры и юмора. Главное Политическое управление Красной армии, 1945. (Библиотека журнала «Красноармеец», № 18 (43)). 66 с.

¹⁴⁸ Антифашистские анекдоты // Краснофлотский смех. М.: Молодая гвардия, 1941.

ную традицию – или же, напротив, создатели этих шуток использовали в своем творчестве распространённые анекдоты, переделанные в соответствии с требованиями пропаганды военного времени. Это подтверждается близостью ряда сюжетов из агитационных брошюр к довоенным анекдотам и совпадениями некоторых из них с записями профессиональных фольклористов, работающих на фронте.

Эти агитационные сборники создавались подобно коллекциям анекдотов в русском зарубежье – составители, как и их коллеги-эмигранты, активно – и при этом практически без какой-либо существенной редакторской правки – переписывали тексты из более ранних сборников, поэтому если в двух близких, буквально дословно воспроизводящих друг друга сборниках один или несколько текстов приведены в сильно различающихся вариантах, мы можем сделать вывод, что составитель сборника, скорее всего, заменил текст на более, по его мнению, удачный или более привычный для него. Это дает нам серьезнейшие основания для констатации устной природы данного сюжета – прочие же сюжеты, зафиксированные во фронтовой печати, внесены в Указатель в статусе сомнительных.

После войны до 1989 года на территории России и других советских республик практически не выходило никаких сборников советских анекдотов. Исключением стали только публикации подборок анекдотов военного времени издательства Министерства обороны СССР. Как пример можно привести крупную (почти сто сюжетов) подборку «реприз, шуток и анекдотов» из сборника «Фронтовой юмор» [ВВ 1970], изданного в 1970 году, – согласно предисловию, в нее вошли архивные материалы Центрального музея вооруженных сил СССР, военного отдела Государственной библиотеки имени Ленина, Государственного литературного музея и Института этнографии Академии наук СССР. При этом сравнение «Фронтового юмора» со сборниками военного времени позволяет нам сделать вывод о почти дословной перепечатке текстов из последних – то есть ничего сверх проверенного много лет назад военной цензурой в нем не публиковалось.

В то же время получили распространение самиздатовские сборники политических анекдотов. Несмотря на сведения о существовании нескольких подобных сборников, поработать нам удалось лишь с одним, доподлинно распространявшимся в самиздате, копия которого отложилась в домашнем собрании Виталия и Ирины Белобровцевых (Таллин); возможность поработать с ним мы получили благодаря любезному участию Г.Г. Суперфина. Данный сборник представляет собой 33 машинописных листа формата А2, переплетенных в обложку из серого картона, и состоит из четырех неравномерных разделов. Первый, озаглавленный «История в анекдотах», занимает 22 листа с единой нумерацией страниц от 1 до 54. Открывается он небольшим предисловием с общими фразами о популярности политических анекдотов, цитатами из Горького, Евтушенко, журнала «Наука и техника» и заявлением, что анекдоты, собранные под одной обложкой и расположенные в хронологическом порядке, «составят историю периода, который в них отражен, причем концепция здесь будет близка к идеалу, т.е. к действительному положению вещей, никем не навязана, не подредактирована, не подверглась давлению, не испытала искажения». Сама подборка анекдотов открывается несколькими дореволюционными юмористическими текстами, такими как «Письмо запорожцев Магомету IV» и счет за обновление росписи храма, якобы предоставленный безымянным маляром настоятелю некоего монастыря. С седьмой страницы начинается подборка анекдотов – каждый из приведенных текстов имеет порядковый номер от 1 до 376. Следом за 54-й страницей идет лист с заголовком «1980» и десятью анекдотами про Афганистан и Олимпиаду. Название этой части и тот факт, что она не имеет общей с первой частью нумерации страниц, заставляет нас думать, что она содержит в себе анекдоты, появившиеся незадолго до завершения работы над сборником, поэтому можно условно датировать его первой половиной 1980-х годов. Третья часть озаглавлена «Отвечает армянское радио» и представляет собой восемь пронумерованных от единицы страниц со 146 небольшими анекдотами вопросно-ответной структуры. Четвертая

часть – полторы страницы текстов под заголовком «Разное» – включает в себя 25 пословиц, стихотворных эпиграмм и небольших анекдотов.

Сборник вполне самостоятелен и не имеет очевидных генетических связей с прочими коллекциями анекдотов, известными нам. Значительная часть текстов представляет собой бытовые сюжеты и анекдоты, построенные на этнических стереотипах, часть политических сюжетов приведена в их наиболее распространенных вариантах, поэтому в данный Указатель было включено лишь 124 записи из всех имеющихся в сборнике.

Возможен самиздатовский генезис еще одного анонимного машинописного сборника – собрания анекдотов из фонда К.А. Любарского в Архиве инакомыслия в СССР Международного Мемориала [ЛК *1991]. Он представляет собой ксерокопии машинописного сборника, переплетенные в три тетради, не содержащие никакой информации о собирателе, а также о времени и месте составления коллекции. В третьей тетради содержится несколько текстов о перестройке и М.С. Горбачеве, поэтому мы условно датировали сборник 1991 годом, что не отменяет возможности более раннего ее происхождения. Собрание содержит 740 текстов, часть из которых доступна нам в единственной записи. В связи с абсолютным отсутствием информации о составителе, месте и времени возникновения сборника мы были вынуждены отнести его к разряду источников с невысоким уровнем достоверности и сюжеты, известные нам только по записи в данном сборнике, пометить как вероятно не имевшие устного хождения.

Начало девяностых характеризуется изданием значительного количества подборок анекдотов. Первая публикация текстов политических анекдотов, обнаруженная нами, относится к 1989 году¹⁴⁹, начало же выпуску анекдотических сборников было положено в 1990 году¹⁵⁰. Прилавки магазинов оказались наводнены многочисленными брошюрами с анекдотами, издававшимися почти столь же многочисленными кооперативными издательствами, но ценность материалов, опубликованных в постсоветское время, очень невелика. Постсоветские сборники были ориентированы на коммерческий успех, необходимость «залить» в издание определенный объем текста серьезным образом сказалась на качестве изданий и на уровне плагиата и фальсификаций. Почти под каждой обложкой с заголовком «Анекдоты» и датой издания с 1990 года по наше время исследователя ждут хорошо знакомые тексты из «Советского Союза в зеркале политического анекдота» [ШТ 1986], только без комментариев и датировок реальных составителей¹⁵¹. История заимствований в анекдотопечатании двух последних десятилетий в высшей степени запутанная – после выхода русского издания [ШТ 1986] в 1992 году у нас нет возможности считать любое последующее собрание анекдотов свободным от заимствований, прямых или опосредованных. Даже в «авторских» собраниях анекдотов, использованных в указателе, чувствуется влияние [ШТ 1986], отчего нам пришлось построить работу со сборниками, изданными в современной России, по несколько иным принципам, нежели со сборниками эмигрантскими. Поздние собрания вносились в Указатель не целиком – мы использовали только записи, не имеющие текстологической близости с фиксациями из прочих сборников.

Из персон, плотно занявшихся изданием советских анекдотов в 1990-е годы, в первую очередь нужно назвать Ю.Б. Борева – специалиста по эстетике и теории литературы, долгое время занимавшегося сбором «интеллигентского фольклора». Многочисленные сборники, выпущенные им¹⁵², были чрезвычайно популярны в середине девяностых годов, однако опубли-

¹⁴⁹ Бахтин В. Вчера мне рассказывали анекдот // Литературная газета. 1989. 17 мая. С. 16.

¹⁵⁰ Подробнее об издании сборников анекдотов в перестроечной России см.: Вознесенский А.В. О современном анекдотопечатании // НЛЮ. 1996. № 22. С. 393–400.

¹⁵¹ К примеру, см.: Советский анекдот: антология. М., 1991; История СССР в анекдотах (1917–1992) / Сост. М. Дубовский. Смоленск, 1992.

¹⁵² Боров Ю.Б. Фарисея. М.: Конец света, 1992. 349 с.; *он же*. Сталиниада. М.: Олимп, 2003. 461 с.; *он же*. XX век в преданиях и анекдотах: В 3 т. Харьков: Фолио; Ростов-н/Д.: Феникс, 1996; *он же*. История государства советского в преданиях и анекдотах М.: Рипол, 1995; *он же*. Краткий курс истории XX века в анекдотах, частушках, байках, мемуарах по чужим воспоминаниям, легендах, преданиях и т.д. М., 1995.

ликованные Боровым материалы весьма далеки от реальной широкой анекдотической традиции и представляют собой скорее анекдоты в понимании девятнадцатого века, бытовавшие в узких интеллигентских кругах. Записи же более демократичеких анекдотов, имевших хождение в менее образованных слоях населения, встречающиеся в его книгах, прошли серьезную литературную обработку, что понижает их ценность с научной точки зрения. Тексты разных жанров, записанные и отредактированные Боровым, публиковались вперемежку, отчего сложно понять, что перед нами: история из жизни, анекдот или слух. При этом популярность Борева как публикатора «интеллигентского фольклора» не пошла на пользу реальной традиции – тиражи его сборников были весьма велики, значительная часть записанных им текстов попала в интернет, и сейчас читающая публика относит к советской устной традиции СССР многочисленные сюжеты, получившие широкое распространение, вероятно, только после их публикации в первой половине девяностых годов.

Серьезную роль в судьбе анекдота в постсоветскую эпоху сыграл Ю.В. Никулин – выдающийся советский и российский артист. Начало его коллекции было положено в тридцатые годы:

В 1996 году исполнилось 60 лет, как я начал записывать в большую записную книжку анекдоты, смешные афоризмы, загадки, случаи из жизни. Спустя три года с этой книжкой поехал служить в армию. К тому времени у меня было записано шестьсот анекдотов, а к началу войны их набралось уже полторы тысячи. И во время войны и после, учась в студии клоунады и став клоуном и, наконец, став директором цирка, я время от времени пополнял свою коллекцию¹⁵³.

В конце 1980-х Никулин вошел в общественный совет редакции журнала «Огонек» и по инициативе главного редактора В. Коротича начал вести персональную колонку «Анекдоты от Никулина», ставшую очень популярной в читательской среде. В 1994 году издательство «Аутопан» выпустило первый сборник анекдотов, составленный Никулиным, – «999 анекдотов от Никулина», через два года увидел свет «1001 анекдот от Никулина». Юрий Владимирович принимал участие как член редакционной коллегии в издании «Антологии мирового анекдота» и других сборников анекдотов, с 1993 до своей смерти в 1997 году он был ведущим юмористической передачи «Клуб “Белый попугай”», – в передаче принимали участие известные артисты, рассказывая в эфире свои любимые анекдоты. Собранные и опубликованные Никулиным материалы содержат большое количество сюжетов советских анекдотов, вошедших в данный Указатель, 39 из которых обнаружены нами только в сборниках Никулина или в коллекциях, генетически с ними связанных.

Еще одним заметным собранием анекдотов стала «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса» И. Раскина, первое издание которой вышло в 1995 году. В советское время Раскин занимался перепродажей книг и обладал огромным кругом общения – благодаря этому и феноменальной памяти на анекдоты ему удалось создать большой самостоятельный сборник анекдотов и баск из жизни, выдержавший несколько переизданий и разошедшийся огромными тиражами. Особенность Раскина как собирателя анекдотов в том, что он в первую очередь ориентирован на тексты с обсценной лексикой:

...когда я увидел появление такого несметного количества брошюр и газет с «анекдотами», изуродованными, обшарпанными, приглаженными, мне стало очень больно за это чудо человеческой мысли. Возникло неистребимое желание спасти, оставить на бумаге не только замечательные анекдоты, но и все

¹⁵³ Никулин Ю.В. Анекдоты от Никулина. М., 1997. С. 5.

те образцы юмора человеческого, которые мне, да и не только мне, помогли жить и выжить...¹⁵⁴

Благодаря этому в собрании Раскина можно найти тексты, оказавшиеся «неформатными» для прочих сборников анекдотов, – как обценные варианты хорошо известных нам сюжетов, так и сюжеты, зафиксированные только у Раскина (104 сюжета).

Довольно заметным изданием стал также девяти томник «Антология мирового анекдота», выпущенный в Киеве в середине 1990-х годов. Каждый из томов посвящен конкретной теме (политическому анекдоту, детскому анекдоту, анекдоту об интеллигентах и пр.) и имеет внутреннюю нумерацию приведенных записей. Издание претендует на презентацию всех мировых анекдотических традиций, но, несмотря на использование коллективом авторов впечатляющего круга отечественных и зарубежных источников, таковой не является. Под каждым текстом указана нация – «производитель» анекдота, но в большинстве случаев совершенно произвольно: так, в издании встречаются дословные перепечатки из более ранних сборников советских анекдотов с указанием того, что данный сюжет имел хождение в Ассирии, Непале, Венесуэле и пр. В десяти томнике воспроизведены 16 103 текста, однако огромная часть из них вообще не является анекдотами, а несколько сотен представляют собой повторы – каждый том готовил свой коллектив составителей и, судя по результату, они слабо координировали свою работу. Судьба издания довольно стандартна – несмотря на то, что процент недостоверной информации в девяти томнике зашкаливает, он получил популярность у издателей как источник текстов – цитаты из него можно найти во множестве современных сборников анекдотов. Мы использовали 459 записей из данного издания, давших нам немногим больше двух сотен сюжетов в статусе «сомнительных».

Весьма качественным изданием стал сборник украинского фольклора времен СССР, подготовленный запорожским писателем и журналистом Филиппом Юриком [ЮП 2003]. В послесловии автор пишет, что толчком к сбору фольклора для него стала книга «Украинские пословицы и поговорки», выпущенная издательством «Днепр» в 1984 году, вернее, ее раздел «В.И. Ленин. Коммунистическая партия». Столкнувшись со множеством фальсификаций устной традиции, автор понемногу стал сам собирать украинский фольклор. В начале девяностых он вел постоянную рубрику «Только Сталин на стене» в украинском журнале «Перец», в 2003 выпустил свое собрание отдельной книгой с тем же названием. В нее вошли тексты разных жанров – частушки, пословицы, песни, анекдоты – последних насчитывается 177, из которых 58 сюжетов в прочих источниках не фиксировались.

В издание было включено 8019 записей из сборников. При этом по рассмотренным источникам текстов, выдаваемых фиксаторами за анекдот, фиксируется значительно больше. В первую очередь это «анекдоты» из коллекции Н.В. Соколовой (см. раздел «Собрание анекдотов Н.В. Соколовой») – ввиду ее очевидных авторских амбиций, записи из последней редакции ее собрания, не обладающие пуантом, отличающим анекдот современного типа от прочих жанров, не были включены в указатель даже в статусе сомнительных сюжетов. Не были включены не имеющие пуанта тексты из ряда изданных в эмиграции сборников [КС 1928, 1932; СА 1927], а также тексты, представляющие собой дословную перепечатку авторских острот из подцензурной советской периодики. Ни в каких статистических подсчетах не учитывались более семи сотен записей из эмигрантских сборников, представляющие собой дословное – или подвергшееся незначительной редакторской правке – воспроизведение текстов из сборников-предшественников.

Как уже отмечено выше, в Указатель не вошли десятки тысяч записей из постсоветских сборников – тексты из них включались в Указатель, только если в них был зафиксирован новый

¹⁵⁴ Раскин И. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса. М., 2005. С. 5.

по отношению к уже имеющимся записям вариант сюжета или же если включение ссылки на независимую запись было необходимо для констатации устного распространения анекдота.

Несмотря на избирательное отношение к текстам из сборников, этот вид источников стал самым значительным для данного Указателя, дав чуть более восьми тысяч записей (83% от общего числа используемых текстов). Количество записей из сборников сопоставимо с количеством записей из прочих источников только для сюжетов, получивших распространение в довоенное время, – для послевоенного времени источниковая база Указателя представлена фактически только сборниками, а записи в прочих видах источников практически сходят на нет.

Делопроизводственная документация

Тексты политических анекдотов советского периода фиксировались и в документах официального делопроизводства. К ним относятся записи в судебных делах, доносах и сводках о настроениях населения.

Информационно-аналитические сводки о настроениях населения составлялись каждые 1—5 дней в информационных отделах ОГПУ—НКВД, а также местными партийными органами и содержали подробные описания реакции людей на происходящие в стране события¹⁵⁵. До начала девяностых эти документы были строго засекречены, к тому же из соображений безопасности потерявшие актуальность сводки зачастую уничтожались. Только во второй половине девяностых годов они начали публиковаться¹⁵⁶, наряду с прочими документами, способными в той или иной мере пролить свет на общественные настроения – письмами «во власть»¹⁵⁷ и пр. В эти сводки часто попадала информация о политическом фольклоре. Впервые на записи анекдотов в подобного рода источниках обратил внимание питерский историк С.А. Шинкарчук в 1995 году. По его утверждению, в каждой третьей сводке были упоминания об анекдотчиках (анекдотистах)¹⁵⁸, нередко фиксировались тексты анекдотов. Однако серьезной работы по выявлению в сводках о настроениях населения записей политического фольклора никем не проводилось. Причиной этого, на наш взгляд, в первую очередь является отсутствие крупных публикаций сводок «низового уровня». Так, крупнейшее издание сводок о настроениях населения «Лубянка – Сталину о положении в стране» включает в себя резюмирующие сводки, дающие представление о положении дел в стране, но лишенные записей интересующих нас текстов. Сводки, составившиеся на местах и содержащие тексты анекдотов, публиковались очень мало.

¹⁵⁵ Шинкарчук С.А. Общественное мнение в Советской России в 30-е годы: по материалам северо-запада. СПб., 1995.

¹⁵⁶ Международное положение глазами ленинградцев, 1941—1945 годы. (Из Архива Управления Федеральной службы безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб., 1996; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Документы и материалы: В 4 т. 1918—1934 годы. М., 1998—2003; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922—1934). М., 2001—2007. Т. 1—8; Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998.; ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства 1921—1927 / Сост. Г.Ф. Доброноженко. Сыктывкар, 1995.

¹⁵⁷ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 годов // Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997; Общество и власть. 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998; Письма во власть. 1917—1927 // Сост. А.Я. Лифшин, И.Б. Орлов. М., 1998. Крестьянские письма послевоенного времени. 1948—1950 годы // Советские архивы. 1991. № 4. С. 62—70; «Вырабатываем хлеб и сидим без хлеба»: Письма колхозников И.В. Сталину // Источник. 1997. № 1. С. 147—152; Денежная реформа 1947 г.: реакция населения. По документам из «Особой папки» Сталина // Отечественная история. 1997. № 6; Лившин А.Я. Власть и общественные настроения послереволюционной эпохи (по письмам во власть) // Куда идет Россия? Власть, общество и личность. М., 2000. С. 128—134.

¹⁵⁸ «В стоматологическом институте студентка Логачева занимается рассказыванием всевозможных антисоветских анекдотов»; «На заводе имени Жданова бывшая комсомолка Федорова занимается антисоветской пропагандой. Недавно у нее была отобрана книга, в которой записано 1500 анекдотов, большая часть из них – антисоветские». — Шинкарчук С.А. Политический анекдот 1920—30-х годов как отражение общественного мнения // Личность и власть в истории России XIX—XX вв. СПб., 1997. С. 278.

Плохо изучены записи политического фольклора в судебных делах – в нашем распоряжении есть считанные единицы подобного рода записей, в большинстве своем это записи из доносов или свидетельских показаний [БА 2002, МЭ 2008, ШВ 2004 и пр.]. К сожалению, судебные дела рассматриваемого периода находятся на ведомственном хранении и недоступны исследователям, однако толика информации из них доступна нам во вторичных по отношению к уголовным делам источниках. Так, например, записи анекдотов можно найти в материалах прокурорского контроля за следствием, оформлявшегося в виде надзорного дела (производства), которое заводили в органах прокуратуры параллельно с ведшимися следственными органами уголовными делами в соответствии с их поднадзорностью. Кроме того, подобного рода дела заводились и задним числом при пересмотре дела по жалобе осужденного¹⁵⁹. По материалам Верховного Суда СССР и Отдела по надзору за следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР, хранящимся в ГАРФ, был составлен аннотированный каталог документов обо всех «антисоветских проявлениях» и политических репрессиях, применяемых на основании статьи 58.10 Уголовного кодекса РСФСР с марта 1953 года по 1991 год [КМЭ 1999], давший нам более 50 записей политических анекдотов, в большинстве случаев имевших хождение в слабообразованных слоях населения – т.е. тексты, принадлежащие более демократической, самой интересной для исследователя, традиции. К особенностям записей в данной группе источников можно отнести хорошую хронологическую локализацию сюжета (верхней границы его возникновения). Выявленные тексты позволяют выделить ряд особенностей записи текстов политических анекдотов в источниках подобного рода. Далеко не всегда в нашем распоряжении оказывается полная запись текста анекдота. Часто следователь сам до конца не понимал анекдот или использовал при записи обороты, приводящие к потере смысла. Нередко следователи делали вставки в текст, чтобы сгладить его антисоветский смысл – см., к примеру, записи 793D и 852A.

Записи из не доступных в данный момент исследователям судебных дел попали в источники других видов – в качестве примера можно привести книги историка повседневности Г.В. Андреевского «Москва: 1920—1930 годы» [АГ 1998] и «Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930—1940-е годы» [АГ 2003]. Автор использовал выписки с текстами антисоветских анекдотов из уголовных дел, к которым он имел доступ в период работы в системе Генеральной прокуратуры.

В целом записи в источниках этого вида представляют серьезную ценность для изучения устной традиции рассматриваемого периода – помимо текстов анекдотов, фиксация которых порою датирована с точностью до одного дня, они часто содержат подробную информацию о рассказчиках и слушателях анекдотов – их возраст, национальность, уровень образования и пр. При этом абсолютное большинство источников этого вида недоступны для исследователей, в результате чего в Указатель вошла лишь 61 запись из делопроизводственной документации.

Записи фольклористов

К этому виду источников мы относим записи анекдотов профессиональными фольклористами и собирателями фольклора – любителями, окказиональные записи народной традиции в личных бумагах недневникового характера ряда современников (см. ниже о черновиках Афиногенова, а также о тетради «Von mots» из бумаг Н.В. Соколовой) и коллекции, собранные иностранными журналистами, аккредитованными в Советском Союзе.

Одним из наиболее хронологически ранних источников этого вида является сборник восточноевропейского еврейского народного юмора по источникам на языке идиш «Сефер ха-

¹⁵⁹ 58.10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953 – 1991: Аннотированный каталог / Под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко. Сост. О.В. Эдельман. М., 1999. С. 5.

бдиха ве-ха-хидуд» («Книга анекдотов и острот») [ДА 1935—1938 (1991)]. Над этим собранием, включающим в себя более 3100 анекдотов, имевших хождение в еврейской среде императорской России и Советского Союза, его составитель, видный одесский сионист Алтер Друянов (1870—1938), работал на протяжении трех десятков лет. Целью его работы были перевод на иврит и, тем самым, сохранение еврейской фольклорной традиции на языке идиш. Впервые это собрание было опубликовано в 1922 году, через год после репатриации Друянова в Палестину; впоследствии оно было сильно расширено собирателем и в современном – трехтомном – виде вышло в свет в 1935—1938 годах. Интересно, что часть вошедших в это собрание анекдотов – сюжеты, получившие широкое хождение среди русскоязычного населения Советского Союза и ставшие неотъемлемой частью советского политического фольклора первых десятилетий советской власти. Хорошо известно, что русский и советский анекдотический фольклор активно заимствовал сюжеты еврейских анекдотов, особенно в рассматриваемый период. Это позволило несколько расширить Указатель за счет перевода¹⁶⁰ 60 сюжетов из раздела «Мильхама у-махапеха» («Война и революция») – оговорив при этом тот факт, что для части еврейских сюжетов мы не смогли найти фиксаций на русском языке.

Записи анекдотов довоенного периода сохранились и в бумагах отечественных деятелей культуры. Так, в черновых набросках драматурга Александра Николаевича Афиногенова сохранилось несколько исписанных анекдотами листов, датируемых 1920—1930-ми годами [АА 2172-1-104, 106, 110, 115–118, 126; 2172-3-8]. Среди множества бытовых и этнических анекдотов нам удалось обнаружить и ряд записей политических сюжетов. Работа с данным источником сильно затрудняется не только неразборчивым почерком Афиногенова, но и его манерой записывать зачастую только пуант (т.е. смеховое «ядро», заключительную часть) анекдота или несколько слов, по которым ему позже удалось бы вспомнить сюжет. Часть анекдотов, воспроизведенных рукописно, слабо поддается дешифрации: «Евгений, я с кровати не встану», «Чай, кофе и вкусно», «Нэпман у Мавзоля Ленина», «Я призван из-за Рабиновича», «Два вагона повидла и вагон часовых стрелок» и пр. Сложно восстановить и пропуски в тексте, сделанные им, возможно, из соображений безопасности.

В Указатель попали также материалы из крупных коллекций советских анекдотов, сделанных иностранцами [GS 1995; TD 1942; TR 1963; TR 1991; WCA 1951], из которых наибольшую ценность представляют собрания журналистов Лео Глассмана [GL 1930], Евгения Лайонза [LE 1934, 1935, 1954] и Вильяма Генри Чемберлена [CWH 1934, 1957], уже упоминавшиеся во введении.

Среди прочих источников этой группы необходимо выделить записи анекдотов, сделанные на свой страх и риск профессиональными фольклористами. Очевидно, что фиксация анекдотов была сопряжена с определенной опасностью, и нам известно очень немного примеров записывания фольклористом материалов «как есть». Подавляющее число людей, фиксировавших фольклорные тексты, не могли или не хотели позволить себе пренебрегать рядом негласных запретов: они не записывали анекдоты о советских вождях или тексты, могущие дать основания для «антисоветской» трактовки, тексты с обценной лексикой¹⁶¹. Любопытное описание встречи с «особистом» из-за фиксирования анекдотов, имевших хождение в армейских кругах

¹⁶⁰ Выражаем искреннюю признательность израильскому историку Нати Канторовичу, указавшему нам на этот чудесный источник, а также Виктории Рувинске, выполнившей перевод.

¹⁶¹ В воспоминаниях ряда фольклористов-фронтовиков мы находим упоминания о том, что они считали не соответствующим правилам советской фольклористики иметь дело с сюжетами «неприличными»: «Все его сказки и даже названия к ним были густо переполнены нецензурщиной. Воспитанный в строгих рамках советской фольклористики, я его сказки никогда не записывал» – Пушкарев Л.Н. Юмор на фронте (из воспоминаний фольклориста-фронтовика) // Клио: журнал для ученых. СПб., 2004. № 3 (26). С. 301. См. также: Пушкарев Л.Н. По дорогам войны: воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995.

в период Великой Отечественной войны, находим мы в интервью д.и.н. Л.Н. Пушкарева (1918 г.р.), данном Е. Сенявской¹⁶²:

... Я начал тогда уже записывать фольклор. Я был солдат еще, пехотинец, бумаги у меня не было, поэтому текст записывать негде, и я решил записывать анекдоты. Они короткие, и анекдоты я записывал не полностью, а условно. Значит, писал: бочка, встреча, у забора, и так далее. Вот так, значит, я записывал эти анекдоты в надежде, что я их запомню. А потом я пошел в разведку, вещи мы оставили, естественно, в части. Эти вещи, естественно, просмотрел особист, обнаружил эти записи у меня, в моей записной книжке, вызвал меня к себе и сказал: «Что это такое?». Он бы и не спросил, но там один анекдот был записан так: «Сталин, Гитлер, Черчилль». «Это что такое?» Я говорю: «Анекдот». «Какой анекдот?» Я говорю: «Я не могу вам рассказать, товарищ старший лейтенант». «А если мы, – говорит, – тебя расстреляем, тогда ты расскажешь или нет?» «Ну, давай...» «Ну, расскажи...» Ну, рассказываю. «Сидят, – я говорю, – Сталин, Гитлер и Черчилль. Вдруг исполняется государственный гимн “Правь, Британия!””. Черчилль встает и вытягивается. Потом сидят, разговаривают, вдруг исполняют гимн “Дойчленд, Дойчленд, убер аллес”. Гитлер встает и вытягивается. А потом исполняют: “Вставай, проклятьем заклейменный!” Подымается Сталин...» «Так что же он, проклятьем заклейменный, да?». Вот такой случай был. Надо сказать, что мне повезло. Этот самый смершевец сказал: «Мы закрываем это дело. Я ему никакого ходу не даю. Я вижу, что вы фольклорист, но мой вам совет: анекдоты лучше не записывайте». Так что, конечно, с особистами мы сталкивались.

Записи «оппозиционного» фольклора целенаправленно уничтожались – как, к примеру, это произошло в Рукописном отделе Пушкинского дома¹⁶³. Несмотря на это, примеры целенаправленной фиксации политического фольклора «как есть» хоть и нечасто, но встречались. Нами было обнаружено очень немного подобного рода собраний. Хронологически более ранние записи Александра Исаакиевича Никифорова – крупного собирателя и исследователя русских сказок, погибшего в блокадном Ленинграде в 1942 году в возрасте 48 лет – опубликованы [НА 1994] в «Живой старине» С.Н. Азбелевым в 1994 году. Преимущественно это частушки, но в папке «Мелкие тексты и заметки по истории русского фольклора» из его архивной коллекции в Архиве Академии наук нашлось десять текстов ранних советских анекдотов.

В РГАЛИ нами было выявлено несколько десятков фиксаций анекдотов 1920—1930-х годов, сделанных молодыми собирателями фольклора, участвующими в различных фольклорных экспедициях. В качестве примера можно привести материалы из фонда Ильи Сергеевича Гудкова [ГИ 1929—1939], который в 1929—1933 годах занимался сбором фольклора в Бежецком, Вишнево-Лецком, Лихославльском и Новоторжском районах Калининской области. Гудкова как собирателя характеризует повышенный интерес к обценным сюжетам, записью которых частенько пренебрегали его коллеги, и внимание к социально-политическим сюжетам. Значительную часть его полевых материалов составляют разрозненные клочки бумаги (часто исписанные с обратной стороны школьными упражнениями с пометками учителей), на каждом из которых разными почерками, в большинстве случаев – со значительным количеством ошибок и помарок, записаны различного рода тексты детского фольклора. Можно предположить, что одним из методов его собирания была работа с учениками младших классов в контексте школьных занятий. Именно из этого материала мы почерпнули ряд уникальных сюжетов, рас-

¹⁶² См. текст интервью на сайте проекта «Я помню»: <http://www.iremember.ru/content/view/320/26/lang.ru/>.

¹⁶³ Азбелев С.Н. Фольклор 1920—1930-х годов в записях А.И. Никифорова // Живая старина. М., 1994. № 2. С. 44.

пространенных в детской крестьянской среде (см., к примеру, запись 2958А). Уникальность собрания Гудкова заключается еще и в том, что оно фиксирует распространение в крестьянской среде политического анекдота под видом сказки. По справедливому замечанию А.А. Панченко, «сказочная форма и сюжетика слабо пригодна для трансляции политических значений и конструирования “макросоциальных смыслов”»¹⁶⁴, – этим, наверное, и объясняется тот факт, что подобного рода пример нами обнаружен всего один (511С).

В годы Великой Отечественной войны тексты военного фольклора фиксировались в многочисленных песенниках, составляемых солдатами «на память о войне», профессиональными фольклористами, попавшими на фронт. Призывы к собиранию фольклора распространялись рядом учреждений: к примеру, дирекция Литературного музея помещала в своих изданиях, ориентированных в первую очередь на рядовых солдат, обращение к бойцам и командирам отсылать в музей любые записи народного творчества¹⁶⁵. Фиксировались и анекдоты, однако примеров их фиксации «как есть» мало – в нашем распоряжении лишь собрание Семена Исааковича Мирера, в котором мы можем найти более сорока сюжетов военного времени, в том числе анекдоты о Сталине, имевшие хождение в данный период [БА 2007].

Серьезный интерес вызывают опубликованные Н. Комелиной тексты политического фольклора из «особого хранения» фольклорного фонда Пушкинского Дома [КН 2012]. В конце шестидесятых годов из основного фонда рукописного фольклорного хранилища были отобраны записи антисоветского, блатного и эротического фольклора, составившие коллекцию № 193, материалы из которой не выдавались читателям. Коллекция включает 32 единицы хранения, в четырех из которых нашлось место записям политических анекдотов, давшим нам 26 текстов¹⁶⁶. Любопытно, что часть анекдотов помещена под заглавием «Сказки, порочащие советскую действительность» (авторство заголовка принадлежит архивисту).

Самым хронологически поздним крупным собранием, использованным в данном Указателе, стали записи анекдотов, сделанные в начале 1990-х годов москвичкой Екатериной Серебряковой (р. 1974) – в ту пору ученицей старших классов школы. Ее собрание представляет собой тетрадь в дерматиновом переплете, в которую от руки записывались анекдоты. В тетради сквозная нумерация текстов от первого до двести семьдесят шестого. Помимо анекдотов, зафиксированы частушки, палиндромы, афоризмы, есть вклеенные вырезки из газет с карикатурой и политическими анекдотами, очевидно перепечатанными из [ШТ 1986]. Рядом с частью анекдотов есть пометки карандашом – буквы «П», «С», «А», «Ч», «Б», «Е», «Ш», «Г», «Ар», «О», что, по-видимому, означает: «политика», «секс», «алкоголь», «чукчи», «быт», «евреи», «грузины», «армия» и «Одесса». Помимо сюжетов, относящихся к этим условным тематическим группам, в сборнике довольно много анекдотов про хиппи, наркоманов и рокеров. Составительница коллекции очевидно использовала в работе над сборником материалы, опубликованные в периодике – об этом говорят не только вклейки газетных вырезок, но и почти дословное воспроизведение ряда текстов из [ШТ 1986] и публикации фольклора 1920-х годов в «Огоньке» [СН 1991]. Часть записей представляется весьма ценной – в собрании есть фиксации советских анекдотов, по-видимому имевших хождение в школьной среде. В Указатель включено 35 записей из данного сборника, из которых 8 сюжетов не фиксируются по прочим источникам.

К этому же виду источников отнесены материалы, собранные современными исследователями, интервьюирующими людей старшего поколения. В Указатель вошли два небольших собрания. Первое было получено по итогам проведенного в 1987—1990 годах историком В.В.

¹⁶⁴ Панченко А.А. Культ Ленина и «советский фольклор» // Одиссей: Человек в истории. М., 2005. С. 337.

¹⁶⁵ Фронтовой фольклор. М., 1944. С. 128—130.

¹⁶⁶ Ед. хр. 12 – 2 текста, ед. хр. 14 – 15 текстов, ед. хр. 21 – 1 текст, ед. хр. 24 – 2 текста, ед. хр. 25 – 1 текст, ед. хр. 26 – 5 текстов.

Кондрашиным интервьюирования в сельских районах Поволжья и Южного Урала 617 старожилы – свидетелей голода 1932—1933 годов [КВ 2008]. В ходе исследования было зафиксировано 75 примеров народного творчества – преимущественно пословиц, поговорок, частушек и присказок о голоде и колхозной жизни. В этот массив попало только 8 анекдотов. Данное собрание прекрасно иллюстрирует степень распространенности анекдотического фольклора в общей массе крестьянского фольклора социально-политической тематики и демонстрирует его жанровую специфику.

Вторым подобного рода источником стали материалы, записанные Санкт-Петербургским исследователем С.Н. Азбелевым в пансионате для престарелых города Пушкина от М.Д. Александровой, родившейся незадолго до Первой мировой войны [АС 1998]. Среди песен и частушек, сохранившихся в ее памяти, нашлось место и нескольким политическим анекдотам. Очень показательны обилие «антисоветских» текстов в репертуаре Александровой, хранившей верность коммунистическим идеалам на протяжении всей своей жизни. Как заметил публикатор: «Не без труда удалось убедить ее исполнить для записи политически острые произведения, пафос которых она не разделяет, но не может оспаривать научную ценность их для объективной исторической характеристики общественных настроений того времени». Для исследователя интересны не только немногочисленные тексты из данной публикации, но и история ее появления. Публикация по идейным соображениям была исключена из сборника, подготовленного издательством Российской Академии наук в 1996 году (!), и увидела свет только через два года, после ряда активных шагов, предпринятых С.Н. Азбелевым. Такие примеры из совсем недавнего прошлого отчасти поясняют неразработанность изучения подобного рода материалов в отечественной историографии.

В целом, несмотря на разнородность, источники этого вида весьма ценны – тексты, зафиксированные в них, представляют собой записи реальной устной традиции рассматриваемого периода, без очевидных авторских привнесений и фальсификаций. В ряде случаев записи фольклористов содержат уникальные материалы, дающие представление об очень демократичной традиции, записи которой не попадали в источники других видов. К сожалению, значительное большинство записей этого вида не поддается точной хронологической локализации, однако даже это, при сравнении с прочими видами источников, не уменьшает их значимость. В Указатель вошло 487 записей анекдотов из источников этого вида.

Дневники

В СССР политические анекдоты в дневниках современников фиксировались с первых лет существования советской власти. Первые записи политического фольклора мы находим в дневниках москвича Н.П. Окунева – так, в статье от 08.06.1918 он приводит шутку «какого-то остряка» о подписании Брестского мира (659А). Автор не был большим любителем подобного рода фольклора, и фиксации анекдотов в его записях случайны и немногочисленны (12 текстов за весь период ведения дневника: с 1914 по 1924 год).

Гораздо большее число записей содержится в дневниках Николая Михайловича Мендельсона (1872—1934) – историка литературы, московского преподавателя, музейного и библиотечного работника [МН 1915—1933]. Его дневники, хранящиеся в фондах Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, представляют собой 15 тетрадей, датированных 1915—1933 годами, при этом к промежутку 1918—1923 годов относится 14 из них (записи 1915—1918 и 1923—1933 годов крайне нерегулярны). В его дневнике присутствуют 83 записи популярных в двадцатые годы политических анекдотов, которые собирались Мендельсоном,

по его собственному признанию, «по званию фольклориста¹⁶⁷», из них 35 были зафиксированы с середины 1918-го по 1921 год.

Серьезного внимания заслуживают также записи анекдотов в дневниках (1928—1931) историка и москвоведца И.И. Шитца (1874—1942). Рукопись дневников была переправлена им во Францию судя по всему с помощью дипломатической почты, и ныне хранится в архиве Андре Мазона в библиотеке Института Франции. О самом Шитце известно не так много: основным источником по его биографии для исследователей остается его переписка с Мазоном, в тексте же дневников нет практически никакой конкретной информации об авторе – он сознательно избегал фиксации любых фактов, могущих привести к установлению личности владельца дневника в случае попадания этих записей в руки недружелюбного читателя. Вместе с тем текст этот, судя по всему, писался с расчетом на последующую публикацию и использование историками для восстановления нигде более не фиксируемых реалий времени. В. Брелович опубликовал дневниковые тетради И.И. Шитца в 1991 году [ШИ 1991]. Эта публикация дала нам 43 анекдотических текста конца двадцатых – начала тридцатых годов.

Наиболее известная из дошедших до нас коллекций записей анекдотов в дневниках 1920-х годов – безусловно коллекция С.А. Ефремова (1876—1939), украинского общественного и культурного деятеля, одного из руководителей Всеукраинской академии наук (ВУАН), арестованного в 1929 году по обвинению в организации Союза Вызvolения Украины. Видный публицист, пишущий на злобу дня (библиография его газетных статей приближается к тысяче позиций¹⁶⁸), он тем не менее вел очень личный дневник, могущий, по замечанию В. Любченко, стать образцом честности автора перед самим собой. В своих дневниках Ефремов приводит 147 анекдотов, рассказывавшихся в то время жителями Киева. Для них даже была отведена специальная рубрика – «Новітний [новейший. – М.М.] фольклор», в которую попадали услышанные автором в неформальной обстановке (на рынке, в транспорте и пр.) сюжеты. Тетради с записями Ефремова, которые тот вел на украинском языке с 1923 по 1929 год, были обнаружены ГПУ в тайнике благодаря информации, полученной от близкого к академику человека, изъяты и в качестве одного из вещественных доказательств использованы на процессе СВУ. Они были опубликованы в 1997 году [ЕС 1997], после более чем 60 лет хранения в архивах ГПУ—НКВД—МГБ—КГБ.

Кроме этого, окказиональные записи политического фольклора мы можем найти в дневниках М.А. Булгакова [БМ 2004], К.И. Чуковского [ЧК 2003], М.М. Пришвина [ПМ 1999, 2003, 2006, 2008, 2009] и многих других менее известных современников эпохи. Также необходимо помнить о дневниковой части собрания Н.В. Соколовой, давшей нам 103 текста (собрание Н.В. Соколовой подробно будет рассмотрено в конце этого раздела).

Записи анекдотов из всех перечисленных выше источников преимущественно датируются 1920—1930-ми годами. Фиксация текстов политического фольклора в дневниках стала в определенный момент слишком очевидной угрозой личной безопасности. Источники второй половины 1930-х годов содержат единицы записей анекдотов, а от военного времени до нас дошло только 9 записей, сделанных Л.К. Бронтоманом (1905—1953), журналистом, более четверти века работавшим в газете «Правда». Записи послевоенного времени нами были обнаружены только в дневниках Л.В. Шапориной (1879—1967), художника, переводчика и создателя первого в советской России театра марионеток. В ее дневниках содержатся записи 31 анекдота, причем 28 из них относятся к периоду между 1945 и 1957 годом. С 1957 года нам не удалось найти ни одной, даже окказиональной, записи анекдота в личных дневниках советских граждан.

¹⁶⁷ НИОР РГБ. Ф. 165. К. 1. Ед. хр. 6. Л. 2.

¹⁶⁸ Любченко В. Евреи в городском политическом фольклоре Украины 1920-х гг: анализ дневниковых записей академика С.А. Ефремова // Тирош – труды по иудаике. М., 2003. Вып. 6. С. 175.

Записи в дневниках современников – пожалуй, самый достоверный и информативный вид фиксации анекдота. У нас нет оснований ставить под сомнение устное распространение текстов, зафиксированных авторами дневников и используемых при работе над Указателем. Помимо записей анекдотов, в дневниках часто встречаются описания обстоятельств воспроизведения того или иного текста и информация о рассказчике анекдота. Анекдоты фиксировались в дневниках преимущественно «по горячим следам». Это позволяет максимально точно датировать время записи и, в ряде случаев, сделать довольно уверенные выводы о времени возникновения или актуализации сюжета. Сравнительный анализ зафиксированных в дневниках анекдотов позволяет делать выводы о степени и скорости распространения того или иного сюжета. У нас есть больше десятка примеров практически одновременной (менее недели) независимой друг от друга записи одного и того же сюжета в дневниках современников (например, сюжет № 673 в один день был записан москвичом Н. Мендельсоном (673А) и киевлянином С.А. Ефремовым (637В), на русском и украинском языках соответственно, через пять дней после вынужденного ухода Л.Д. Троцкого с поста председателя Реввоенсовета, что позволяет с большой степенью уверенности утверждать, что сюжет этот родился (или был вспомнен) и получил широкое распространение именно в эти дни). Всего в Указатель внесена 441 запись из этого вида источников.

Эстрадные номера

Героями нескольких сюжетов 1920-х годов является популярный клоунский дуэт Бим-Бом или некие безымянные клоуны, отпускающие со сцены весьма острые и злободневные шутки. Так, Никита Окунев в дневниковой статье от 17.01.1921 фиксирует два сюжета (текст обоих см. в 103А), которые, согласно актуальным для того времени слухам, являлись частью циркового представления клоунов Бима и Бома, впрочем, добавляя при этом: «Много такого рассказывают про Бима и Бома, но я не верю, что они могут безнаказанно так остричь. Вероятно, это выдумки тех таинственных остряков, которые сочиняют анекдоты» [ОН 1997(2): 104]. Двумя месяцами позже в анонимной заметке в парижской газете «Последние новости» некто пишет о бесстрашных клоунах, смелых шуток которых не могут остановить даже аресты, потому что «арестованного на другой же день сменяет новый» [СЮ 1921: 3]. Как уже говорилось, традиция может приписывать авторство фольклорных текстов конкретным персонажам, однако факт авторства в подавляющем большинстве случаев не может быть подтвержден никакими заслуживающими доверия свидетельствами.

В случае с политическими анекдотами двадцатых годов ситуация, на первый взгляд, довольно простая. В первые десятилетия XX века классическое клоунское антрэ, часто довольно бессюжетное и построенное на ряде комических трюков, начинает уступать позиции текстовым репризам, пользующимся тем большей популярностью, чем они злободневнее. Клоунада для рассматриваемого периода представляет собой один из немногих доступных широкой, часто не очень образованной публике источников юмористических текстов – отсюда чрезвычайная популярность данного жанра. Эстрадный репертуар того времени, в особенности номера, исполняемые клоунами и другими артистами сатирических жанров, тематически был довольно близок городской традиции – он, согласно мнению чиновника, работавшего в системе театрально-зрелищной цензуры, «больше всего содержал элементы контрреволюционности, порнографии, шовинизма», а также «издевательства над национальными меньшинствами (евреями, татарами, грузинами и т.д.)»¹⁶⁹. Помимо тематической близости, мы можем констатировать прямое взаимодействие циркового искусства и городской традиции. С одной

¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 2269. Л. 4—6. Цит. По: Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917—1991 годы. М., 2002. С. 185.

стороны, устная городская традиция активно взаимодействует с авторскими сатирическими текстами. Карикатуристы и авторы советских периодических изданий заимствовали для своих произведений сюжеты старых политических анекдотов. По этому же пути пошли и многие эстрадные артисты, включившие в репертуар проверенные годами или, напротив, свежие и актуальные анекдоты. С другой стороны, шутки, повторяемые перед большим скоплением людей по многу раз, зачастую разными исполнителями (в цирковой среде довольно распространен был плагиат), имели все шансы попасть в фольклор. Более того, традиция заимствует у циркового искусства сюжетные модели, что, применительно к советскому анекдоту, порождает сюжеты, представляющие собой якобы реально имевшие место клоунские выступления. Однако настойчивость, с которой традиция приписывает анекдоты Биму и Бому, согласно некоторым свидетельствам, может иметь под собой некоторые основания.

Начало дуэту Бим-Бом было положено в 1891 году выдающимся музыкальным эксцентриком И.С. Радунским. Дуэт просуществовал, не учитывая несколько небольших перерывов, более полувека – до 1946 года, при этом у Радунского сменилось несколько партнеров. Отличительными чертами дуэта, довольно быстро принесшими ему славу, стали высокий музыкальный уровень их эксцентрических номеров и злободневность шуток на острые внутри- и внешнеполитические темы (вторая черта особенно проявила себя в годы русско-японской войны и первой русской революции). Дореволюционная популярность дуэта столь велика, что ряд звукозаписывающих компаний («Пишущий Амур», «Пате», «Сирена», «Конкордия») выпускает в 1908 году пластинки с записями их выступлений.

О судьбе Бим-Бома в годы революции и Гражданской войны известно очень немного. В воспоминаниях И.С. Радунского, изданных в 1954 году, этому периоду посвящено всего несколько страниц. Известно только, что в 1920 году М.А. Станевский, в тот момент партнер Радунского, уезжает в Варшаву, через некоторое время за ним устремляется и основатель дуэта. Несколько лет дуэт гастролирует по Европе, но в 1925 году их творческое сотрудничество прекращается, Радунский возвращается в Советский Союз и начинает выступать с Н.И. Вильтзаком. При этом дуэт несколько меняет стиль выступлений – в воспоминаниях Радунский утверждает, что его новому партнеру не хватало непринужденности и комизма, поэтому упор в репертуаре дуэта советского периода делался на музыку, а не на текстовые номера.

Некоторый свет на судьбу дуэта в период революции проливают воспоминания¹⁷⁰ революционера Я.Х. Петерса о работе в ВЧК, опубликованные в 1924 году, еще до возвращения Радунского в Советский союз. В них Петерс в качестве одной из причин, по которым москвичи плохо приняли ВЧК, указывает последствия следующего случая:

Наши сотрудники пошли как-то в цирк, там клоун Бим-Бом пробирал Советскую власть. Сотрудники, недолго думая, решили его арестовать, и арестовать на сцене. С этим решением они двинулись к Бим-Бому. Когда они подошли и объявили его арестованным, публика сначала думала, что это так получается в представлении Бим-Бома. Сам Бим-Бом в недоумении открыл рот, но увидя, что дело серьезное, бросился бежать. Сотрудники открыли стрельбу. Поднялась паника, и ВЧК долго припоминали эти два факта¹⁷¹.

Широко известно, что аналогичные сценические псевдонимы использовали многочисленные подражатели дуэта, в основе реприз которых также могли встречаться политические остроты. Нам кажется маловероятным, что лже-Бим-Бомы¹⁷², колесившие по СССР в период

¹⁷⁰ Петерс Я.Х. Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции // Пролетарская революция. М., 1924. № 10 (33). С. 5—32.

¹⁷¹ Там же. С. 9.

¹⁷² В 1927 году Центральный комитет профсоюза работников искусств выдает свидетельство о праве именоваться Бим-Бом только Радунскому и его партнеру – Радунский И.С. Записки старого клоуна. М., 1954. С. 83.

европейских послереволюционных гастролей Радунского и Станевского, могли выступить под этим же псевдонимом в Москве в период, когда настоящие Бим-Бом ее еще не покинули. То есть скорее всего перед нами упоминание о реальном конфликте творческого коллектива с новой властью, спровоцировать который гипотетически могла представленная перед широкой публикой острая политическая реприза, которая и породила один из зафиксированных в нашем собрании сюжетов.

В попытке разобраться с репертуаром дуэта Бим-Бом мы обратились к фонду Главреперткома¹⁷³ – организации, возникшей на базе Главлита, в ведение которой был передан контроль за всеми зрелищными мероприятиями. Именно в Главреперткоме принимались решения о разрешении или запрете к публичному исполнению или демонстрации драматических, музыкальных и кинематографических произведений, а также составлялись и публиковались периодические списки разрешенных и запрещенных к публичному исполнению произведений¹⁷⁴. Полный текст любого предназначенного к публичному воспроизведению произведения должен был в машинописной форме представляться в Главлит на утверждение политическим редактором. За рассмотрение заявок с текстами репертуаров взималась госпошлина, устанавливаемая по соглашению Наркомфина и Наркомпроса¹⁷⁵. Важно, что творческие материалы, присылаемые в Главрепертком для получения разрешения на сценическое воплощение, сохранились и отложились в фондах РГАЛИ, куда их стали передавать с первых лет существования тогда еще Центрального государственного литературного архива – в 1942 году в архив поступили первые материалы, позже ставшие частью фонда № 656, в 1967-м формирование фонда было закончено¹⁷⁶. По последним сведениям, представленным в «Путеводителе РГАЛИ», фонд Главреперткома насчитывает 11 463 единицы хранения.

В материалах первой описи фонда Главреперткома обнаружилась единица хранения с текстами выступлений И.С. Радунского и Н.О. Вильтзака [РВ 1926—1933], относящимися к периоду после возвращения Радунского из эмиграции. Как и ожидалось, нам не удалось найти никакой информации о репертуаре начала двадцатых годов, а сохранившиеся репризы второй половины десятилетия весьма лояльны новой власти. Впрочем, анекдотам нашлось место и в лояльных репризах – ряд текстов, не имеющих отношения к устной традиции, был озаглавлен клоунами «Анекдоты» или «Разные анекдоты», а в диалогах Бима и Бома мы обнаружили пять искаженных сюжетов, имевших устное распространение в довоенный период, три из которых были вычеркнуты политическим редактором. К числу вычеркнутых относится и довольно любопытный текст (5493), представляющий собой первую обнаруженную нами советскую фиксацию сюжета № 1603/5493 «Заяц: “Поймают – кастрируют, а потом доказывай что ты не верблюд”».

Находки в деле Радунского и Вильтзака заставили нас обратить внимание на прочие материалы, отложившиеся в фонде Главреперткома, особенно – на тексты выступлений клоунов, эксцентриков, сатириков и пародистов. Из более чем трех сотен просмотренных единиц хранения нами было выявлено и обработано 48 архивных дел, содержащих подобного рода материалы, которые дали нам в общей сложности 141 запись популярных анекдотических сюжетов.

Отличительной чертой записей анекдотов в репертуарных делах Главреперткома является то, что они зачастую приведены в сильно искаженном виде. Многие исполнители стремились дистанцироваться от политических тем и использовали в своих выступлениях версии

¹⁷³ Главное управление по контролю за репертуаром при Главлите РСФСР (1923—1928); Главное управление по контролю за репертуаром Главлитом НКП РСФСР (1928—1934); Главное управление по контролю за репертуаром и зрелищами НКП РСФСР (1934—1936); Главное управление по контролю за репертуаром и зрелищами при комитете по делам искусств при СНК СССР (Совете министров СССР) (1936—1951).

¹⁷⁴ Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917—1991 годы. М., 2002. С. 184—185.

¹⁷⁵ Там же. С. 185.

¹⁷⁶ Там же. С. 46—47.

анекдотов, лишённые советской специфики. Второй отличительной чертой этого вида источников является высокий уровень заимствований. Существуют целые блоки шуток, которые практически без изменений кочевали по репертуарам самых разных исполнителей. Не вполне понятно, плагиат ли это – есть вероятность того, что советский цирк и эстраду обслуживал ограниченный круг авторов, продававших схожие тексты сразу нескольким исполнителям, однако, поскольку в подавляющем большинстве случаев тексты сдавались в Главрепертком без указания авторства, доказать это не представляется возможным.

Мемуары и художественная литература

Мемуары гораздо слабее прочих источников помогают составить представление о советском анекдоте. В отличие от дневников, этот вид источников не даёт сколько-нибудь значимых собраний записей анекдотов. Редкие воспоминания содержат более двух-трёх текстов. При работе над Указателем было просмотрено более полутора тысяч текстов воспоминаний советских людей¹⁷⁷, однако всего 136 авторов зафиксировали в воспоминаниях анекдоты. При этом необходимо понимать, что авторы воспоминаний, редко придающие значение анекдотам, фиксируемым в их записках чаще всего в качестве забавной иллюстрации, в последнюю очередь думали о точности передачи сюжета или его достоверной хронологической локализации. Поэтому в мемуарных текстах много записей, устное распространение которых не удастся доказать.

Близка к мемуарам и художественная литература. Этот вид источников тоже не дал нам хоть сколько-нибудь значимых собраний анекдотов. Более того, художественная литература – самый бедный из выделенных нами видов источников. Число полученных из художественной литературы текстов совершенно незаметно в использованной нами базе записей. Художественная литература проигрывает прочим видам источников по всем принципиальным параметрам, давая меньше возможностей для хронологической локализации анекдотов. Кроме того, в художественную литературу преимущественно попадали самые распространённые анекдоты эпохи, и без того доступные во множестве записей. Мемуары и художественная литература дали 233 и 64 записи соответственно.

Видеоматериалы

К данному виду источников относятся художественные и документальные фильмы, телепередачи, а также видеointервью.

Самым ранним примером использования советских анекдотов в кино стал американский фильм «Один, два, три» (реж. Билли Вайлдер), выпущенный в прокат в 1961 году. Фильм рассказывает о злоключениях директора немецкого представительства «Кока-колы», доверенная попечению которого юная дочь главы компании выходит замуж за коммуниста из восточного сектора Берлина. В одной из сцен, среди прочих шуток о коммунистах, озвучивается вариант сюжета № 2125.

Встречались анекдоты и в советских фильмах – так, в фильме А. Германа «Проверка на дорогах» командир партизанского отряда рассказывает новым бойцам анекдот о Гитлере, в прочих наших источниках не фиксирующийся (4694).

Самым необычным кинематографическим примером использования устной традиции стал фильм Виктора Титова «Анекдот», снятый на излете перестройки в 1990 году – действие разворачивается в палате дома для умалишённых, в которой содержатся сумасшедшие, кото-

¹⁷⁷ Сюда входят мемуары из базы данных воспоминаний о ГУЛАГе, подготовленной центром Сахарова и доступной в интернете по адресу: <http://www.sakharov-center.ru/gulag/>.

рые возомнили себя Лениным, Сталиным, Чапаевым и прочими историческими личностями, ставшими героями анекдотов. Сценарий фильма сшит из текстов позднесоветской традиции, не представляющих особого интереса, однако содержит в себе один сюжет, не фиксируемый по прочим источникам (2189).

После развала СССР советский анекдот, естественно, получил доступ на экраны телевизоров. Ему было посвящено несколько документальных фильмов¹⁷⁸, сюжеты советских анекдотов постоянно озвучивались в развлекательных передачах¹⁷⁹, однако отсмотренный материал не дал новых сюжетов.

Источники этого вида довольно малоинформативны. Включить их в настоящий Указатель мы были вынуждены только из-за двух сюжетов (2189 и 4694), не фиксируемых в прочих материалах. Фиксации уже вошедших в Указатель сюжетов, выявленные в источниках типа ВМ, в данное издание не включались.

Собрание советских анекдотов Н.В. Соколовой

Один из наших источников – самый, пожалуй, крупный и почти не введенный в научный оборот – следует рассматривать отдельно. Он относится сразу к четырем формальным группам из нашей классификации источников: дневникам, записям фольклористов, мемуарам и сборникам. Речь идет о записях анекдотов Натальи Викторовны Соколовой (1916—2002) – писательницы и литературного критика.

В девяностые годы в «Огоньке», «Вопросах литературы», «Столице», «Московском вестнике» и других периодических изданиях стали появляться ее публикации [СН 1991, 1995, 1996, 1997, 1998] с материалами 1920—1940-х годов, в числе которых в обилии встречались и политические анекдоты. Из сопроводительных статей к данным публикациям сложилась такая картина возникновения собрания Соколовой: в десятилетнем возрасте Н.В. начала фиксировать в своем дневнике все, что ей казалось смешным или забавным – анекдоты, частушки, песни, остроты и эпиграммы многочисленных друзей семьи (Масс, Эрдман, Вольпин, Ардов, Арго, Кроткий, Смирнов-Сокольский, Утесов, Хенкин и др.). Позже, закончив Литинститут, профессионально занявшись журналистикой и писательским ремеслом, Н.В. не оставила своего увлечения. За более чем 60 лет ведения дневника ею была собрана огромная коллекция в несколько тысяч текстов, выдержки из которой она и публиковала в периодике в процессе работы над изданием своего собрания одним томом.

В РГАЛИ, куда после смерти Соколовой была передана большая часть ее бумаг, вернее в описанной части ее фонда, нам удалось найти лишь около четырех десятков записей политических анекдотов второй половины 1940-х годов, попавших в автобиографическую рукопись «Антикосмополитизм 1948—49» [СН 1981—1985], однако в архиве ее сына Павла Павловича Соколова сохранилась одна из редакций практически подготовленного к публикации сборника советского фольклора «Эпоха в кривом зеркале: Из старых тетрадей (1926—1985): Анекдот. Байка. Каламбур. Сценка из жизни. Подслушанное. Юмор известных острословов. Афоризм. Эпиграмма. Басня. Частушка». Нами была начата публикация [СН 2007] части материалов из этого собрания, предоставленных ее сыном (раздел за 1926 год). Высокая степень корреляции текстов из доступных нам записей Соколовой с аутентичными источниками двадцатых годов говорила в пользу утверждения собирателя о том, что записи она делала в своих дневниках по

¹⁷⁸ Анекдот про анекдот. Передача, подготовленная Главной редакцией литературно-художественных программ ЦТ совместно с советско-американским предприятием «СТАРТ» Союза кинематографистов СССР. Из архивов ЦТ. Запись 1990 года; Страна анекдотов. Передача, подготовленная Е. Даниловым и А. Панковым для телеканала RenTV. Запись 2001 года; Анекдоты эпохи. Цикл фильмов, режиссер Д. Аврорин, Студия «Вертов и Ко».

¹⁷⁹ Как пример можно привести цикл передач «Клуб “Белый попугай”», выходивших на канале «РТР» в 1993—1998 годах.

горячим следам, сразу после того, как услышала новый анекдот или остроту. Однако дальнейшая работа с ее собранием дала повод усомниться в этой информации.

Мы получили возможность ознакомиться с необработанной частью фонда Н.В. Соколовой в РГАЛИ [СН 2000—2002]¹⁸⁰, где отложились последние две редакции ее собрания (машинопись и компьютерный набор) и ее личные дневники [СН 1925—1985]. Полная версия последней редакции сборника, представленная компьютерным набором, без преувеличения уникальна по целому ряду причин. Во-первых, это крупнейшее из известных нам собраний подобного рода текстов, обошедшее по размеру даже сборник С. Тиктина и Д. Штурман [ШТ 1987]. В первом приближении – то есть после механического избавления от записей частушек, политических басен, эпиграмм и острот известных людей советского времени – оно дало почти четыре с половиной тысячи текстов. Во-вторых, очень важен принцип систематизации, взятый на вооружение Соколовой: более ранняя, машинописная редакция была разделена на главы, включающие в себя материалы крупных временных отрезков: «Вторая половина двадцатых» и пр., однако в последней версии мы видим более дробную структуру – собрание разделено на главы по годам с 1926 по 1992-й (а не 1985-й, как в первом случае). При этом, однако, достоверность данного источника мы были вынуждены поставить под сомнение. В первую очередь это вызвано невысоким уровнем соответствия подготовленного к публикации собрания записям из дневников Соколовой. Вот что она сама об этом пишет в предисловии:

В середине двадцатых годов я, школьница первой ступени, стала в толстой тетради вести дневник, <...> Настал день, когда параллельно я завела тетрадку «Смешное! Смех!», тонкую, клетчатую, с таблицей умножения на заднем листке и правилами школьника. <...> Что писалось в тетрадке? То, что мне казалось занятным, смешным. Поначалу преобладал школьный фольклор, общеизвестные расхожие хохмы <...>, подслушанные уличные выражения <...>, какие-то детские скороговорки, считалки, классические фразы-перевертыши <...>. Со временем ребяческого становилось меньше, а «взрослых» анекдотов, острот, эпиграмм все больше и больше. К тонкой тетрадке со смешной мелочевкой я подклеила еще одну тетрадку, потом третью... В дальнейшем я делала так – в толстой дневниковой тетради загибала угол, писала «Смешное». Таким образом «Смешное» как бы образовывало особый постоянный раздел дневника. Записывать остроты, анекдоты стало для меня привычным делом. <...> Подавляющее большинство эпиграмм, анекдотов, шуток из моих тетрадей – сидят точно, прочно на своем месте. Записаны по следам событий. Но есть такие, которые я вспомнила случайно через много лет после их рождения (жаль было не вставить, предать забвению); есть и такие, которые вспоминали, пересказывали мне по моей просьбе задним числом другие люди, наделенные завидной памятью (некоторые даже щедро отдавали свои записи, небольшие по размеру, считая, что большее должно присоединять и поглощать меньшее). <...> Нашлась и у меня малая толика записей, которые были не в тетрадях, а на клочках бумаги, находились в конвертах, папках (то датированные годом и даже месяцем, то вовсе без даты). Вот почему возможны иногда не столь непоколебимо правильные датировки, за что заранее приношу извинения. Надеюсь, что таких случаев немного¹⁸¹.

¹⁸⁰ Здесь и далее мы ссылаемся на сдаточную опись фонда 3270, ед. хр. 1—18 без указания страниц (в случае, если единица хранения представлена дискетой с компьютерным набором) или, для дневников, с указанием авторской нумерации тетрадей и страниц.

¹⁸¹ Там же.

На деле же картина выглядит немного по-другому. Записи анекдотов в дневниках Н.В. Соколовой относительно немногочисленны – нам удалось обнаружить лишь 90 сюжетов. Анонсируемый автором раздел «Смешное» нам удалось встретить лишь один раз в послевоенных тетрадах – записи анекдотов преимущественно производились непосредственно в тексте дневниковых статей, они немногочисленны и очевидно случайны. Первые из них датируются 1928 годом – а не 1926-м, как следовало ожидать после знакомства с «приведенным в порядок» полным собранием. При этом действительно есть специально отведенная под записи «смешного» тетрадь «*Von mots*» [СН 1924—1937] (которую мы относим к категории «записи фольклористов»), где мы нашли записи еще 103 текстов анекдотов. Тетрадь эта имеет авторскую датировку 1924—1937 годами и внутреннюю нумерацию текстов от 1 до 516. Совершенно очевидно, что тетрадь эта велась на протяжении долгого времени – помимо значительно меньшей, нежели у дневников, сохранности об этом говорят разные чернила, которыми записывались тексты, и серьезное изменение почерка, которое мы можем наблюдать в промежутке с первой по последнюю запись; однако нижняя граница авторской датировки (1924 год) может вызывать сомнение – почерк скорее похож на почерк из дневниковых записей подросткового периода конца 1920 – начала 1930-х годов. Частично записи анекдотов из дневников дублируются записями из тетради «*Von mots*» (или наоборот), но это не механическое дублирование, а новая запись старого сюжета – возможно, забытого.

Почти все тексты анекдотов в дневниках и тетради «*Von mots*» были выделены зеленым фломастером – судя по всему, при работе над собранием анекдотов Н.В. Соколова просматривала свои записи насквозь и набирала их на печатной машинке. От ее взгляда ускользнул лишь один небольшой – в две строки – текст, все прочие были перенесены в собрание. При этом, несмотря на заверения в предисловии, в некоторых случаях дневниковые датировки Соколовой пересматривались – возможно, в угоду составительским амбициям (перенести текст анекдота из объемной главы в менее насыщенную материалами для создания видимости равномерного собрания), или, что на наш взгляд более вероятно, составитель корректировала датировки в соответствии с собственными воспоминаниями, сложившейся у нее картиной развития анекдотической традиции, не нашедшей отражения в дневниках. Авторские изменения даты почти во всех обнаруженных нами примерах не превышают двух лет – исключение составляет только текст 301А, который был записан в дневниковой тетради начала 1950-х годов, но в собрании отнесен по каким-то причинам к разделу за 1929 год. При всем этом мы считаем авторскую датировку Н.В. Соколовой анекдотических сюжетов довольно достоверной. Те сюжеты, которые нам удалось перепроверить по прочим источникам, в подавляющем большинстве случаев датированы Соколовой вполне верно. Не совсем понятно, все ли тексты из собрания Соколовой, записи которых нам не удалось найти в ее дневниках, были записаны ею по памяти; вполне вероятно, что какие-то материалы, могущие лечь в основу ее сборника, не были нами рассмотрены – эти бумаги могли не сохраниться или не попасть в фонды РГАЛИ. К тому же мы работали с бумагами еще не описанными, и не исключена вероятность новых находок в не рассмотренных нами частях фонда. Обнаруженные нами искажения датировок не превышают одного-двух годов, что является приемлемым допущением, поэтому, за исключением явных анахронизмов, мы принимаем датировки Соколовой как достоверные в высокой степени.

Серьезнейший отпечаток на записи анекдотов, естественно, наложила и личность собирателя. Н.В. Соколова, в свое время очень просоветски настроенная женщина, до шестидесятых годов, по собственному признанию, убежденная сталинистка, в предисловии к подготовленному сборнику так охарактеризовала расхождение своих идеологических убеждений и довольно сомнительного с точки зрения главенствующей идеологии хобби: «Да, мое сознание долгие годы отставало от уровня самых острых и смелых анекдотов, срывающих все и всяческие покровы. Анекдот учил школьницу, студентку, начинающего литературного критика; однако, скажем прямо, молодая женщина была глуховата» [СН 2000—2002: без н.с.]. Н.В.

Соколова декларировала принцип беспристрастного собирания: «С одним анекдотом я сегодня солидарна, другой вызывает во мне раздражение, несогласие. Но имею ли я право его вычеркнуть? Уже навывчеркивали достаточно <...> Нет, вычеркивать не хочется» [СН 2000—2002: без н.с.]. Действительно, из доступных нам дневниковых записей ничего не было «вычеркнуто», однако даже эти немногочисленные материалы дают нам некоторые основания для констатации возможной идеологической ангажированности собирателя. К примеру – в июле 1928 года в дневнике Соколовой был записан такой анекдот:

«Ох, эти мне большевики. Они у меня вот где сидят. Этот Рыков. Взяла бы железную палку, раскалила ее и всунула бы холодным концом ему в жопу». – «Почему же холодным, Ада?» – «Чтобы он вытащить не мог.» – ДН: 04.07.1928 [СН 1925—1985(3): 3].

Через шесть лет в тетради «Bon mots» появляется следующая запись этого анекдотического сюжета:

«Ох, чтоб этому Самойловичу пропасть. Был бы я Сталин, я бы приказал взять железную палку, раскалил бы один конец и воткнул бы ему в жопу другим концом». – «???» – «Чтоб он вытащить не смог». – ЗФ: 1934 [СН 1924—1937: № 457].

В итоговое собрание сюжет попадает в совершенно ином виде (800А). Безусловно, данный сюжет в поздней советской анекдотической традиции имеет привязку к Сталину и к Гитлеру, но все же перед нами пример собирательской непоследовательности: в итоговую версию собрания, ориентированную на публикацию, автор включает не зафиксированный в его записях 1920—1930 годов текст, а наиболее идеологизированную версию анекдота, возможно не имевшую хождения в указанный период.

Если примеры, могущие указывать на идеологическую ангажированность собирателя, весьма немногочисленны, то случаи редактуры, обусловленной другими причинами, исчисляются десятками. Н.В. Соколова так объясняет возможные искажения и анахронизмы:

Отдельные ошибки, огрехи могли возникать и при позднейшей стилистической редактуре текста. Так, в каком-то анекдоте двадцатых годов было написано «мастерская по ремонту примусов», я ничтоже сумняшеся добавила «и керогазов», опираясь на смутные воспоминания, и в таком виде напечатала анекдот в «Огоньке». Читатель в письме разъяснил мне, что керогазы появились только после войны. Память ненадежна, обманчива, все помнить немислимо, есть вещи (особенно бытовые), которые сегодня проверить крайне затруднительно или попросту невозможно.

В тех случаях, когда мы имели возможность сравнить исходную запись и текст из окончательной редактуры, можно увидеть очень серьезную стилистическую редактуру, в ряде случаев лежащую на грани с изменением сюжета. Различия первой записи и поздней версии текста у непрофессионального собирателя фольклора могут объясняться не только необходимостью «раскрытия» анекдота, но и невозможностью дистанцироваться от традиции. Записывание анекдота зачастую превращается в его письменное рассказывание – текст в таких случаях может обрастать мелкими авторскими добавлениями, направленными на «улучшение». Это нормально и остается в рамках допустимой для устного текста вариативности. Однако, что касается собрания Соколовой, мы можем констатировать наличие совершенно очевидной творческой инициативы собирателя. Психологический климат семьи Н.В. Соколовой, круг ее общения способствовали увлечению всеми формами существования сатиры и юмора: «В нашем доме чувство юмора ценилось очень высоко, лишенных юмора жалели, как тяжелобольных» [СН 2000—2002: без н.с.]. Отсюда внимание к экспромтам, каламбурам и удачным язы-

ковым находкам, возникшим в семье или в ближнем круге общения. Собиратель не делает различия между популярным анекдотом и, к примеру, текстом семейного или внутрицехового творчества. Широкий жанровый охват собрания при отсутствии пояснительной информации к подавляющему большинству сюжетов значительно усложняет работу исследователя – одной из основных задач становится отделение текстов политического фольклора, имевших хождение в широких слоях носителей традиции, от авторских текстов, мимикрирующих под анекдот. Рассмотрим это на примере – в собрании Соколовой, в главе, посвященной 1930 году, мы видим такой текст:

В школе изучают Пушкина. Школьник: «А с кем это Пушкин спорит? “Стояли мы на берегу, не вы”». – «Пушкин спорит с царизмом». – СБ: *1930 [СН 2000—2002: без н.с.].

При отсутствии каких-либо пояснений этот текст очевидно воспринимается как анекдот, высмеивающий идеологизацию школьного образования. Удачно переосмысленная цитата из стихотворения Пушкина записана в тетради «Bon mots» под номером 11 [СН 1924—1937: № 11] и спустя несколько десятков лет отчеркнута Соколовой зеленым фломастером – это косвенным образом подтверждает то, что скорее всего именно эта запись была позже «развернута» в текст анекдота. При этом в нашем распоряжении есть мемуарная зарисовка времен поездки Н.В. Соколовой в Одессу в середине 1920-х годов:

Взрослые поспорили о том, какой пароход прошел час назад мимо пляжа. Шел он далеко, на самом горизонте, название не прочитаешь. Мы с отцом были на пляже, а дядя Марк – наверху на даче, довольно далеко, но все равно он стоит на своем. Каждый одессит уверен, что может узнать любое судно по кончикам труб и даже, кажется, по дыму из труб. Отец, заканчивая спор, решительно выкладывает дяде Марку последний решающий аргумент: «Ведь сказано у товарища Пушкина: стояли МЫ на берегу, НЕ ВЫ!». – СБ: 1926 [СН 2000—2002: без н.с.].

Мы видим, что собиратель не различает тексты разных жанров или не видит необходимости пояснять эти различия возможным читателям. Так, в 1991 году в журнале «Огонек» Соколова опубликовала «анекдот»:

Рабфаковка ищет в алфавитном указателе к учебнику Каутского. «На “Сэ” нету». – «Почему на “Сэ”?» – «А как же? Социал-кровавая-собака-Каутский» [СН 1991: 29—30].

Запись этого текста в ее неопубликованном сборнике выглядит немного по-другому:

*Отец сочиняет анекдот. «Рабфаковка ищет в алфавитном указателе к учебнику Карла Каутского. «На “Сэ” нету». – «Почему на “Сэ”?» – «А как же. Социал-кровавая-собака-Каутский». Вечером отец рассказывает анекдот уже иначе, короче. «Молодая библиотекариша искала Каутского на “Р”. Думала, что у него двойная фамилия – Ренегат-Каутский. Как Конан-Дойл». – СБ: *1926 [СН 2000—2002: без н.с.].*

Совершенно понятно, что этот текст нельзя считать аутентичным текстом советского фольклора и использовать иначе как пример фальсификации – осознанной или неосознанной.

Еще один характерный пример искажения текста. В левом столбце приведенной ниже таблицы – запись начала тридцатых годов из тетради «Bon mots», в правой – этот же текст из последней редакции сборника:

<p>Воскресенский омолаживает МХАТ, возлюбленный театр РАПП'а. Он и Станиславский (старец-дитя) идут — Красный уголок. Он говорит: «Этот бюст страшно знакомый — нет, не говорите, я сам вспомню. Ну, конечно, — говорит, — это Лукич». (<u>До сих пор — факт</u> [Выделение мое. — М.М.]). На это ему Станиславский [нрзб.]: «Слушайте, не Лукич, как-то иначе. Да не говорите так, Вас же могут засадить в этот ихний ГУМ (МГУ). Н[емирович]-Д[анченко], когда ему на другой день сказали, возмущен: «И поделом ему будет, как можно называть Степаныча Лукичем. — ЗФ: н.д. [СН 1924—1937: № 37а].</p>	<p>К вопросу о «советизации» Художественного театра. Идут по театру Москвин и Станиславский (старец-дитя). Красный уголок, бюст. Москвин: «Страшно знакомый бюст, не подсказывайте, я сам вспомню. Ну, конечно, это Лукич!» Станиславский: «Слушайте, не Лукич, как-то иначе. Вы не говорите так, вас могут засадить в ихний МГУ на Лубянке...» Немировичу-Данченко рассказали об этом разговоре, он страшно возмутился: «И поделом будет Москвину, если его засадят в ГУМ. Как можно Фомича назвать Лукичем?» — СБ: *1926 [СН 2000—2002].</p>
---	--

Принципиальна не замена одного из героев – для подобного рода текстов это совершенно нормально; ремарка из ранней записи «до сих пор – факт», позже опущенная собирателем, сразу дает нам основания для целого ряда вопросов к тексту. Что это – авторское переосмысление анекдота, дошедшего до нас только в одной записи, импровизация над реальной театральной историей, – на данном материале мы не можем ничего утверждать с достаточной долей ответственности.

Последние редакции собрания Н.В. Соколовой складывались уже в современной России, после выхода в свет всех крупных сборников советских анекдотов. Совершенно очевидно, что Н.В. использовала в качестве источника минимум одно издание – собрание Д. Штурман и С. Тиктина. В собрании Соколовой нет прямых цитат из собраний предшественников – всякий раз она целиком переписывала текст, но близость ее коллекции и [ШТ 1986] очевидна – подавляющее большинство сюжетов, опубликованных в израильской коллекции, имеют аналог в собрании Соколовой. В значительной части случаев сюжеты, сильно варьирующиеся в записях из прочих источников, в этих двух сборниках относительно близки, но запись Соловой почти всегда больше, с некоторым количеством довольно бессмысленных для сюжета подробностей и, возможно, с несколькими вариантами концовки, часто очень ходовыми. Примеров этому много, в качестве характерного можно привести сюжет № 5659. Мы нашли две его фиксации – первую из собрания [ШТ 1987: 510] мы целиком привели в Указателе; вторую, представленную в Указателе только шифром, отсылающим к собранию Соколовой, позволим себе процитировать ниже:

На морозе стояла длинная очередь. Прошел слух, что будут давать икру. (А икра всегда нужна; идет в качестве подарка врачу, чиновнику, оказавшему тебе услугу, и т.д.; так принято, такой сложился обычай.) Стоят час. Выходит заведующий. «Евреям давать не будем». Евреи бурно реагируют, кричат, что Эйнштейн был еврей, Гейне был еврей, считают Героев Советского Союза еврейского происхождения. Заведующий: «Как хотите. Тогда вообще никто не получит». Евреев выводят из очереди. Стоят еще час. «Беспартийным давать не будем». Беспартийные кричат, что даже Сталин высоко ставил преданных беспартийных, что дело не в партбилете, а в честном служении Родине... Кончается тем же. Еще час прошел. «Здесь все партийные? Ну так вот: икры нет и не будет». Расходятся возмущенные. «Подумать только... эти жиды

пархатые уже два часа в тепле. Вот кто умеет устраиваться». (ВАРИАНТ: «...икры нет и не будет. Заместитель спрашивает заведующего: “Зачем ты так сделал? Отпускал людей постепенно?” – “Я, как еврей (наполовину) и беспартийный (на все сто), симпатизирую евреям и беспартийным. Решил сделать для них лучше”». ВАРИАНТ: ...Кончается тем же. Еще час прошел. «Здесь одни коммунисты? Вам могу сказать все. Так вот: икры нет и не будет. Расходитесь без шума небольшими группками. И смотрите, никаких обывательских сплетен о том, что у нас в стране якобы не хватает икры!») – СБ: *1967 [СН 2000—2002: без н.с.]

Соколова часто превращает запись анекдота в небольшое художественное произведение, в котором она старается прояснить, исходя из своего понимания сюжета, мотивации персонажей и дать исторический комментарий. Пуант анекдота Н.В. часто увеличивает до нескольких предложений или же продолжает действие анекдота уже после того, как было озвучено смеховое ядро сюжета. Такого рода записи мы старались включать в Указатель только в виде шифра.

Серьезную проблему представляет также наличие в собрании Соколовой множества сюжетов, безусловно имеющих фольклорную природу, но, вероятно, не являющихся частью советской устной традиции. Н.В., видимо, использовала переводные издания зарубежных анекдотов, такие как «Антология мирового анекдота», и адаптировала к советским реалиям классические сюжеты про, например, англичан, французских проституток и пр. Подобного рода сюжеты мы включали в Указатель в статусе сомнительных и с примечанием, содержащим ссылку на запись более традиционной версии сюжета.

С одной стороны, перед нами источник с очень значительным количеством записей советских анекдотов и довольно хорошей авторской датировкой сюжетов. С другой, источник, наполненный никак не помеченными авторскими текстами, чрезвычайно похожими на анекдот по форме, и текстами, имевшими хождение в очень узких интеллигентских кругах – анекдотами в понимании XVIII века. Не вполне понятно, к какому жанру относить десятки текстов о РАППе и сотни текстов о советских писателях, по форме очень похожие на анекдот, но имеющие шансы на популярность только в очень узких интеллигентских кругах, в которых вращалась Н.В. Соколова, знакомых с литературной «кухней» советского времени. Даже если подобного рода тексты не являются записью продукта творческой инициативы собирателя или близких к нему людей, все равно круг распространения подобного рода «анекдотов» был крайне невелик. Такой же вопрос правомерен и по отношению к десяткам зафиксированных Н.В. Соколовой каламбурных шуток на политические темы. Каламбур как основа анекдотического сюжета крайне нехарактерен для городской – и тем более крестьянской – традиции XX века. Любовь к каламбурной шутке является совершенно очевидной составляющей персонального чувства юмора Н.В. Соколовой – профессиональный писатель, она хорошо чувствовала язык.

В связи с неоднозначностью источника и необходимостью проверки каждого конкретного текста в Указатель были внесены лишь 2253 текста из собрания Соколовой. Половина текстов из рассматриваемого источника не была включена даже в статусе «сомнительных» сюжетов, возможно не имеющих устного хождения, – слишком очевидна в большинстве случаев авторская инициатива Н.В. Соколовой.

Структура сюжетного фонда и эдиционные принципы Указателя

В данный Указатель вошли записи анекдотов, имевших хождение на территории СССР с 1917 по 1991 годы. При работе с источниками мы исходили из определения термина «анекдот», уже приводившегося выше: «анекдот – жанр преимущественно городского фольклора, представляющий собой небольшой пуантированный рассказ». При этом в Указатель попали и тексты, не соответствующие данному определению, но причисляемые к анекдотическому жанру самой традицией – популярные остроты и анекдотические дезаббревиации, записи которых встречаются в наших источниках среди прочих текстов анекдотов.

Обязательным условием для попадания в Указатель стало наличие в хотя бы одной из фиксаций анекдота советской специфики – издание в первую очередь ориентированно на традицию советского политического анекдота, и сюжеты, не имеющие отношение непосредственно к политическому развитию, включались лишь в той мере, в которой они дают представление о советской реальности. В рассматриваемый период государство стремилось контролировать все сферы человеческой жизни, поэтому в подавляющем большинстве анекдотов на условно «бытовые» темы очень легко вычленишь специфику, делающую возможным фольклорное выживание анекдота только в среде, знакомой с советским укладом жизни. Именно поэтому в Указатель попали довольно опосредованно характеризующие советский строй анекдоты о супружеской измене, дающие представление о распределении ролей в советской семье, и даже циклы анекдотов о кинематографических персонажах – Чапаеве и Штирлице, иллюстрирующих взаимодействие устной традиции с пафосом производимого государством культурного продукта. Вместе с тем в собрание не включен ряд популярных сюжетов, имевших советский генезис и получивших широкое распространение, но посвященных универсальным темам, не связанным с советской действительностью. В собрание не вошли как конкретные тексты, имеющие отношение к выделенным нами тематическим группам, но не имеющие советской специфики (часть анекдотов о супружеской измене и сексуальных отношениях, пьяных людях, взаимоотношениях врача и пациента), так и целые циклы сюжетов (анекдоты о дистрофиках, сумасшедших, практически не затронута детская анекдотическая традиция, анекдоты о Вовочке, мультипликационных персонажах). Не включались не адаптированные к советской реальности тексты дореволюционной устной традиции, а также тексты из периодически выпускаемых советскими издательствами переводных сборников иностранных анекдотов – исключение сделано только для ряда фиксаций, представляющих собой «немецкие» версии существующих советских сюжетов, и нескольких «новелл союзников» – американских и английских анекдотов, ставших частью советской традиции во время войны или в первые послевоенные годы. В Указатель также включались анекдоты стран социалистического лагеря и иностранные анекдоты об СССР, русскоязычные фиксации которых нам удалось обнаружить в источниках рассматриваемого периода.

Анекдоты, построенные на национальных стереотипах, включались в Указатель в той мере, в какой они описывают специфику существования конкретной нации в советских условиях и стереотипные поведенческие стратегии, приписываемые фольклором советского периода ее конкретным представителям. В этом смысле очень характерны анекдоты о грузинах, значительная часть которых фактически посвящена коррупции в национальных республиках. Анекдоты о чукчах в меньшей мере имеют отношение к национальным стереотипам, нежели анекдоты о грузинах или евреях, – чукча в советском анекдоте не представитель конкретного народа, а название для обобщенного образа слабо образованного представителя национального

меньшинства, анекдоты о котором тоже, на наш взгляд, в некоторой степени характеризуют советскую реальность.

Серьезную проблему представлял выбор принципов систематизации советских анекдотов – материала семантически весьма разнородного. Для анекдота в целом издательской практикой было выработано деление на крупные группы: анекдоты об известных людях, о супружеской измене, о евреях и проч., не вполне применимое для научной работы с материалом. Составителями сборников политических анекдотов традиционно использовались хронологический (Н. Соколова, Е. Андреевич) или тематический (С. Тиктин и Д. Штурман) принципы. Собрания, построенные по этим принципам, в ряде случаев очень уязвимы для критики. Устная традиция вариативна – часто версии одного анекдота могут иметь отношение к разным тематическим группам и временным отрезкам; кроме того, точная хронологическая датировка появления или актуализации сюжета не всегда возможна в силу фрагментарности наших представлений о традиции советского анекдота. Неоднозначность и вариативность анекдота вынуждает нас к комбинированию разных принципов систематизации. За основу было взято деление материала по тематическому принципу, но внутри 65 выделенных нами тематических группы мы старались придерживаться хронологической последовательности фиксации текстов; однако в силу наличия в нашей базе текстов недатированных или датированных очень приблизительно принцип этот выдерживался не строго. Предложенное нами деление на тематические группы довольно условно и уязвимо для критики, его недостатки должны быть отчасти восполнены находящимися в конце книги предметным и именовым указателями.

Основной единицей собрания является сюжет анекдота. Необходимо понимать, что каждая конкретная запись политического анекдота представляет собой лишь один из его равноправных вариантов. Анекдот вариативен, и текст его, сложившийся в процессе живого бытования в устной или письменной традиции, должен значительно отличаться в разных записях. Соответственно, под сюжетом анекдота мы имеем в виду инвариантную схему, то есть совокупность узловых моментов всех или почти всех имеющихся в нашем распоряжении записей анекдота. В резюме сюжета, открывающем каждую статью Указателя, мы апеллируем к наиболее часто встречающимся по нашим источникам вариантам анекдота. В резюме могут быть вынесены несколько равноправных вариантов сюжета, разделенные косой чертой. В случае, если разница между записями не столь велика, варьирующиеся моменты сюжета даются в скобках и отделяются друг от друга косыми чертами. В случае если анекдот доступен нам лишь в одной записи, до гипотетического выявления второй и последующих записей этот текст мы условно считаем содержащим все узловые сюжетные моменты анекдота.

Разные варианты одного сюжета могут, в случае его неоднократной актуализации, относиться к разным историческим периодам и, более того, к разным тематическим группам. Мы старались отразить все вариации сюжета в рамках одного резюме – в большинстве случаев вариации ограничиваются заменой действующих лиц или обстоятельств действия, однако случается и так, что одна сюжетная модель используется в анекдотах на принципиально разные темы, и в таких случаях нам пришлось разнести варианты одного сюжета по разным тематическим группам. В таких случаях каждый из его вариантов получал собственное резюме и комбинированный порядковый номер. Возьмем в качестве примера сюжет № 258/1186/4674 – приведенные под номером 258 тексты строятся на стереотипном восприятии советской власти как власти воровской, запись под номером 4674 рассказывает о роли В. Молотова в разделе Польши, а вариант 1186 – про страсть Брежнева к дорогим игрушкам.

Некоторые сюжеты образуют контаминации – так, к примеру, сюжеты об ассортименте промышленного производства в годы подготовки к празднованию столетия со дня рождения В.И. Ленина (№№ 565—581) или сюжеты о том, что успел или не успел сделать за годы своего правления Н.С. Хрущев (№№ 1030—1039 и проч.) в значительном количестве случаев озвучивались и фиксировались не по одному, а списком – нам встречались записи до двенадцати

сюжетов, объединенных в один текст. Подобного рода контаминации мы при внесении в Указатель разбивали на составные части, каждую из которых оформляли как отдельный сюжет, при этом в одной из сюжетных статей приводя целиком фиксацию, в которой они представлены как один анекдот. Так мы поступали и с сюжетами, которые по нашим источникам фиксируются только как устойчивые контаминации, но имеют шансы и к самостоятельному хождению. Исключение было сделано для нескольких анекдотов-перечислений – например для анекдота про репертуар советских театров (№ 1985), все пункты которого хоть и сильно варьируются от записи к записи, но строятся по однотипной модели.

Мы старались повторять в резюме сюжета его вопросно-ответную структуру, однако сделали исключение для ряда анекдотов об «Армянском радио» и анекдотов-дезаббревиаций. В первом случае – если резюме получалось чересчур громоздким, мы вопрос и ответ переделывали в утверждение. Анекдотические незаббревиации часто начинаются с вопросов «Как расшифровывается ...?» или «Что значит ...?» – эти конструкции убирались из резюме, которое для подобного рода анекдотов представляет собой набранное заглавными буквами понятие и его анекдотическую «расшифровку». Резюме сюжета, хотя бы одна запись которого оформлена как вопрос и ответ Армянского радио, открывается сокращением «А/р». При этом необходимо понимать, что вопросно-ответная структура переходна – в другой записи тот же самый пуант может быть обрамлен совершенно другим текстом.

В издании воспроизводятся не все имеющиеся в нашем распоряжении записи конкретных сюжетов – часть записей, представляющих собой близкие прочим фиксациям варианты анекдота, представлена только шифром. Если резюме сюжета включает в себя все его узловыые моменты и не очень перегружено вариантами, приводимыми в скобках, мы указываем под ним только шифры записей. Сюжеты с большим количеством фиксаций представлены в Указателе некоторыми характерными записями. Если сюжетная модель анекдота использовалась в авторском тексте – цирковой репризе, фельетоне, подписи к карикатуре – мы старались целиком приводить его в Указателе для иллюстрации взаимодействия подцензурной сатиры и устной традиции. Если одна из записей анекдота сильно отличается от прочих и очевидно представляет собой следствие осознанного изменения сюжета фиксатором, мы также приводили ее целиком.

Под каждым публикуемым текстом имеется шифр с информацией о виде источника, содержащего данный текст, его датировке и языке воспроизведения, а также отсылку к источнику в списке литературы.

Открывает шифр двухбуквенная аббревиатура вида источника:

ДД	Делопроизводственная документация
ДН	Дневник
СБ	Сборник
ММ	Мемуары
ПР	Пресса
ЗФ	Записи фольклористов
ХЛ	Художественная литература
ЭН	Эстрадные номера
ВМ	Видеоматериалы

За ней через двоеточие следует датировка – «жесткая» (к примеру, дата дневниковой статьи, доноса, день утверждения эстрадной репризы политическим редактором и проч.) или

предположительная (в случае если составитель сборника пытался датировать сюжеты самостоятельно; в случае мемуарной записи) – последняя помечена астериском. Если в тексте источника не содержалось информации, могущей позволить датировать запись анекдота, мы ставили в шифре «н.д.». В этих случаях необходимо обращать внимание на время издания источника – зачастую это единственный надежный способ выставить верхнюю границу возникновения или актуализации сюжета.

Тексты на иностранных языках (119 на английском, 56 на иврите, 855 на украинском, 2 на польском) переведены на русский язык, язык цитируемой публикации помечен в шифре записи (англ., ивр., укр., польск.). Тексты, опубликованные по дореформенным правилам русского языка, приведены в соответствие с современными правилами орфографии и помечены в шифре (ст. орф.).

Большая часть текстов собрания откорректирована по современным правилам пунктуации и орфографии, прямая речь в диалогах унифицирована – она дается в строку, без абзацев, реплики заключены в кавычки. В текстах из впервые публикуемых документов видов ДН, ЗФ, ДД и ЭН авторская орфография, косвенно помогающая составить представление о социальном положении фиксатора, сохранена. Имеющие смысловую нагрузку текстологические особенности документов описываются в подстрочных примечаниях. В ряде случаев кроме текста анекдота приводятся обрамляющие запись строки, в которых есть информация об обстоятельствах его воспроизведения или фиксации.

На начальном этапе работы над нашим собранием мы были вынуждены исключить по формальному признаку значительное число записей. В части сборников дословно или близко к тексту воспроизводятся тексты из предшествующих изданий. В таких случаях мы оставляли текст анекдота из хронологически самого раннего сборника, помечая его через знак «=» несколькими шифрами, например: ПР: 02.1925 (ст. орф.) [СА 1925: 55] = СБ: (ст. орф.) [СА 1927: 13] = СБ: (ст. орф.) [КС 1928: 86], что означает, что текст впервые был опубликован в эмигрантском журнале «Воля России» в 1925 году и позже, без серьезных изменений, воспроизведен в нескольких изданных в Риге С. Карачевцевым сборниках. Так мы поступили с записями из эмигрантских и советских сборников анекдотов, генетические связи между которыми легко установить с помощью текстологического анализа. В случае, если анекдот был зафиксирован в собрании Н.В. Соколовой, представленном источниками разных видов и несколькими редакциями подготовленного ею к печати сборника, мы брали наиболее пригодный к воспроизведению текст и за его шифром через знак «=» приводили шифры прочих записей данного анекдота в ее собрании. Всего в Указатель внесено 747 шифров подобных повторов, которые не учитывались ни в каких статистических подсчетах.

При работе над данным собранием выявлено и обработано 9608 фиксации советских анекдотов. На основе данного материала нами выделено 5450 сюжетов, представленных от одной до пятнадцати записей. Поскольку варианты некоторых сюжетов относятся к разным тематическим группам, 3 сюжета получили четырехчастную нумерацию, 20 – трехчастную и 160 – двухчастную. При том, что все эти тексты являются записями одного сюжета с составным номером, во всех статистических подсчетах они фигурируют как самостоятельные сюжеты, и общее число сюжетных статей в Указателе – 5852.

Многие собиратели устной традиции, материалы которых использовались при работе над данным Указателем, преследовали цели, весьма далекие от тех, которые стоят перед профессиональным фольклористом. Это стало причиной попадания в Указатель не только сильно искаженных вариантов реально существующих сюжетов, но и целиком сфальсифицированных текстов. Только часть источников, легших в основу Указателя, может считаться достоверной с позиций адекватности передачи текстов устной традиции – в первую очередь это материалы из дневников, делопроизводственной документации и записи фольклористов. Тексты из прочих источников не могут считаться достоверными по умолчанию. Необходимость отфильтровывать

авторские сюжеты, не имевшие устного хождения, но попавшие в тот или иной источник по прихоти составителя – для увеличения объема сборника анекдотов или объема содержащейся в нем ненависти к советской власти, – ставит исследователей перед необходимостью обозначить критерии, могущие позволить констатировать вероятное устное распространение текста. Таким критерием для сомнительных групп источников может стать наличие двух независимых записей одного и того же анекдота. В определенные периоды советской истории вероятность быть зафиксированным у политического анекдота была не очень велика, и наличие двух и более независимых записей – надежный показатель устного происхождения и распространенности анекдота. Вместе с тем решение вопроса об устном хождении того или иного сюжета исходя из соответствия его записей одному формальному признаку представляется не очень конструктивным – в источниковой базе Указателя слишком велика доля анекдотов из сборников, чтобы относить все зафиксированные в них сюжеты, не нашедшие подтверждений в виде дублирующей записи, в разряд вероятно не имевших устного распространения. К тому же источниковедческая картина постсоветского анекдотопечатания слишком запутана – две отличающиеся записи одного сюжета из будто бы не связанных поздних сборников на деле могут иметь тесную связь, неочевидную из-за серьезной литературной обработки одной из записей. Поэтому решение о признании сюжета, имеющего единственную запись, достоверным или возможно не имевшим устного хождения должно приниматься исходя из анализа мотиваций автора источника. Можно выделить три собирательские мотивации, наличие хотя бы одной из которых серьезным образом сказывается на качестве фиксации устной традиции:

- идеологическая ангажированность;
- авторские амбиции;
- преследование коммерческих целей.

Так, к разряду сомнительных сразу необходимо отнести все источники, создатели которых ориентировались на коммерческий успех, – сборники, издаваемые в Риге эмигрантскими издательствами в 1920-е годы, и почти все вышедшие в современной России коллекции анекдотов очень схожи в своих недостатках: их составители, в борьбе за количество текстов, активно заимствовали материалы из всех доступных источников и выдавали сомнительного качества шутки за аутентичный советский фольклор, поэтому правило наличия независимой фиксации должно быть применено ко всем без исключения материалам, взятым из этих источников.

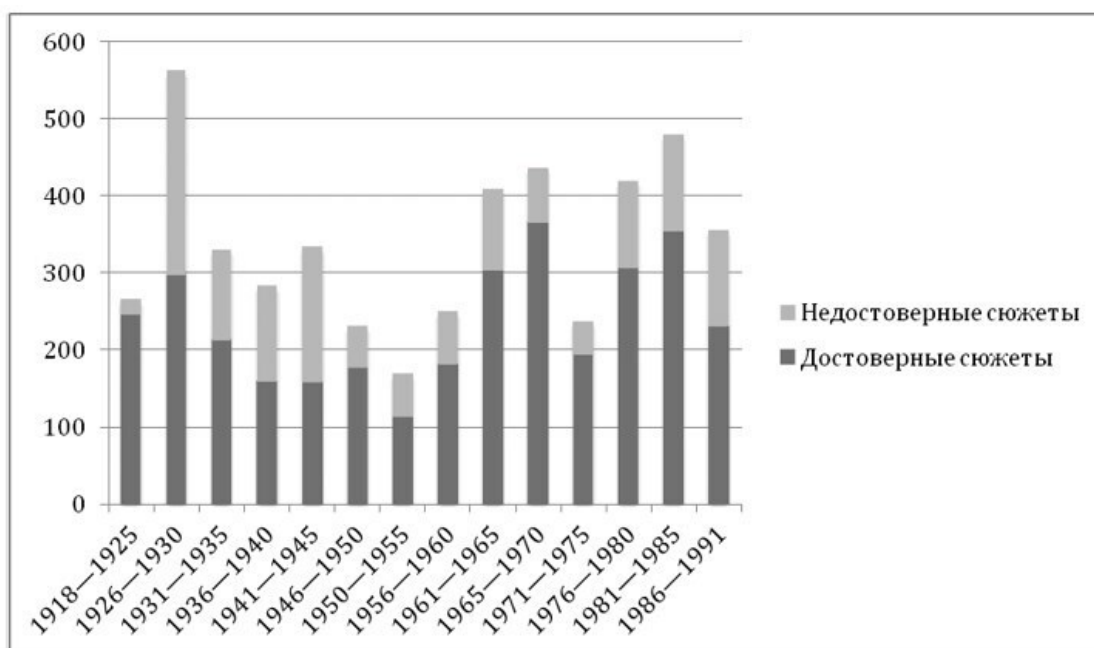
Несколько менее опасна идеологическая ангажированность собирателя – в большинстве случаев она чревата лишь появлением сильно искаженных записей реальных сюжетов, однако все непунтированные или подозрительно громоздкие тексты из эмигрантских сборников, составители которых вероятно имели коллаборационистское прошлое, также помечены как сомнительные.

Однако этих недостатков совершенно лишен крупнейший, выдержавший несколько переизданий эмигрантский сборник «Советский Союз в зеркале политического анекдота» [ШТ 1986]. Записи анекдотов С. Тиктина и Д. Штурман, вошедшие в Указатель, помечены как достоверные, несмотря на принадлежность к виду «СБ». Единственным недостатком собрания Штурман и Тиктина является то, что начало работы над ним относится к пятидесятым годам, что позволяет со значительной степенью доверия принимать датировку только тех записей, которые составители относят к периоду с пятидесятых по восьмидесятые годы; датировки записей довоенной традиции в ряде случаев корректируются прочими источниками.

В результате проведенного анализа 2035 из общего числа сюжетов помечены как вероятно не имевшие устного хождения – их можно узнать по астериску, предваряющему порядковый номер сюжета. В большинстве своем данные тексты строятся по вполне фольклорным моделям, и существует вероятность того, что в процессе выявления новых записей обнаружатся дублирующие тексты, которые позволят нам констатировать устное хождение сюжета. Остальные 3817 сюжетов зафиксированы в источниках с высоким уровнем достоверности или

же их принадлежность к устной традиции подтверждается несколькими фиксациями в независимых источниках.

Проанализировав каждый из выделенных сюжетов, мы по самой ранней фиксации или по датировке, выставленной автором источника, сумели выявить приблизительное время появления или актуализации для 4755 сюжетов. Для удобства представления данных о хронологии развития сюжетного фонда мы распределили сюжеты на 14 отрезков примерно по пять лет. Эти хронологически периоды не равны – мы вынуждены были использовать в качестве «пятилеток» большие временные отрезки (1918—1925 и 1985—1991 года). Условность этого деления может быть оправдана общим уровнем условности хронологической локализации значительной части материала, точность датировки которого колеблется от одного дня до промежутка в несколько лет, что не позволяет использовать более конкретную шкалу. Картина хронологического развития сюжетного фонда получилась такой (см. график).

Необходимо понимать, что график этот в значительной мере условен и отражает не только реальное развитие традиции, но и активность людей, ее фиксирующих. Указатель состоит из анекдотов, взятых из письменных источников разной степени достоверности и качества передачи текста, причем некоторые периоды советской истории почти не оставили по себе аутентичных фиксаций анекдотов и традиция, к примеру, второй половины тридцатых, семидесятых и первой половины восьмидесятых в значительной степени восстановлена по источникам позднейшего происхождения. При введении в научный оборот новых данных есть вероятность, что картина распределения сюжетов по временным отрезкам изменится, поэтому думается, что попытки делать выводы о количественных пиках и спадах рождения новых сюжетов исходя из информации, представленной диаграммой, могут иметь спекулятивный характер. В то же время график наглядно показывает некоторые особенности источниковой базы Указателя – так, легко объяснимо большое количество сюжетов, вероятно не имевших устного хождения, датированных второй половиной двадцатых и первой половиной сороковых годов. Первый пиковый период совпадает со временем активности С. Карачевцева и И. Руденкова, труды которых породили ветку рижских сборников, полнящихся текстами вероятно авторских реприз, выдаваемых за народное творчество. Второй пиковый период приходится на время использования моделей устной традиции сотрудниками военных издательств, давшее множе-

ство сомнительных сюжетов о немцах и их союзниках. Сомнительные сюжеты из множества сборников анекдотов, увидевших свет в девяностые годы, чаще всего не были датированы и поэтому в данном графике отражения не получили – недатированных сюжетов в Указатель попало 1097, причем более половины из них возможно не имело устного хождения (595).

Вся статистическая информация о данном Указателе содержится в приведенной ниже таблице.

	1918— 1925	1926— 1930	1931— 1935	1936— 1940	1941— 1945	1946— 1950	1950— 1955	1956— 1960	1961— 1965	1965— 1970	1971— 1975	1976— 1980	1981— 1985	1986— 1991	н.д.	Всего
Общее количество сюжетов	265	562	330	282	334	230	168	249	408	437	237	419	479	355	1097	5852
Сюжеты достоверные	246	299	214	160	159	178	115	182	307	367	194	306	356	232	502	3817
Сюжеты недостоверные	19	263	116	122	175	52	53	67	101	70	43	113	123	123	595	2035
Всего фиксаций	649	1080	678	578	430	376	276	430	708	747	427	725	706	488	1310	9608
Сборники	219	667	375	447	319	287	246	412	694	740	424	723	706	474	1286	8019
Пресса	62	25	21	25	5	6	16									160
Дневники	202	129	27	7	42	20	3	10		1						441
Записи фольклористов	84	127	155	37	30	4	2	2	13	5	2	1		14	11	487
Делопроизводственная документация	5	14	31	4		1	3	3								61
Эстрадные номера	41	71	6	13	2	7	1									141
Мемуары	26	32	48	37	25	49	5	3	1	1	1				5	233
Художественная литература	10	15	15	8	6	2	0					1			7	64
Видеоматериалы					1										1	2

Указатель записей советских анекдотов

Революция и Гражданская война

1. Вещь, пролежавшая триста лет на правом боку, может пролежать триста лет и на левом.

1А. Осенью 1917 года разразилась большевистская революция в России, и многие пророчили, что ее дни не продлятся долго. Бездельники шутили – чтоб не присоединялся к ним никто, кроме грешников и злодеев – что не сегодня завтра придет ей конец. Отвечал Гилель Златопольский и сказал: «Ошибаетесь вы, господа. Также как какая-нибудь вещь может пролежать триста лет на правом боку¹⁸², так же она может пролежать триста лет и на левом...»

ЗФ: *1917 (ивр.) [ДА 1935—1938 (1991): 214 (№ 2787)]

2. Новый армянский анекдот: «Старый режим, новый режим, усех рэжим... (/ шашлык делать будем)».

2А. Приходят в голову новые «армянские»¹⁸³ анекдоты: «Старый режим, новый режим, – усех рэжим».

ДН: 01.08.1918 [ОН 1997(1): 206]

2В. Украинец, бежавший от преследования на Кавказ, спросил местного грузина: «Какой тебе больше нравится, старый или новый режим?». Грузин посмотрел на украинца пронзительным взглядом, а потом ответил на ломаном русском языке: «Старый режем, новый режем, шашлык делать будем...».

СБ: н.д. (укр.) [СГ 1956: 44]

3. Присланный крестьянами в губернский Совет «ренегат» с трудом избегает наказания.

3А. К этому же периоду относится история про белого офицера, убегающего от красных. Он попал в отдаленную сибирскую деревню и, поняв, что местное население симпатизирует Советам, выдал себя за комиссара. Офицер рассказал крестьянам, что согласно новому декрету, подписанному Лениным, каждая деревня должна быть представлена в губернском Совете специально выбранным «ренегатом». Незнакомое слово показалось крестьянам очень внушительным званием. На новую должность выбрали самого уважаемого члена общины, еще двоих снарядили сопровождать его в столицу губернии. Когда они достигли города после нескольких дней путешествия, крестьяне отыскали руководителя местного Совета и объяснили ему, что привели своего «ренегата». После понадобилось много дополнительных объяснений, чтобы спасти избранника от сурового наказания.

ЗФ: *1917—1921 (англ.) [TD 1942: 48—49]

4. Благоразумный патриот: «Ура! Наши взяли город!» – «Кого ты называешь нашими?» – «Тех, кто взял город».

4А. ЗФ: *1918—1921 (англ.) [LE 1935: 262]

¹⁸² Имеется в виду более чем трехсотлетнее правление династии Романовых (1613—1917), последним царствующим членом которой был Николай Второй.

¹⁸³ Популярный с конца XIX века тип анекдота вопросно-ответной структуры, абсурдистская загадка. К этому типу восходят популярные в послевоенное время анекдоты об армянском радио. Подробнее см.: *Kalbouss G.* On «Armenian Riddles» and Their Offspring «Radio Erevan» // *Slavic and East European Journal.* 1977. Vol. 27. № 3. P. 447—449; *Draitser E.* Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia. Detroit: Wayne State University Press, 1998.

5. Дети криком «Казачи!» испугали роту красноармейцев.

5А. Анекдот: дети играли в красных и белых, красные вскочили на забор, крикнули: «Казачи!» – и целая рота настоящих красных солдат бросила ружья и бросилась бежать в разные стороны.

ДН: 28.09.1919 [ПМ 2008: 394]

6. Человека, поздравившего другого «с наступающим», хотят отвести в ЧК.

6А. Накануне Пасхи двое встречных разговаривают, и один, прощаясь, говорит другому: «С наступающим!...» Шпик: «Пожалуйста в чрезвычайку^{184!}» – «?!?!» – «Знаю, о ком¹⁸⁵ говорите! Пожалуйте!»

ДН: 27.04.1919 (ст. орф.) [МН 1915—1933(3): 107]

7. Клоун сидит на сцене и вместе со зрителями ждет Колчака.

7А. Слышал следующий рассказ: в Петербурге, в цирке (или где-то там), клоун вышел и сел; просидел молча долгое время; к нему подходит другой с вопросом, зачем сидит; тот ответил: «Жду Колчака, и все они, т.е. публика, ждут». Говорят, его арестовали.

ДН: 24.05.1919 [ОА 2011: 209]

8. «Как дела на юге?» – «Пук! Поляки У Киева»¹⁸⁶.

8А. ДН: 30.09.1920 [МН 1915—1933(5): 37об.]

9/5337. Человек, несколько раз избитый за неправильный ответ на вопрос о политической принадлежности: «Бейте сразу, все равно не угадаю!».

9А. В период освободительной борьбы на Правобережье¹⁸⁷ очень часто менялись политические режимы. Один раз, когда отступили войска УНР¹⁸⁸ и пришла деникинская армия, ее бойцы стали приставать к еврею: «Ты за какую власть?». Испуганный еврей еще не знал, что войска УНР уже отступили, и выпалил: «Я за Петлюру!» – «А-а, раз так, снимай штаны. Всыпать двадцать пять! Надо говорить: “Я за Единую и неделимую”». Потом деникинцы отступили, и ворвались в городок махновцы. Снова придрались к еврею: «Ты за кого?» – «Я?.. За “Единую и неделимую”!» – «Ага, за золотопогонников? Снимай штаны!.. Надо говорить: “Я за батьку Махно!”» Отступили махновцы, пришли красные. Снова к еврею: «Ты за кого?» – «Я за батьку Махно!» – «Ага, за бандита Махно? Снимай штаны!.. Надо бороться только за советскую власть». Отступили и красные, и в городок снова пришли войска УНР. Солдаты – к еврею: «Ну, за кого ты?». Жид молча снял штаны: «Бейте, только не спрашивайте!»

СБ: н.д. (укр.) [ШО 194?: 26] = (укр.) [СГ 1956: 23—24] **9В.** СБ: н.д. (ст. орф.) [КС 192? (1978): 95] **9С.** СБ: н.д. [ЛК *1991: без н.с.]

10. Пришедший ночью к горничной человек оказывается командующим силами Красной армии.

¹⁸⁴ Одно из народных названий ЧК (ВЧК) – Всероссийской чрезвычайной комиссии при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем – чрезвычайного органа, отвечающего за обеспечение государственной безопасности.

¹⁸⁵ Анекдот зафиксирован в момент наступления Колчака на Урале.

¹⁸⁶ Анекдот зафиксирован вскоре после катастрофического поражения советских войск под Варшавой в ходе Советско-польской войны 1919—1921 годов.

¹⁸⁷ Имеется в виду правобережная Украина.

¹⁸⁸ УНР (Украинская Народная Республика) – государственное образование, возникшее в результате революции 1917 года на территории украинских земель бывшей Российской империи.

10А. История, во время Гражданской войны обошедшая все противоборствующие лагеря, рассказывает о некоем омском профессоре, который был разбужен однажды ночью сильным стуком в дверь. «Кто там?» – спросил он испуганно. «Главнокомандующий Северо-восточными силами Красной армии» – последовал громоподобный ответ. Гораздо более робко профессор спрашивает: «Ч-чем я м-могу помочь?» – «Скажите мне, – ответил командующий, – а Дуся дома?» (Дусей была горничная профессора).

ЗФ: *1917—1921 (англ.) [ТД 1942: 48]

***11. Старушка пытается войти в Кремль. «Мандат есть?» – «Манда-то есть, да такая старенькая, что смотреть без слез нельзя».**

*11А. СБ: *1920-е [СН 2000—2002: без н.с.]

***12. «Дурень» оказывается украинским послом при Российской республике** ¹⁸⁹.

*12А. На Невском в дни революции: «Ба! Зазуленко! Ты дурень, зачем в Питер? Кавунами¹⁹⁰ торговать?» – «Та на ж папочку! Хиба ж вы не бачили в газете, що я назначен украинским послом при российской республике».

СБ: н.д. (ст. орф.) [КС 1929: 143—144]

***13. Матрос, посаженный руководить банком, сделал вексель недействительным, написав его.**

*13А. Гражданская война. Город в руках красных. Матрос посажен заправлять банком. Пишет на обороте векселя: «Что эта за вексель такая?». А писать на векселе ничего нельзя, это делает его недействительным. Матрос получает вексель обратно, под его строкой появилась новая: «Эта уже не вексель».

СБ: *1928 [СН 2000—2002: без н.с.]

14. «Бьетса в тесной печурке Лазо...» ¹⁹¹

14А. СБ: н.д. [ШТ 1987: 469]

***15. Разговор детей: «Моего деда взяли в заложники и так шлепнули, что он не вернулся домой».**

*15А. Разговор детей: «Маленьких шлепают. Взрослых нет». – «А моего деда когда-то забрали красные в заложники. И шлепнули». – «Один раз?» – «С него хватило. Не вернулся домой».

СБ: *1928 [СН 2000—2002: без н.с.]

***16. «И чего это, Иван Степанович, до сих пор не переименуют белые ночи?»**

*16А. СБ: н.д. [СА 1927: 53] = (ст. орф.) [КС 1928: 103]

17. Ребенок, увидев матроса (/человека в белом): «А почему белого до сих пор не расстреляли?»

17А. Мать прогуливается с ребенком в парке. Навстречу идет человек в белом. Ребенок спрашивает: «Мама, это белый?» – «Да». – «А почему же его до сих пор не расстреляли?»

¹⁸⁹ В данном сюжете речь идет о периоде между образованием Российской республики и Октябрьской революцией (сентябрь – октябрь 1917 года, хотя фактически Российская республика существовала с Февральской революцией). Временное правительство не признало отделения Украинской Народной Республики и, соответственно, послами с УНР не обменивалось.

¹⁹⁰ Арбузами (*укр.*).

¹⁹¹ Пародия на популярную песню военного времени «Землянка», начинающуюся строкой: «Вьетса в тесной печурке огонь». См. *Лазо С.Г.* в указателе имен.

СБ: н.д. (укр.) [ШО 194?: 34] = [АА 194?: 25] = *1917—1920 [АЕ 1951: 27] = (укр.) [СЮ 1964 (1992): 78] **17В.** СБ: н.д. (укр.) [СГ 1956: 50]

Военный коммунизм и новая экономическая политика

***18. «Тук-тук-тук». – «Кто там?» – «Продразверстка». – «Так-так-так», – отвечает пулемет** ¹⁹².

***18А.** СБ: н.д. [ЛК *1991: без н.с.]

19. «Что такое Россия?» – «Товарищество на пайках» ¹⁹³.

19А. ДН: 06.07.1920 [МН 1915—1933(5): 19об.] **19В.** ЭН: 10.09.1926—21.09.1926 [АМ 1926: 45]

20. «Что такое национализация торговли?» – «Такое положение дел, когда вся нация занимается торговлей (/когда еврейская нация может свободно торговать)».

20А. ДН: 23.11.1920 [МН 1915—1933(6): 17] **20В—2607А.** ЭН: 10.09.1926—21.09.1926 [АМ 1926: 45]

21. В Москве арестованы все равнины, так как не сдали в Главкожу обрезков.

21А. ДН: 19.06.1921 [МН 1915—1933(8): 11]

22. «Паровоз меняют...» – «На что?» (/«На другой паровоз!» – «Тогда это не Одесса!»)

22А. Поезд с мешочниками¹⁹⁴ остановился ночью по неизвестной причине. Из теплушки высовывается голова: «Что случилось?». Голос из темноты: «Паровоз меняют». – «На что? На соль?»

ПР: н.д. (ст. орф.) [СА 1925: 51] = СБ: [СА 1927: 46—47] = СБ: (ст. орф.) [КС 1928: 106]

22В. Ночью на железнодорожной станции Одесса останавливается пассажирский поезд. Открывается одно окошко: «Это что за станция?» – «Одесса». – «А почему так долго стоим?» – «Паровоз меняют». – «На что меняют?» – «Как на что? На паровоз!» – «Тогда это не Одесса!»

СБ: н.д. [ДМ 1991: 301] **22С.** ПР: 04.1925 [СМ 1925(11): 7] **22Д.** ЗФ: 1921 [ЗЕ 2001: 48] **22Е.** ЭН: 10.09.1926—21.09.1926 [АМ 1926: 16 об.] **22F.** ДН: 1921 [ЧК 2003(1): 194] **22G.** ЗФ: 01.09.1922 (ст. орф.) [ШВ 1922: 61] **22H.** ЗФ: 1934 [СН 1924—1937: № 369] **22I.** ЭН: 10.1937 [СС 1937—1941: 24]

23/4402. «Вы меняете носки?» – «Только на сахар».

23А. Период Гражданской войны. Поезд, теплушка¹⁹⁵, набитая пассажирами. Один пассажир развесил вонючие носки. Другой пассажир его деликатно спрашивает: «Скажите, гражданин, вы меняете носки?» – «Только на сахар».

СБ: *1926 [СН 2000—2002: без н.с.] = ЗФ: 1934 [СН 1924—1937: № 323]

24. Крестьянин говорит, что везет овес так, чтоб лошади не услышали.

¹⁹² Если предположить, что данный сюжет цитирует строки из песни В. Дыховичного «Два Максима» – «“Так, так, так!” – говорит пулеметчик. / “Так, так, так!” – говорит пулемет», то появиться он мог не раньше времени ее создания – 1941 года.

¹⁹³ Паек – продовольствие, выдаваемое по определенной норме на определенный срок. В момент фиксации анекдота в Советской России существовала система карточного распределения продуктов, причем размер пайка зависел от социального происхождения. Анекдот играет на схожести словосочетания «товарищество на пайках» и термина «товарищество на паях», использовавшегося в дореволюционной России для обозначения акционерных обществ.

¹⁹⁴ В связи с нестабильностью государственной власти основной формой товарооборота во время Гражданской войны и военного коммунизма стал бартер. Мешочники – в данный период название мелких спекулянтов, курсирующих между городом и деревней в вагонах товарных поездов.

¹⁹⁵ Товарный вагон, приспособленный для перевозки людей.

24А. Крестьянин везет воз с овсом. В это время его встречает заградительный отряд. «Стой! Чего везешь?» Крестьянин шепотом отвечает: «Овес». – «Я говорю, стой, чего везешь?» – (шепотом) «Овес». – «Почему ты так тихо говоришь?» – «Чтоб лошади не слышали, что овес».

ЭН: *1919—1920 (11.12.1933) [ПН 1933: 15] **24В.** СБ: н.д. [ЕА 1994а: 85]

25/2590. Человек при проверке вместо документов дает справку об анализах («белков нет, сахара нет»), и его отпускают.

25А. Заградительный продовольственный отряд¹⁹⁶ ночью задерживает у заставы обывателя: «Ваши документы?». Обыватель в страхе роется в кармане и из сотни разных документов вынимает первый попавшийся. Красноармеец читает: «“А-на-лиз”... Иностранец? (читает дальше) “Белку нет. Сахару нет”... Проходи».

ПР: н.д. (ст. орф.) [СА 1925: 51—52] = СБ: [СА 1927: 43] = СБ: (ст. орф.) [КС 1928: 81] = СБ: (ст. орф.) [КС 1929: 204]

25В. В поезде контролируют пассажиров. Подходят к молодому человеку довольно помятой наружности: «Документ!». Берет бумагу. Читает: «Ана... анализ мочи... Итальянец будете? А ну, что там еще... Жиров нет... Сахара нет... А, сахарком промышляете... белков нет... и яичками. Это, брат, штука... Гонококи в большом количестве... Открывай чемодан!» Посмотрели... «По-вашему, это гонококи, а по-нашему – старое барахло!...»¹⁹⁷

ММ: н.д. [КИ 2007: без н.с.] **25С.** ПР: 26.03.1927 [ИЛ 1927(13): 2] **25D.** СБ: *1918 [ШТ 1987: 331]

26. После спекуляций с вагоном гвоздей торговцу осталось только повеситься на последнем гвозде.

26А. Купил спекулянт вагон гвоздей. По прошествии некоторого времени он продал этот вагон по двойной цене. С этими деньгами он отправился на завод или в склад и просит отпустить ему два вагона, а там говорят, что на эту сумму можно купить только полвагона. Купил полвагона в расчете заработать. Конечно, заработал, но следующую покупку смог сделать только в четверть вагона. Дальше дело пошло на сотни пудов, потом на десятки, просто пуды, затем на фунты, а кончилось тем, что его деньги дали ему возможность купить только один гвоздь. А дальше его спекулянтская деятельность закончилась, ибо ему осталось на этом гвозде только повеситься.

ДН: 02.04.1922 [ОН 1997(2): 219]

27. Спекулянт обещает другому полторы лошади, имея в виду полтора миллиона рублей.

27А. В другом советском анекдоте два спекулянта из-за боязни Чека уславливаются на будущее время по телефону называть миллионы не лимонами, а лошадьми. «Нужны два миллиона, говори – пришлите две лошади». Вечером происходит разговор: «Пришлите мне, пожалуйста, три лошади». – «У меня нет ни одной лошади». – «Но я не могу жить без лошадей». – «Хорошо, я пришлю вам полторы лошади».

ЗФ: 01.09.1922 (ст. орф.) [ШВ 1922: 62]

28. ТРЕСТ – Троцкий Разрешил Евреям Свободную Торговлю¹⁹⁸.

¹⁹⁶ Продотряд (продовольственный отряд) – в период военного коммунизма вооруженный отряд, участвовавший в продразверстке.

¹⁹⁷ Примечание к записи: «Это я слышал в художественном исполнении артиста Савроматова в Русском доме в Б. Айресе. Даты не помню».

¹⁹⁸ Как справедливо заметил И.Б. Орлов в своей статье «Еврейский предприниматель периода НЭПа как “антисимвол эпохи”», второй мифологемой после «еврей – творец революции» стала презентация НЭПа прежде всего как проявления

28А. ДН: 04.06.1922 [МН 1915—1933(10): 3об.]

29. ЛАРЕК ¹⁹⁹ – Ленин АРендовал Евреям Кооперацию.

29А. ДН: 11.02.1925 (укр.) [ЕС 1997: 196]

30. ЛАРЕК – Лейба Аканчательно Разрушил Евреям Кооперацию.

30А—29А. ДН: 11.02.1925 (укр.) [ЕС 1997: 196]

31. Загадка: «Кругом желток, посреди жидок?». Ответ: «Ларек».

31А. ДН: 14.12.1924 (укр.) [ЕС 1997: 170]

32. Загадка: «По-украински называется, очень поздно закрывается?». Ответ: «Ларек».

32А—31А. ДН: 14.12.1924 (укр.) [ЕС 1997: 170]

33. Деятели монархической эмиграции поздравили Ленина с введением государственного капитализма.

33А. Ленин получил такую телеграмму: «Приветствуем введение государственного капитализма. Снимаем кандидатуру Михаила Романова, выставяем Вашу. Гучков. Рябушинский». ДН: 30.08.1921 [МН 1915—1933(8): 27об.]

34. Человек, решивший, что он петух, был постепенно возвращен к человеческому облику благодаря тому, что ему не запрещали считать себя петухом ²⁰⁰.

34А. Никто не верит больше в идею, но все притворяются, что верят. <...> У богача сын заболел манией петушиной: воображал себя петухом, собирал крошки под столом, ночевал в курятнике, пел, ходил и делал все честь честью по-петушиному. Лечили его, лечили – вылечить не могли. Однажды приехал незнакомец и сказал богачу: «Я вылечу твоего сына». Недоверчиво посмотрели на него родственники больного, однако решили: терять нечего, пусть попробует. Незнакомец приступил тогда к делу. Спустился под стол к мнимому петуху, запел кукареку и вступил с ним в разговор. День прошел, два дня, все смотрят и удивляются – обещал вылечиться, да сам заболел. Как будто с нас не было довольно своего «петуха», примазался еще чужой. На третий день новый петух заявляет старому: «Знаешь что, зачем нам собирать крошки под столом, давай сядем за стол, там и мягче, и удобнее, и лучше кормят». Старый петух согласился, но спросил: «А я все-таки петух?» – «Конечно, – ответил новый. – Разве петухи не сидели бы за столом, их только прогоняют, прогонят нас, и мы уйдем». На четвертый день новый петух советует старому ночевать в кровати в спальне. Опять раздается старый вопрос – а я петух? И опять слышится старый ответ. Так был постепенно излечен больной сын богача. Анекдот намекает на утверждение коммунистов, что они не отказываются от старой программы, а лишь от старой тактики.

ДН: 25.02.1922 [ГЕ 1993: 102—103]

еврейской предприимчивости (Орлов И.Б., Пахомов С.А. «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. М., 2007. С. 126—134). С одной стороны, это безусловно объясняется традиционным представлением о евреях как носителях меркантильного духа, с другой, соответствует вполне очевидным приметам времени – еврейские предприниматели за долгие годы ведения дел в царской России с ее ограничениями для лиц иудейского вероисповедания получили навык работы в стрессовых условиях, что отчасти способствовало их временному экономическому подъему в период НЭПа. Достигнутые ими успехи в условиях обостренного и часто недружелюбного обывательского внимания воспринимались массовым сознанием как один из атрибутов «еврейского засилья» во всех сферах жизни.

¹⁹⁹ Имеются в виду магазины торгового общества «Ларек», отличительной чертой которых были желтые вывески. Магазины «Ларек» работали до полуночи.

²⁰⁰ Анекдот зафиксирован старым большевиком, разочарованным отказом от идей революции и переходом к НЭПу.

35. Консервы из рябчиков «наполам»: один рябчик – один конь.

35А. «Здравствуйте, Литвак, что вы подельваете?» – «О, у нас большое дело, мы готовим соловьиные консервы». – «Не может быть! И делаете большой оборот?» – «Не хуже чем ничего – коробок 200 в день». – «Откуда же вы берете столько соловьев?» – «Мы немножко мешаем». – «Как же вы мешаете?» – «Пололам: один соловей, одна лошадь».

ПР: н.д. (ст. орф.) [СА 1925: 58] = СБ: [СА 1927: 58]

35В. В славные дни «военного коммунизма» в одной столовой общественного питания появилось объявление: «Сегодня мясные пирожки – рябчик наполам с кониной». Какой-то посетитель раскусил пирожок и требует за столовой: «Товарищ заведующий, тут рябчика и духа нет, где же тут “пополам”?!» – «Пололам таки есть: один рябчик, одна лошадь».

СБ: *1917—1920 [АЕ 1951: 27—28]

35С. Заходит на полевую кухню сержант и спрашивает: «Сегодня на обед жаркое из кролика?» – «Да». – «А в какой пропорции?» – «Точно по рецепту. Один к одному. Один кролик – одна лошадь».

СБ: н.д. [ДК 1994: 92] **35D.** СБ: н.д. (ст. орф.) [РИ 1925—26: 11] = (ст. орф.) [КС 192? (1978): 14] **35Е.** ЗФ: 1920—1930-е [АА 2172-3-8: 5] **35F.** СБ: *1926 [СН 2000—2002: без н.с.]

36. Нэпман²⁰¹, выгружающий мебель с подводы: «Еще два стула – и я москвич!».

36А. ПР: н.д. (ст. орф.) [СА 1925: 57]

37. Трест ничего не имеет против Рабиновича, а Рабинович имеет против треста собственный магазин²⁰².

37А. Капиталисты нэпа создались большей частью из воровавших советских чиновников и из лиц, вертевшихся вокруг них. Рабиновича приняли на службу в государственный трест. Трест ничего не имел против Рабиновича; Рабинович ничего не имел против треста. В тресте началась чистка служащих, но Рабинович продолжал служить... Так как трест ничего не имел против Рабиновича, и Рабинович ничего не имел против треста. Наконец, трест лопнул и ликвидировался. Трест по-прежнему ничего не имел против Рабиновича, но Рабинович имел против треста... собственный магазин.

ПР: н.д. (ст. орф.) [СА 1925: 58]

37В. «Скажи мне, пожалуйста, где ты все время пропадаешь?» – «А разве ты не знаешь, я теперь служу в кооперативе и занимаю хороший пост». – «А, вот как, но кем же ты?» – «Я Заведующий, служить очень хорошо». – «Но ведь ты же не знаком с этим делом?» – «Я

²⁰¹ Частный предприниматель периода НЭПа как фольклорный персонаж перенял поведенческие черты, характеризующие в дореволюционном анекдоте евреев, а именно гипертрофированную предприимчивость в сочетании с провинциальной неумностью: совершенно очевидно, что «мешочник» и «спекулянт» (для анекдота Гражданской войны) и «нэпман» – новые личины для старого героя. Велико число фиксаций анекдотических текстов, в которых эти персонажи взаимозаменяемы. Даже если национальная принадлежность нэпмана как героя анекдота открыто не проговаривалась, он имел или еврейское имя, или определенные особенности поведения, характерные для анекдотических евреев. Это безусловно можно попытаться объяснить логикой жанра – механическим обновлением группы популярных анекдотических персонажей, адаптацией их к новым социально-экономическим условиям, однако эти изменения очевидно связаны с рядом стереотипных представлений двадцатых годов.

²⁰² Примечание к записи (укр.) [ШО 194?: 16—17]: «Во времена НЭПа спекулянты часто пролезали в советские государственные тресты, обворовывали их, а затем открывали свои предприятия. Иногда спекулянтам помогали родственники – партийцы, руководящие советскими предприятиями. Тогда такие партийцы становились секретными соучастниками спекулянтской предприятий. Так в Харькове тайным акционером предприятия по поставке канцпринадлежности был привезенный из Москвы Кагановичем его родственник И. Нюрнберг, официально занимающий должность зав. отделом прессы ЦК ПБУ. Особенно много наживались советские торговые представители за границей. Некоторые государства не признавали советской государственной торговли. Тогда ее вели частные лица, а в действительности советские агенты. Они вели операции от своего собственного имени. Набрав миллионы денег, такие люди рвали с советский властью и не хотели возвращаться домой. Для них даже существовало название “невозвращенец”».

скоро ознакомился. Видишь ли, первый месяц было немного трудно, но все-таки ничего служил. Кооператив против меня ничего не имел, а я против кооператива ничего не имел. Служу два месяца, кооператив против меня ничего не имел, а я против кооператива ничего не имел. Служу три месяца, кооператив против меня ничего не имел, но зато я против кооператива имел большой двухэтажный дом»²⁰³.

ЭН: 14.02.1927—20.08.1929 [БВ 1927—1929: 21]

37С. В Берлине в свое время ходил такой анекдот: торгпредство ничего не имеет против Рабиновича. А Рабинович имеет дом против торгпредства.

ММ: 27.06.1954 [РГ 1989: 202] **37D.** ЭН: 02.07.1927 [РР 1927: 8] **37E.** СБ: н.д. (укр.) [ШО 194?: 16—17] = *1921—1925[АЕ 1951: 33—34] **37F.** ЭН: 20.11.1926 [КТ 1926—1928: 9]

***38. Часы с неоконченным заводом нельзя остановить, а завод нэпмана большевики остановили за минуту.**

***38А.** Нэпмана в кафе «Стойло Пегаса» раздражал стук маятника больших часов, которые стояли близко от его столика. Попросил остановить часы. «Не получится. Завод кончится только через шесть часов». – «Что за ерунда. Вот у меня был завод, так они пришли и остановили его в одну минуту».

СБ: *1926 [СН 2000—2002: без н.с.]

39. У Мавзолея Ленина жалуются торговцы. Ленин: «Ну потерпите год, а на следующий я вас всех к себе возьму». / Ленин прислал письмо: «Милые детки! К концу пятилетки приходите все ко мне».

39А. ЗФ: 1920—1930-е [АА 2172-3-8: 1] **39В.** ДН: 24.06.1930 [ЛН 2010: 363]

40. На вопрос о состоянии больного отвечают, что состояние у него было, пока не пришли большевики. / Раньше у человека было миллионное состояние, сейчас – лихорадочное.

40А. «У вас, говорят, дядя Миша заболел? Как его состояние?» – «Состояние у него было, пока не пришли большевики. Теперь у него СОС-стояние – стоит на балконе и кричит: “СОС!”. Авось услышит дядя Гриша в Америке и вытащит отсюда».

СБ: *1926 [СН 2000—2002: без н.с.]

40В. «Мишель, откуда ты?» – «С западной Украины». – «<...> – «Ну а что ты там делал?» – «Я выступал с бригадой цирковых артистов». – «Где?» – «В имении одного помещика». – «В имении одного помещика. О... это был наверно очень богатый человек?» – «Да... при польских панах он имел мильонное состояние». – «Мильонное состояние. А какое состояние он имеет сейчас?» – «Сейчас... лихорадочное».

ЭН: 22.10.1939 [АББКА 1939: 15] **40С.** ЭН: 15.04.1937 [ЛГ 1936—1941: 53] **40D.** ЭН: 27.04.1937 [ГД 1937—1939: 25]

***41. Коммерсант в ЧК: «Какой вам приход, если меня выведут в расход?»** ²⁰⁴.

***41А.** СБ: *1926 [СН 2000—2002: без н.с.]

***42. Посаженный в тюрьму нэпман хочет ездить по стране и заниматься сбытом продукции, производимой в тюремных мастерских.**

²⁰³ Данный текст был вычеркнут из сатирической репризы политическим редактором.

²⁰⁴ «Вписать в расход» или «вывести в расход» – выражение, применявшееся в белых войсках для обозначения убийства и ставшее после революции чрезвычайно популярным (Карцевский С.И. Язык, война, революция. Часть III // Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. М., 2001. С. 227).

***42А.** Оборотистого нэпмана посадили в тюрьму. Ему говорят: «Не беспокойтесь, у нас хорошо поставлено трудовое воспитание. Столярная мастерская, механическая, пошивочная. Для всех найдется дело». Подумал. «Я хотел бы ездить по стране и сбывать вашу готовую продукцию. Гарантирую высокую прибыль. Не возражаете, гражданин начальник?»

СБ: *1927 [СН 2000—2002: без н.с.]

***43.** В случае ссылки в Нарым нэпман готовится повернуться «лицом к деревне» и заняться скупкой пушнины.

***43А.** В тюрьме ГПУ НЭПманы беседуют: «Рабинович, а что вы будете делать, если вас сошлют в Нарым?» – «Поверьте, я и там не пропаду: сначала я повернусь “лицом к деревне” и буду скупать пушнину; потом я повернусь “лицом к городу” и буду эту пушнину продавать».

СБ: *1926—1929 [АЕ 1951: 37]

***44.** Нэпман не хочет сесть ни за пульт, ни за оппозицию, ни за спекуляцию.

***44А.** В кафе «Стойло Пегаса» появился автомат, который автоматически выдавал разные коробки папирос. Стоило только нажать соответствующую кнопку. Нэпмана спросили: «Хотите сесть за пульт? Попробовать? Синяя кнопка – это “Герцеговина флор”, а желтая...» – «Нет уж, спасибо вам! Я не хочу сесть ни за пульт, ни за оппозицию, ни за спекуляцию, хотя, конечно, спекуляция ближе и роднее мне, чем оппозиция, сами понимаете».

СБ: *1926 [СН 2000—2002: без н.с.]

***45.** Конферансье: «Даю занавес!». Нэпман: «Почем аршин?».

***45А.** СБ: н.д. (ст. орф.) [КС 1928: 86]

46. Этика нэпмана – делиться ли найденными в забытом кошельке деньгами с компаньоном?

46А. В нэпманской семье: «Папа, что такое этика?» – «Ну, скажем, был заказчик в моей мастерской по починке примусов. Уходя, обронил кошелек, а в кошельке десять рублей. Вот тут и начинается этика: отдать или не отдать... половину компаньону».

ДН: 15.04.1931 [СН 1925—1985(6): без н.с.] = ЗФ: н.д. [СН 1924—1937: № 42] = СБ: *1926 [СН 2000—2002] **46В.** ЗФ: 1929—1931 [АА 2172-1-110: 165] **46С.** СБ: н.д. [МЮ 1944: 25]

***47.** У нэпманов: «Я застраховал имущество от грозы с шаровой молнией». – «А как ты сумеешь организовать грозу с шаровой молнией?»

***47А.** СБ: *1926 [СН 2000—2002: без н.с.]

РКП(б) – ВКП(б) – КПСС

48. «Лучше бы мой сын подох, чем стал террористом». – «Уже!» ²⁰⁵

48А. У Циперовича умер сын. Отец об этом еще не знал, и предупредить его взялся Кунатовский: «Циперович, что бы вы сказали, если бы ваш сын вдруг сделался коммунистом, получил бы откуда нужно деньги²⁰⁶, накупил на них динамиту, подложил бы его под какое-нибудь важное учреждение и взорвал бы его на воздух?» – «Что бы я сказал? Я бы сказал: лучше бы он подох». – «Уже!»

СБ: н.д. (ст. орф.) [РИ 1925—26: 57] = (ст. орф.) [КС 192? (1978): 84]

49. Еврей-революционер отказывается от беседы с раввином перед казнью, потому что скоро сам встретится с Богом ²⁰⁷.

49А. В камеру еврея-революционера, приговоренного к смерти, является незадолго до казни раввин: «Я пришел к вам, чтобы возвестить вам слово Божие...». Революционер (прерывая его): «Для этого вы мне не нужны – через полчаса я буду лично беседовать с вашим шефом».

СБ: 03.1927 [ОБ 1927: 25]

50. На Красной площади говорит с трибуны еврей. Голос из толпы: «Один жид говорит, а 500 русских ослов слушают» ²⁰⁸.

50А. ДН: 02.05.1919 (ст. орф.) [МН 1915—1933(3): 107об.—108]

51. Моисей отказывается вмешиваться в дела большевиков, потому что евреям хорошо живется в России ²⁰⁹.

51А. Вчера мы с А.И.²¹⁰ довольно интересно беседовали, между прочим, о легендах, бродящих по Москве, характеризующих переживаемое нами лихолетье. Он справедливо заметил, что их надо записывать. Когда по поручению отца²¹¹ он был в прошлом году у патриарха Тихона, то тот, смеясь, рассказывал ему про одну такую легенду. Легенда эта (по мере перехода

²⁰⁵ Ср.: Мойша умер от разрыва сердца во время игры в карты. Надо сообщить его жене, но никто не решается это сделать. Выбор пал на Арона, который был самый спокойный, выдержанный и немногословный. Приходит он к дому покойного, стучит в дверь. «Я от Кацмана». – «Это где мой муженек все время торчит, играя в карты?» – «Да». – «И играет?» – «Да, играет». – «И, наверное, как всегда, проигрывает?» – «Точно, проигрывает». – «Чтоб он сдох, мерзавец!» – «Уже». СБ: н.д. [РИ 2005: 323]

²⁰⁶ Российское революционное движение добывало деньги из разных источников: начиная от экспроприаций и заканчивая добровольными и полудобровольными спонсорскими взносами. Одна из до сих пор дискутируемых исторических проблем – роль немецких субсидий в деятельности партии большевиков (см., например: *Мельгунов С.П.* Золотой немецкий ключ большевиков. Париж, 1940; *Колганов А.И.* Миф о «Немецком золоте» // *Альтернативы*. М., 2006. № 2).

²⁰⁷ Данный сюжет любопытен тем, что обнаружен в сборнике еврейских анекдотов, изданном на территории Советского Союза в двадцатые годы. Составлен он был, скорее всего, по материалам на языке идиш и включал в себя тексты, имеющие хождение в еврейской среде.

²⁰⁸ Приведенные ниже сюжеты базируются на стереотипных представлениях о роли евреев в революции 1917 года. В связи со множеством ограничений, связывавших российское еврейство в годы царской власти, некоторая часть еврейской молодежи, порвав с иудаизмом и традициями предков, ушла в Революцию, став активной и наиболее образованной ее составляющей. После 1917 года в анекдотической традиции в полной мере проявил себя стереотип восприятия власти большевиков как власти еврейской. В определенном смысле мы можем утверждать, что под словом «большевик» в контексте анекдота первых лет советской власти понимался еврей, ушедший в политику. Смерть ряда видных большевиков еврейского происхождения и процессы, вызванные борьбой с оппозицией, воспринимаются как уменьшение «еврейского влияния» на жизнь страны – после 1927 года появление новых сюжетов о большевиках-евреях носило случайный и эпизодический характер и практически прекратилось после высылки Троцкого за границу в 1929 году.

²⁰⁹ Мотивации персонажей частично заимствованы из еврейских анекдотов времен Первой Мировой войны – см., к примеру: [ДА 1935—1938 (1991): 213 (№ 2783)].

²¹⁰ См. в указателе имен: *Яковлев А.И.*

²¹¹ См. в указателе имен: *Яковлев И.Я.*

от одних лиц к другим) меняла свои первоначальные формы и получила много наслоений. Вот в каком виде она мне сообщена Яковлевым: «Когда людям стало уж очень скверно жить на свете от существующих ныне порядков, то представители разных народностей, населяющих Россию, пошли к Богу с жалобой на большевиков. “Я стар уже, – сказал им, выслушав их, Бог, – мне неохота разбираться в этих дрязгах. А вы идите к сыну, Иисусу Христу”. Пошли они к Христу, изложили свое положение. Христос им говорит: “Жаль мне вас... Но что я могу сделать?! Мне нет и 30 лет. Если я опять сойду на землю, если явлюсь к вам, в Россию, то большевики схватят меня, притянут к отбыванию воинской повинности, а при отказе моем запрятут меня в чрезвычайку... Не сойду к вам. Лучше идите к Илье Пророку”... Пошли депутаты (русские, поляки и др.) к Илье. Выслушал их Илья и говорит: “Что же вы хотите, чтобы, когда я спущусь к вам в Россию на огненной колеснице, большевики реквизируют бы у меня моих коней?.. Не пойду к вам. Идите-ка посоветуйтесь с Моисеем”. Идут депутаты к Моисею. Перед ними старый ветхозаветный еврей. Выслушал их Моисей и, задумчиво глядя бороду свою, спрашивает, входят ли в состав делегации его одноплеменники, т.е. евреи? “Нет, – говорят ему, – евреев между нами не имеется”. – “Ну тогда я не буду сходить на землю, вмешиваться в дела большевиков, т.к. если евреи не пришли ко мне с вами жаловаться, то, значит, им хорошо в России живется”. Так ни с чем депутаты вернулись на землю».

ДН: 10.09.1920 [ЖА 2007: 474—476]

52. Посланники Бога, оказавшись в Советском Союзе, посылают на небо телеграммы – Лука: «Я арестован Чека. Апостол Лука», Илья: «Сижу и я. Пророк Илья» и проч.

52А. Когда большевики пришли к власти, в России прервали все связи с царством небесным. Собрался сонм ангелов, и стали они обсуждать – кого послать и кто пойдет разузнать о том, что делается там, в великой России? Встал апостол Лука и сказал: «Я пойду». Прошло два дня, и пришла от него телеграмма: «Я арестован Чека. Апостол Лука». Вновь собрался сонм ангелов, и назначили они Иисуса посланником в большевистское государство. Прошло два дня, и пришла от него телеграмма: «И я там. Иисус сын Марии». Собрался сонм ангелов в третий раз, и послали они Моше. Прошла неделя, и приходит от него телеграмма: «Устроился в хороший комиссариат. Товарищ Петров».

ЗФ: н.д. (ивр.) [ДА 1935—1938 (1991): 224—225 (№ 2821)]

52В. Чтобы как-нибудь повлиять на советский народ и заставить его опомниться, в небесном совете было решено послать в СССР апостола Луку. Через короткий промежуток времени получили в раю от него телеграмму: «Сижу в Чека. Апостол Лука». Выручать Луку отправился Илья. Однако и от него получили телеграмму: «Сижу и я. Пророк Илья». Что делать? Спасать положение вызвался Моисей. И действительно, телеграмма которую от него получили, была бодрой и успокоительной: «Жив и здоров. Нарком Иванов».

СБ: н.д. [МЮ 1944: 41—42] = [АА 194?: 68]

52С. Господь Бог заметил, что в России творится что-то неладное. Послал Иисуса Христа выяснить, в чем дело. Проходит много времени – Иисус не возвращается. Господь посылает ангела разыскать Христа. Ангел возвращается с запиской: «Ведут на допрос. Арестован. Христос». Господь посылает на выручку Илью-пророка. Тот также не возвращается. Посланный ангел снова приносит записку: «Сижу и я. Пророк Илья». Тогда, чтобы распутать все это дело, Господь посылает Моисея. От того скоро приходит телеграмма: «Жив, здоров. Нарком Петров».

СБ: *1917—1920 [АЕ 1951: 28—29]

53. Клоуны, дерущиеся на арене перед тронем, на который забирается еврей: «Мы-то видим, а вот эти дураки [зрители] чего смотрят?».

53А. Передаются из уст в уста остроты популярных клоунов Бима и Бома, которые то портрет Троцкого «повесят», то изображение Ленина «поставят к стенке», то, будто бы, – один в белом, а другой в красном балахонах, заводят борьбу перед тронем, на котором лежат атрибуты царской власти, и в разгаре борьбы не увидят, как некто «в пейзажах»²¹² воссядет уже на трон, а когда им резонер, артист того же цирка, скажет, указывая на занятый трон: «Что вы деретесь попусту, – разве не видите?» – они отвечают: «Мы-то видим, а вот эти дураки чего смотрят?» – и при этом показывают пальцем на гогочущую толпу цирка.

ДН: 17.01.1921 [ОН 1997(2): 104]

54. Еврейские войны, осаждая Иерихон, имели каски, похожие на буденовки ²¹³.

54А. В этом же роде меня просветили на днях, что новые головные военные уборы, имеющие наверху оконечник, вроде клистирной трубки²¹⁴, называются «иерихонками», и при этом уверяют, что еврейские войны имели такие каски, когда осаждали Иерихон.

ДН: 17.01.1921 [ОН 1997(2): 104—105]

55. «Какой самый замечательный памятник на еврейском кладбище ²¹⁵ **в Москве?» – «Минину и Пожарскому** ²¹⁶ ».

55А. ДН: 16.12.1920 [МН 1915—1933(6): 22] **55В.** ДН: 04.01.1921 [ОА 2011: 277] **55С.** ДН: 01.1921 [ОН 1997(2): 111]

56/5569. «Что получится если разделить пополам шесть народных комиссаров?» – «Двенадцать колен израилевых» / «Если за столом сидят шесть советских комиссаров, то что под столом?» – «Двенадцать колен израилевых».

56А. ДН: 27.10.1920 [МН 1915—1933(6): 9] **56В.** ДН: 01.1921 [ОН 1997(2): 111]

57. «Что такое СССР?» – «Три Сруля и один “русский”» ²¹⁷.

57А. ДН: 02.06.1924 (укр.) [ЕС 1997: 129]

58. Девять евреев и один гой – Исполком, девяносто девять евреев и один гой – Совет, ...

²¹² Т.е. еврей – человек с пейзажами (неподстриженными прядями на висках, являющимися непременным атрибутом причёски ортодоксальных евреев).

²¹³ В основу сюжета положена ветхозаветная история о взятии евреями, возглавляемыми Иисусом Навином, хананейского города Иерихон, стоявшего на их пути в Землю обетованную.

²¹⁴ Речь идет об островерхих закрывающих шею шапках с наушниками на пуговицах, бывших в 1919—1941 годах головным убором советских военнослужащих – т. наз. «буденовках» (по имени С.В. Буденного, в годы Гражданской войны командующего Первой конной армией, кавалеристы которой первыми получили новый головной убор) или «богатырках» (из-за стилизации под островерхий шлем древнерусского воина, действительно имевший название «иерихонка»). Заостренная верхушка красноармейского головного убора в народе получила название «умоотвод» [МН 1915—1933(9): 15].

²¹⁵ Под еврейским кладбищем подразумевается мемориальное кладбище у Кремлевской стены, где захоронены останки видных советских деятелей и иностранных коммунистов. Начало складыванию некрополя было положено в ноябре 1917 года и на протяжении 1920-х годов у стены появилось полтора десятка братских захоронений. Центром некрополя в 1924 году стал возведенный по проекту архитектора А.В. Щусева мавзолей Ленина.

²¹⁶ Под памятником имеется в виду бронзовая статуя Минина и Пожарского работы скульптора Ивана Мартоса на Красной площади в Москве. В момент возникновения данного сюжета статуя находилась не у собора Василия Блаженного, а в центре площади, напротив входа в Верхние торговые ряды, лицом к Кремлевской стене. В 1930 году памятник был перенесен на свое нынешнее место в связи с тем, что затруднял проведение на Красной площади парадов и демонстраций, однако этот факт получил ряд альтернативных народных трактовок: «На Красной площади стоял памятник Минину и Пожарскому. Рука Минина была направлена на Кремль. Кто-то написал: “Смотри-ка, князь: Какая мразь / В стенах кремлевских улеглась!” Памятник переставили другим боком... Факт исторический...» [КИ 2007: без н.с.]

²¹⁷ Сруль – одна из форм имени Израиль. Под «русским» скорее всего подразумевается Ленин, однако вполне возможно, что в сюжете речь идет просто о соотношении национальностей – ¼.

58А. «Девять евреев и один гой – что это?» – «Исполком²¹⁸». – «Девяносто девять евреев и один гой – что это?» – «Совет²¹⁹». – «Девятьсот девяносто девять евреев и один гой – что это?» – «Съезд советов». – «Тысяча девятьсот девяносто девять евреев и один гой – что это?» – «Интернационал²²⁰».

ЗФ: н.д. (ивр.) [ДА 1935—1938 (1991): 215 (№ 2793)]

59. В Смольном разразилась холера, потому что «начальство» отравилось некошерной пищей.

59А. Кто-то сказал своему товарищу: «Слышал, что произошло в Смольном²²¹?». Товарищ спросил: «И что же там произошло?». Первый ответил: «Разразилась там холера». Второй удивился: «Холера?». Первый ответил: «Ну да, холера... Все начальство в Смольном испортили себе желудки пищей идолопоклонников²²²...»

ЗФ: н.д. (ивр.) [ДА 1935—1938 (1991): 215—216 (№ 2794)]

60/5608. На съезде нет представителей Африки, потому что ни один еврей не согласился вставить себе в нос кость²²³.

60А. «Отчего на съезде III Интернационала не было ни одного папуаса?» – «Потому что не нашлось ни одного еврея, который бы решился пожертвовать своим носом и продеть в него кольцо».

ДН: 30.09.1920 [МН 1915—1933(5): 37—37об.]

60В. Анекдот (кажется, он уже у меня записан, но он повторяется при каждом появлении в Москве членов интернационала). «Почему нет на съездах Коминтерна ни одного готтентота²²⁴?» – «Потому что ни один еврей не согласился провертеть себе нос и вставить в него кольцо».

ДН: 19.06.1921 [МН 1915—1933(8): 11]

60С. Конгресс Коминтерна. Ожидают представителя от папуасов. Ждали долго, наконец представитель от Китая нетерпеливо замечает (с еврейским акцентом): «Ну чего еще ждать? Ну какой порядочный еврей позволит себе пробить ноздрю костью?.. Это не то, что китайскую косу нацепить».

ДН: 04.01.1924 (укр.) [ЕС 1997: 49]

60D. Большевики устроили в Тифлисе съезд для народов Востока²²⁵. Главным устроителем был Карл Радек. Сказали ему его товарищи: «А где делегат от народов Африки?». Радек ответил: «Товарищи, дни и недели я разыскивал еврея, который бы покрасил в черный цвет лицо и вдел бы кольцо в нос, и не нашел...»

²¹⁸ Сокращение от «исполнительный комитет», местный орган исполнительной власти.

²¹⁹ Избираемый на определенный срок коллегиальный представительный орган публичной власти.

²²⁰ Коминтерн (Коммунистический Интернационал; 1919—1943) – международная организация, объединявшая коммунистические организации разных стран, координационный центр распространения идей революционного интернационального социализма.

²²¹ В здании Смольного института благородных девиц после Революции 1917 года размещался Ленинградский городской Совет депутатов трудящихся и городской комитет ВКП(б)/КПСС.

²²² То есть некошерной едой, не соответствующей требованиям Галахи, Еврейского закона.

²²³ Необходимо отметить, что в Конгрессах Коминтерна, проходивших в Советском Союзе, негры принимали участие с 1922 года – одними из первых были ямайский писатель и поэт Клод Маккей и представитель черных народов колониальной Франции Люнион, фотография которого на троне российских императоров обошла в 1925 году советские и эмигрантские газеты. (См., к примеру: Прожектор. М., 1924. № 13(35) С. 27.)

²²⁴ Готтентоты – этническая общность на юге Африки.

²²⁵ Скорее всего, имеется в виду первый Съезд народов Востока в Баку (1920), председательствовал на котором Г. Зиновьев (при этом Радек активно участвовал в съезде как один из лидеров Коммунистического Интернационала).

ЗФ: н.д. (ивр.) [ДА 1935—1938 (1991): 214 (№ 2790)] **60Е**. ПР: 31.05.1925 [ПН 31.05.1925] **60Ф**. СБ: *1926 [СН 2000—2002: без н.с.] **60Г**. ПР: 19.03.1927 [ИЛ 1927(12): 8] **60Н**. СБ: н.д. (укр.) [СГ 1956: 44] **60И**. СБ: *1921—1925 [АЕ 1951: 33] **60J**. СБ: н.д. (укр.) [ШО 194?: 29] = [АА 194?: 26]

61. В связи с тем, что на конгресс не приехал представитель Африки, еврея покрасили в черный цвет.

61А. На заседании Коминтерна: «Хаим, мажь морду ваксой, надо выступать от Африки». ПР: н.д. (ст. орф.) [СА 1925: 54] = СБ: (ст. орф.) [СА 1927: 12] = СБ: (ст. орф.) [КС 1928: 84]

61В. На конгресс Коминтерна не приехал представитель Черной Африки. Из ЦК телеграфируют в Одессу: «Срочно требуется негр». В тот же день ответ из Одессы: «Рабинович выкрашен. Сушится».

СБ: *1920-е [ШТ 1987: 486—487] **61С**. СБ: *1936 [СН 2000—2002: без н.с.]

62/*5803. «Повезло, мы в семье все чернявые, а глаза у нас узкие. Мои оба сына хорошо устроены, работают в Коминтерне китайцами...»

62А. В правительственной санатории жены ответственных работников: «Мой в наркомате начальник главка». — «А мой в ЦК заместителем...» — «А мой каждый год за границу ездит. Он в Коминтерне китайцем служит».

СБ: *1935 [ШТ 1987: 403] **62В**. СБ: *1927 [СН 2000—2002: без н.с.] **62С**. ММ: н.д. [БЕ 2000: 101]

63. Рабинович на съезде Интернационала забыл, что он депутат от Мадагаскара.

63А. Съезд Интернационала. Проверка мандатов и переключка. «Депутат от Сингапура!» — «Здесь!» — «Депутат от Индонезии!» — «Здесь!» — «Депутат от Мадагаскара!» Молчание. «Депутат от Мадагаскара?» Молчание. «От Мадагаскара депутат?» Молчание. Председатель (с гневом): «Рабинович! Что вы сидите, как бревно! Разве вы забыли, что вы депутат от Мадагаскара?!»

ДН: 14.09.1921 [МН 1915—1933(8): 30]

***64. В Коминтерне: «Вы из Аддис-Абебы?» — «Нет, я Беба из Одессы».**

***64А**. СБ: *к. 1920-х [ШТ 1987: 485]

***65. Китайцы, приехавшие на конгресс Коминтерна, говорят на идише** ²²⁶.

***65А**. После конгресса Коминтерна была демонстрация делегатов в национальных костюмах. Последними шли китайцы с косами. Сзади бежали дети и кричали: «Вот ходи²²⁷! Вы ходи, ходи!». Китайцы, недовольные, стали оборачиваться, возмущаться: «Вус ходя? Вем ходя?²²⁸».

СБ: *1927 [СН 2000—2002: без н.с.]

66. «Похороны Ленина были назначены на субботу, а потом перенесены на неделю. Почему?» — «Потому что еврейский закон запрещает хоронить в субботу».

66А. ДН: 25.01.1924 (укр.) [ЕС 1997: 61]

²²⁶ Н.В. Соколова, зафиксировавшая этот анекдот, приписывает его *Радеку*.

²²⁷ Ходя (*устар. прост.*) — пренебрежительное название китайца.

²²⁸ Что ходя? Когда ходя? (*идиш*).

67. ВЕП – Всеобщий Еврейский Погром.

67А. СЭП – старая экономическая политика, НЭП – новая экономическая политика, ВЕП – всеобщий еврейский погром.

ДН: 29.08.1922 [МН 1915—1933(11): 4об.]

68. «Ответственный» еврей – тот, кто будет отвечать за большевиков, когда они дадут стрелкача.

68А. Входит пассажир в вагон – на всех лавках лежат, хоть вагон и не спальный. Обратился к одному – уступите место, мне надо сесть. «Я, – отвечает тот, – ответственный работник, ездил агитировать, устал, нуждаюсь в отдыхе». Обратился к другому – то же самое: «ответственный». К третьему – тоже «ответственный». Наконец видит – лежит простой еврейчик с пейсами. «Подвиньтесь, чтоб я мог сесть». – «Ну и я тоже ответственный!» – «Как же это?» – «А так: я ответственный еврей – я за них, – показывает на коммунистов, – буду отвечать, когда они дадут стрелкача. Так мне хоть сейчас надо спокойно выспаться».

ДН: 28.01.1924 (укр.) [ЕС 1997: 64]

68В. Еврей старается сесть в поезд. Бросается в один вагон. «Куда лезешь? Для товарищей командиров». Кидается во второй вагон. «Пошел вон! Для спецов²²⁹ стройки». В следующем кричат: «Куда прешь, не видишь, вагон для ответственных!» – «Ну, так значит, для меня». – «Что врешь, где документы?» – «Какие тебе документы? Когда этот кабак кончится, кто будет отвечать? Абрамович отвечать будет!»

ПР: 1936 [ЗР 1936 (№ 52): 4] **68С.** СБ: 1927 (ст. орф.) [СА 1927: 47—47] = (ст. орф.) [КС 1928: 97] **68D.** ЗФ: н.д. (ивр.) [ДА 1935—1938 (1991): 217—218 (№ 2801)]

69. Русский: «Отчего у вас такой длинный нос?». Еврей: «Моисей 20 лет водил нас за нос по пустыне. Посмотрим, какой у вас будет нос через 20 лет после революции!..»

69А. ДН: 11.03.1923 [МН 1915—1933(13): 3] **69В.** СБ: *1917—1921 [ШС 2000: 18] **69С.** СБ: н.д. [СО 1994: 94]

70. Троцкий говорит отцу, что на гоя Ленина взят патент на торговлю.

70А. Приехал к Троцкому отец, ортодоксальный еврей – посмотреть как сынок живет. Тот повел его в Кремль. «А это что такое?» – «Кремль». – «А, Кремул (“магазин” по-еврейски) – это хорошо». Заходят во дворец, смотрят портреты. «Ну, это ты – хорошо. А это кто?» – и показывает на Ленина. «Да, гой один...» – «Как же сюда гой попал?» – «Да на него патент взят».

ДН: 28.01.1924 (укр.) [ЕС 1997: 63]

***71. Троцкий объясняет отцу, что Ленин – подставное лицо.**

***71А.** Троцкий работал в своем кремлевском кабинете, когда к нему зашел его отец. «Хочу тебя спросить об одной вещи, сынок. Революция, которую вы совершили с Лениным, дело очевидное. Но тогда как же получается, что все время говорят только о Ленине, но никогда о тебе. Как же получается, что повсюду портреты Ленина, но нигде нет твоих. Разве это нормально?» Троцкий почесал затылок и говорит отцу: «Слушай, папа. Это касается нас двоих, как меня, так и Ленина. Ты хорошо знаешь, что я еврей. Ты хорошо знаешь, что в этой стране еврей не должен высовываться. Итак, я скажу тебе всю правду. Ленин – это подставное лицо. Я сделал это дело под его именем».

²²⁹ Спецы – буржуазные специалисты, преимущественно инженеры и врачи из «бывших».

СБ: н.д. [РС 1994: 12] *71В. СБ: н.д. [СО 1994: 103]

72. Троцкий планирует читать коллективную молитву в Смольном после ухода Ленина.

72А. Было дело, собирались главы большевиков на заседание в Смольный, и встал Троцкий, чтобы говорить слово. Прошептал ему Каменев: «Лейба, не затягивай. У меня сегодня должен быть йорцайт²³⁰, и я опасаюсь: что если я не найду миньян²³¹ для каддиша?». В ответ Троцкий прошептал: «Не торопись уходить. Сейчас нас покинет гой [Ленин. – *Примеч. А. Друянова*], и будем читать молитву здесь, в коллективе...»

ЗФ: н.д. (ивр.) [ДА 1935—1938 (1991): 216 (№ 2795)]

72В. На заседании Совнаркома Штейнберг попросил у Ленина разрешение выйти, чтобы помолиться, на что тот ответил: «Лучше мне уйти, и останется необходимый миньян».

ХЛ: 1920-е [ЯМ 1998: 393]

73. Человек сомневается в том, что большевики возьмут власть во всем мире, потому что для этого не хватит евреев (/Ленин: «На дураков хватит!»)²³².

73А. Николай Радлов рассказал Ю.А. следующий анекдот. Радек шел куда-то с Лениным и рассказывал ему анекдоты, до которых Ленин был большой любитель, беседовали двое: большевик и хохол. Большевик говорит: «Наша революция уже перекидывается в Германию, будет революция в Германии, во Франции, в Италии, в Америке». – «Не, того не будет», – спокойно отвечает хохол. «А почему же?» – «Жидив не хватит!» Ленин очень смеялся. Через некоторое время было заседание Коминтерна, Радек получает записочку от Ленина: «Ваш хохол был не прав... Хватит!»

ДН: 18.11.1933 [ШЛ 2011(1): 147]

73В. Недавно встретил на улице проф. Щепкина, «комиссара народного просвещения». Двигается медленно, с идиотической тупостью глядя вперед. На плечах насквозь пропыленная тальма с громадным сальным пятном на спине. Шляпа тоже такая, что смотреть тошно. Грязнейший бумажный воротничок, подпирающий сзади целый вулкан, гнойный фурункул, и толстый старый галстук, выкрашенный красной масляной краской. Рассказывают, что Фельдман говорил речь каким-то крестьянским «депутатам»: «Товарищи, скоро во всем свете будет власть советов!». И вдруг голос из толпы депутатов: «Сего не буде!». Фельдман яростно: «Это почему?». – «Жидив не хватят!» Ничего, не беспокойтесь: хватит Щепкиных.

ХЛ: 25.04.1918 [БИ 1973: 105—106]

73С. На съезде, когда Ленин делал доклад про победный ход революции, какой-то украинец возразил: «Ничего не выйдет, евреев не хватит». – «Не беспокойтесь, товарищ, на дураков хватит».

ДН: 03.02.1924 (укр.) [ЕС 1997: 68—69] **73Д.** ДН: 12.04.1919 (ст. орф.) [МН 1915—1933(3): 66] **73Е.** ЗФ: н.д. (ивр.) [ДА 1935—1938 (1991): 215 (№ 2791)]

74. «Там-там-там» (на мотив «Интернационала» или «Широка страна моя родная») означает «много евреев (/дураков / рабочих)».

74А. Будто по-китайски «еврей» – «там». Там-там-там-там (на мотив «Интернационала») означает «много евреев».

²³⁰ Йорцайт – годовщина смерти.

²³¹ Миньян – десять человек (евреев, мужчин старше тринадцати) – необходимое условие для чтения общественной молитвы.

²³² В изданной Отделом печати Гражданского управления (фактически отдел пропаганды врангелевской администрации) в июне 1920 года листовке мы видим такой пассаж: «В Совдепии власть держится на жидовских умах, латышских штыках и русских дураках» (*Росс Н. Врангель в Крыму. Frankfurt-a/Main, 1982. С. 277*).

ДН: 09.08.1924 [БМ 2004: 41]

74В. «Макс, а ты слышал, что-либо о языке музыки, о том, что разные понятия можно выражать не только словами, но и музыкой?». – «Слышать-то слышал, но как это делается – понятия не имею». – «А вот я тебе сейчас продемонстрирую – скажи, например, какое-нибудь слово, и я тебе его сейчас же переведу на музыку». – «Ну, например, “рабочий”». – «Сколько рабочих?» – «Один рабочий». – «Маэстро, сыграйте мне, пожалуйста, “один рабочий”. (Оркестр берет одну короткую ноту.) Трам. Понял?» – «Интересно. Ну а как ты переведешь на музыку “двое рабочих”?». – «Очень просто. (Делает знак оркестру, который играет две короткие ноты.) Трам-трам». – «А “трое рабочих”?» – «Трам-трам, трам. (Оркестр берет три ноты.) Видишь, как это просто и понятно». – «Вот так здорово. Ну а как ты переведешь: “Много рабочих, все рабочие мира”?». – «Сейчас. Трам-трам-трам... и т.д.» (Оркестр играет первые такты «Интернационала».)

ЭН: 31.06.1929 [АДММ 1927—1933: 53]

74С. Африканец разговаривает с русским. «Как на вашем языке “дурак”?» – спрашивает русский. «Та». – отвечает африканец. «А “два дурака”?» – «Та-та». – «А много, много дураков?» – «Та-та, та-та-та-та» (на мотив «Интернационала»).

СБ: н.д. [ЛК *1991: без н.с.] **74Д.** СБ: н.д. [ИА 198?: 7]

75. Кондуктор – коммунисту, пытающемуся проехать по партийному удостоверению: «При чем здесь национальность, покажите ваш билет».

75А. На вокзале перед поездом кондуктор сдерживает публику и проверяет билеты. Протискивается и проталкивается какой-то субъект: «Кондуктор! Место мне... Вот мой партийный билет». – «Ну и при чем же здесь национальность?» – отвечает кондуктор. – Покажите лучше железнодорожный билет».

ДН: 20.01.1925 (укр.) [ЕС 1997: 189]

76. «Почему на червонце имеются надписи на армянском, грузинском, украинском и т.д., а еврейской надписи нет?»²³³ » – «Авторская скромность».

76А. ПР: н.д. (ст. орф.) [СА 1925: 54] **76В.** ЗФ: н.д. (ивр.) [ДА 1935—1938 (1991): 217 (№ 2800)]

77. Старый еврей едет в Москву, потому что хочет умереть среди своих.

77А. Вагон поезда был полон разговоров. Спорили о Ленине и о Троцком, о Каменеве и о Зиновьеве, и так далее и тому подобное. С краю последней скамейки дремал еврей и не вступал в разговор. Подсел к нему один из спорящих и спросил: «Еврей, ты куда едешь?». Отвечал старик: «В Москву я еду». А тот снова спрашивает: «И конечно же, по торговым делам?». Отвечал старик: «Никогда я не занимался торговлей. Всю жизнь работал Меламедом²³⁴». – «Если так, то, значит, в связи с преподаванием?» – «И это тоже нет, – отвечал старик. – Уже ослабели мои силы». – «Тогда зачем же ты едешь в Москву?» – не прекращал он свои расспросы. Отвечал ему старик: «Стар и слаб я. Кто из людей знает свой срок и меру своей жизни, а мне бы хотелось среди своего народа умереть...»

ЗФ: н.д. (ивр.) [ДА 1935—1938 (1991): 217 (№ 2799)] **77В.** ПР: н.д. (ст. орф.) [СА 1925: 57—58] **77С.** ДН: 23.01.1926 (укр.) [ЕС 1997: 330]

²³³ В то же время в китайских иероглифах на 25-рублевой купюре московские остроловы в 1922 году видели подпись Л.Д. Троцкого «Лейба» [МН 1915—1933(9): 4об.]. Червонец – денежная единица в СССР. Пущенный в обращение в 1922 году, червонец пользовался высоким доверием населения и способствовал стабилизации экономической ситуации.

²³⁴ Учитель в хедере.

78. Семья нэпмана за ужином, вдруг звон колоколов. «Натан, почему это так звонят?» – «Это русская колония празднует какой-то свой праздник».

78А. ПР: н.д. (ст. орф.) [СА 1925: 57] = СБ: [СА 1927: 49] = (ст. орф.) [КС 1928: 96] **78В.** ЗФ: н.д. (ивр.) [ДА 1935—1938 (1991): 216 (№ 2796)] **78С.** СБ: н.д. [МЮ 1944: 33]

***79. На бегах в Москве: «Почему приз называется “интернациональным”? Лошадь ведь русского происхождения!» – «Посмотри на публику!»**

***79А.** СБ: н.д. (ст. орф.) [КС 192? (1978): 176]

80/2474/4084. «Много ли евреев в партии?» – «Процентов шестьдесят». – «А остальные?» – «Остальные – еврейки».

80А. ЗФ: н.д. (ивр.) [ДА 1935—1938 (1991): 215 (№ 2792)] **80В.** СБ: н.д. [МЮ 1944: 50] **80С.** ПР: н.д. (ст. орф.) [СА 1925: 54] = СБ: [СА 1927: 13] = (ст. орф.) [КС 1928: 86]

81. Крестьянин – агитатору, после речи о долгоносиках: «Теперь мы знаем, что наши враги – долгоносы».

81А. На селе Петровский выступает перед крестьянами. Мы, говорит, победили на всех фронтах, мы всех прогнали, всем задали трепку. Остался один враг – долгоносик²³⁵. Теперь все силы на борьбу с ним. Если сможем его победить – тогда заживем, и т.д. ... Крестьяне слушали и усмехались. Как выступление закончилось, слово взял один дядька: «Вот первый человек правду сказал. Так, то правда, что мы везде победили. И то правда, что наши наипервейшие враги – долгоносы. Теперь мы знаем, что с ними делать. Спасибо вам, что научили!»

ДН: 17.03.1925 (укр.) [ЕС 1997: 209]

81В. Калинин приехал в деревню и держит речь перед крестьянами: «Вот вы, товарищи, все по старинке... А надо многополье, тракторы завести. Мало одного трактора, надо в каждой деревне трактор. С вредителями тоже надо бороться, например с долгоносиками...». Кончил. Старый дядя отвечает: «Спасибо, Михаил Ваныч! Сразу видать русского человека! Правильно, одного трактора мало, в каждой деревне надо по трактору! А уж насчет долгоносых – только мигни, в момент расправимся!». Анекдоты анекдотами, а антисемитизм всюду страшный, небывалый. Даже жутко иногда делается.

ДН: 31.10.1926 [МН 1915—1933(14): 79]

82. «Чем отличаются “старые” украинцы от “новых”?» – «У старых были длинные усы, у новых – длинные носы».

82А. ДН: 25.03.1926 (укр.) [ЕС 1997: 356]

83. «Почему переименовали РКП²³⁶ в ВКП²³⁷?» – «А потому, что огромное большинство партии картавят и “Р” произносить им тяжело».

83А. ДН: 16.01.1926 (укр.) [ЕС 1997: 326] **83В.** ДД: 21.02.1927 [НП 1995: 92] **83С.** СБ: н.д. [МЮ 1944: 50] **83Д.** СБ: *1917—1920 [АЕ 1951: 28]

84. «Почему переименовали РКП на ВКП?» – «Потому что у евреев есть обычай перед смертью менять имена»²³⁸.

84А. ДН: 26.01.1926 (укр.) [ЕС 1997: 332]

²³⁵ Насекомое-вредитель.

²³⁶ Российская коммунистическая партия (большевиков).

²³⁷ Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

²³⁸ Речь скорее всего идет об обычае смены имени у тяжело больного человека – в этом случае смерть ошибется и обойдет его стороной. Аналогичный сюжет появился после переименования Петербурга в Петроград во время Первой Мировой войны [ДА 1935—38 (1991): 211 (№ 2777)].

85. Еврей советует женщине отдавать ребенка в еврейскую, а не в украинскую школу: «Через десять лет только еврейский будет государственным языком».

85А. Одна еврейка привела сына в комиссию и попросила его записать в украинскую школу. Еврей, член комиссии, уговаривает ее отдать сына в еврейскую школу. «А на что ему сдался еврейский язык, если теперь всюду говорят по-украински?» – спросила мать. «Ручаюсь вам, – заявляет член комиссии, – что через десять лет только еврейский будет государственным языком». ... Теперь публика называет евреев не иначе как «Госнация».

ДН: 18.10.1926 (укр.) [ЕС 1997: 417]

86. Ленин умер, а иудеи его остались живы!

86А. Узнав о смерти Ленина, крестьяне послали в Москву «ходака» – понюхать, чем пахнет в воздухе, и узнать, не будет ли теперь каких-нибудь льгот. Долго слонялся крестьянин по траурным митингам. Ораторы-евреи всюду напирали на то же самое: «Ленин умер, но идеи его остались!». Крестьянин вернулся домой опечаленный. «Плохи дела, братцы... – сказал он землякам. – Ленин-то умер, да иудеи остались».

СБ: н.д. [МЮ 1944: 55] **86В.** ДН: 23.01.1925 [ПМ 1999: 222] **86С.** ММ: ...—1926 [БА 2001: 324]

87. Люди терпеливее природы, потому что в Крыму случилось землетрясение через год после еврейской колонизации.

87А. «Кто терпеливей: люди или природа?» – «Люди. Потому что мы десять лет терпели над собой еврейскую власть, а Крым провалился²³⁹ на следующий год после того, как его колонизовали²⁴⁰ евреи».

ДН: 02.10.1927 (укр.) [ЕС 1997: 531]

88. У кинотеатра. «Когда начнется “Еврейское счастье”²⁴¹ ?» – «Уже одиннадцать лет как началось!»

88А. ДН: 16.04.1928 (укр.) [ЕС 1997: 617]

89. Человек идет в ВОКС. Его спрашивают: «Vox dei или vox populi?». – «Нет, judaei...»²⁴².

89А. ДН: 03.09.1928 [ШИ 1991: 52]

90. По поводу «Интернационала»: «Какая власть, такое и приветствие».

90А. Читает мужик газету: «На Днепрельстане состоялась встреча представителя власти, Всеукраинского старосты т. Г.И. Петровского. Приветствовали его интернациональным гимном»... «Вот так, – думает мужик про себя, – какая власть, такое и приветствие».

ДН: 28.10.1928 (укр.) [ЕС 1997: 682]

²³⁹ Имеется в виду знаменитое землетрясение 11—12 сентября 1927, последствия которого привели к обострению и без того сложной из-за этнической пестроты населения ситуации в регионе.

²⁴⁰ Подразумевается программа переселения евреев СССР в Крым с целью создания автономной еврейской земледельческой области, претворяемая в жизнь в 1924—1935 годах. Подробнее см.: Люстигер А. Крым – советская Палестина? // Сталин и евреи: трагическая история еврейского антифашистского комитета и советских евреев. М., 2008. С. 76—79.

²⁴¹ Немой фильм с участием артистов Еврейского камерного театра, снятый в СССР в 1925 году.

²⁴² ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей. Vox populi – vox Dei – «Голос народа – голос Бога», латинская поговорка. Judaei – иудейский (лат.).

91. «Как привлечь внимание в Москве?» – «Нужно громко крикнуть: “Рабинович” – и большая часть прохожих встанет и на вас обернется».

91А. В советской Москве во время окончания занятий в учреждениях около входа в метро и на остановках трамвая происходила настоящая давка. Ввиду этого Моссовет объявил конкурс на проект регулирования уличного движения, но ни один из проектов комиссию не удовлетворил. Все они были слишком сложны и дороги. Наконец, один молодой и неизвестный инженер предложил следующее: на всех местах скопления публики поставить по милиционеру с громкоговорителем. Через равные промежутки времени милиционер должен выкрикивать: «Рабинович!.. Каганович!.. Янкелевич!.. Канторович!.. Абрамович!..». Все находящиеся в этом пункте Рабиновичи, Кагановичи, Янкелевичи и т.д. будут в этот момент инстинктивно задерживаться, а остальная публика будет проходить вперед. Инженер подчеркивает, что его проект очень практичный и не потребует никаких особенных затрат.

СБ: н.д. [МЮ 1944: 35] **91В.** ДН: 19.02.1929 (укр.) [ЕС 1997: 736]

***92. Сталин объясняет библейскому Иосифу секрет своего успеха: «У тебя был один фараон и сам ты – еврей, а у меня...».**

***92А.** Недаром сейчас в ССР самым злободневным анекдотом является анекдот о «Библейском Иосифе» и великом комбинаторе «Кавказском Иосифе»: В царстве теней они встретились. «Библейский Иосиф» стал похвалиться своими земными операциями: «Когда я был у фараона, то в тучные годы я скупал весь лишний хлеб, а в голодные годы продавал его, зарабатывая 10 крат!» (1000%%). «Кавказский Иосиф» улыбнулся и сказал: «Ты, “Библейский Иосиф”, мальчишка против меня. Я в России и в тучные и в голодные годы не покупал, а отбирал хлеб у крестьян и продавал им же в двадцать крат, зарабатывая 2000%». Смутился «Библейский Иосиф»: «Как же так, ведь я – еврей и учился у фараонов, а ты же только с Кавказа...» Рассмеялся Сталин: «Смотри, Иосиф библейский, и учись. У тебя был один фараон и сам ты – еврей, а у меня...» Тут Сталин показал на целую группу братьев Когановичей, с сестрой Розой, чадами и домочадцами. Заплакал с досады «библейский Иосиф» и – все понял он. Так постепенно начинает понимать и российский народ.

ПР: 1935 [ЗР 1935 (№ 50): 2]

***93. Евреи заняли все руководящие позиции, а русским купили мяч для футбола.**

***93А.** В Москве один провинциальный еврей рассказывает знакомому: «Мы здесь все хорошо устроились. Я теперь управляющий Сахаротрестом, мой Лева – коммерческий директор большого завода, Сарочка заведует целым Наркоматом, Абрам...» Знакомый перебивает: «А куда же вы русских девали?» – «Русских?! Мы им купили мяч, они в футбол играют...»

СБ: *1921—1925[АЕ 1951: 33]

94. «Во всем виноваты евреи и велосипедисты». (/«Евреи и велосипедисты продали Россию»). – «А почему велосипедисты?»²⁴³

94А. «Вы слышали, собираются бить жидов и трубочистов?» – «Зачем же трубочистов?» – «Ха-ха-ха! А ведь вы юдофоб».

ЗФ: 1929 [НА 1994: 45]

94В. Гитлер приказал казнить всех евреев и парикмахеров. «Почему парикмахеров?» – «А почему евреев?»

ЗФ: 1941—1945 [БА 2007: 35] **94С.** ЗФ: н.д. [СН 1924—1937: № 221] = СБ: *1933 [СН 2000—2002: без н.с.] **94Д.** СБ: *1917—1920 [АЕ 1951: 28] **94Е.** СБ: н.д. [ШТ 1987: 493]

²⁴³ Данный сюжет имел хождение еще до революции – см. ЗФ: н.д. (ивр.) [ДА 1935—1938 (1991): 205 (№ 2755)]

95. Еврей – еврею: «Всюду эти русские пролезут!».

95А. «Мойша, кто вошел в комиссию?» – «Ицка Хацнельсон, Берка Брухштейн, Абрам Цуцык, Гершка Чериковер, я и Иванов». – «Иванов? Он еврей?» – «Нет, русский». – «Как его зовут?» – «Николай Васильевич». – «Черт возьми! Везде эти русские пролезут!»

ДН: 12.08.1921 [МН 1915—1933(8): 22об.]

95В. Два еврея в Москве читают газеты. Один из них говорит другому: «Абрам Осипович, наркомом финансов назначен какой-то Брюханов. Как его настоящая фамилия?» Абрам Осипович отвечает: «Так это и есть его настоящая фамилия – Брюханов». – «Как! – восклицает первый. – Настоящая фамилия Брюханов? Так он – русский?» – «Ну да, русский». – «Ох, слушайте, – говорит первый, – эти русские – это удивительная нация: всюду они пролезут».

ММ: 1930 [ББ 1992: 205]

***96. Новая аристократия: Геда из комбеда, две Хайки из Чрезвычайки, две Розы из Совнархоза, Ицик из милиции, Шлема из Парткома, Сара – жена комиссара.**

***96А.** СБ: н.д. [МЮ 1944: 35]

***97. Каждая еврейская семья в СССР имеет три дяди – в магазине, в ГПУ и в Америке.**

***97А.** В Советском Союзе привыкли говорить, что еврейского засилье основано на системе «трех дядей». Каждая еврейская семья, проживающая в пределах своего «социалистического отечества», имеет трех дядей: одного в мануфактурном магазине, другого в Америке и третьего в ГПУ. «Мануфактурный дядя» снабжает семью, «гепеушный» обеспечивает безнаказанность, «американский» – материальное благосостояние путем присылки долларов.

СБ: н.д. [МЮ 1944: 19]

98. В наркомате: «Товарищ Полянский из Наркомлеса – ваш родственник?» – «Даже не однофамилец. Он Раппопорт из Киева, а я Цивилевич из Харькова».

98А. ЗФ: н.д. [СН 1924—1937: № 216] = СБ: *1933 [СН 2000—2002: без н.с.]

***99. Коммунистические евреи если и празднуют пасху, то наверняка Первого мая.**

***99А.** Дряхлые евреи в маленьком украинском городке греются на солнышке. «Когда в том году будет еврейская пасха? Нужно спросить у кого-нибудь авторитетного». – «Спросить бы у Лазаря Кагановича. Человек с весом». – «Э! Он же коммунистический еврей». – «Думаешь, его родители не празднуют еврейскую пасху?» – «Может, и празднуют. Но кое-как и обязательно Первого мая».

СБ: *1939 [СН 2000—2002: без н.с.]

* * *

***100. «Б» после РКП – потому что «бывшая».**

***100А.** «Что значит РКП(б)? Почему в скобках стоит “б”?» – «Бывшая. Понимаешь? Бывшая Коммунистическая. А теперь Нэпорьловско-Бюрократическая».

СБ: *1926 [СН 2000—2002: без н.с.]

***101. «Б» после РКП – потому что «блядь».**

***101А.** «Что значит РКП(б)? Почему в скобках стоит “б”?» – «Потому что блядь. Заигрывала с солдатом, пролетариями да мужичками. Теперь пошла гулять с нэпмачами да сменеховцами²⁴⁴».

СБ: *1926 [СН 2000—2002: без н.с.]

***102. РКП(б) – Разбой, кабала, позор (блядство).**

***102А.** СБ: *1920-е [ШТ 1987: 142]

103. ВКП(б) – Воры, Казнокрады (/Клятвопреступники /Карманники), Проститутки (бляди).

103А. «Что такое ВКП(б)?» – «Воры, Конокрады, Проститутки». – «Но Проститутки – не русское слово». – «Там в скобках стоит и по-русски – б[ляди]».

ДН: 16.11.1926 (укр.) [ЕС 1997: 429] **103В.** ДН: 16.05.1929 (укр.) [ЕС 1997: 765] **103С.** ДД: 1930-е [ШС 1995: 137] **103Д.** СБ: н.д. [АЕ 1951: 15]

104. РКП(б) – Россия кончит Погромом (большим) / ВКП(б) – Все Кончится Погромом (большим).

104А. ДН: 16.05.1929 (укр.) [ЕС 1997: 765] **104В.** СБ: *1920-е [ШТ 1987: 130]

***105. Тринадцатый съезд – кто кого съест** ²⁴⁵.

***153А.** СБ: *1924 [ШТ 1987: 131]

***106. У новой оппозиции неопределенная программа – Зиновьеву и Каменеву нужна власть.**

***106А.** «Почему оппозицию Зиновьева и Каменева называют просто Новой оппозицией, а не как-нибудь соответственно ее лозунгам, программе?» – «А у нее программа очень неопределенная. И часто меняется. Не ухватишь суть». – «Но они ведь выступают за что-то?» – «Да. За передачу им всей полноты власти».

СБ: *1926 [СН 2000—2002: без н.с.]

107. Каменев – Троцкому, после избрания последнего в ЦК: «А сколько стоит билет до Сухуми ²⁴⁶ ? Пришла моя очередь на лечение ехать»...

107А. ДН: 16.01.1926 (укр.) [ЕС 1997: 326]

108/5232/5796. Радек: «Чем отличается Сталин от Моисея?» – «Моисей вывел евреев из Египта, Сталин из Политбюро (/Кремля)». / «Какое сходство между Сталиным и Моисеем?» – «Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин – из Политбюро (/Кремля)».

108А. ДН: 16.11.1926 [ЕС 1997: 429] **108В.** ЗФ: 1920—1930-е [НА 1994: 45] **108С.** ММ: *1926 [ББ 1992: 205] **108Д.** СБ: н.д. [СА 1927: 12] = (ст. орф.) [КС 1928: 84] **108Е.** ММ: 1927 [ГГ 2005: 490] **108F.** ММ: *н. 1930-х, Одесса [ЗР 1990: 96] **108G.** ЗФ(ДД): 1930—1940-е [АГ 2003: 548] **108Н.** ММ: н.д. [ДВ 2005: без н.с.] **108I.** ЗФ: 1926—1928 (англ.) [GS 1995: 212] **108J.** ДН: 10.1926 (фр.) [PP 1982: 216] **108K.** ММ: *1935—1936 [СИ 2006: 143]

²⁴⁴ Сменеховцы – участники движения, получившего свое название от журнала «Смена вех» (1921—1922), часть русской эмиграции, признавшая легитимность советской власти.

²⁴⁵ Согласно комментарию С. Тиктина и Д. Штурман, анекдот возник как реакция на схватку Сталина и Троцкого, произошедшую во время XIII съезда РКП(б), в ходе которого была единогласно осуждена платформа троцкистской оппозиции.

²⁴⁶ Лечение в Сухуми в контексте постепенного отстранения Троцкого от дел часто воспринималось современниками как ссылка.

109. «Что слышно в Политбюро?» – «Как всегда ничего, только запах изменился – раньше пахло чесноком, а теперь – шашлыком»²⁴⁷.

109А. СБ: *1934—1936 [АЕ 1951: 68] **109В.** ММ: *1930-е (англ.) [DG 1959: 141]

110. После разгрома оппозиции кавказцы – чистильщики обуви ждут больших назначений.

110А. Как только Сталин победил троцкистскую и правую оппозицию, все кавказцы²⁴⁸, чистильщики обуви в Москве, сложили руки и отказались чистить. «Почему?» – спрашивают их. «Ждем соответствующего назначения».

СБ: н.д. [ШО 194?: 51] = [АА 194?: 52] = *1934—1936 [АЕ 1951: 68] = (укр.) [СЮ 1964 (1992): 69] **110В.** ЗФ: н.д. (англ.) [GL 1930: 723] **110С.** СБ: *1929 [СН 2000—2002: без н.с.]

111. Нэпман: «Хочу, чтоб ЦК слопал оппозицию, да чтобы при этом и сам подавился».

111А. Разговаривают двое нэпманов. «Ну и чем все это кончится с оппозицией?» – «Я не знаю, чем это кончится, но знаю, чем бы я хотел, чтобы кончилось». – «А чем?» – «Чтобы ЦК слопал оппозицию, да чтобы при этом и сам подавился».

ДН: 13.12.1927 (укр.) [ЕС 1997: 560]

112. После XV съезда в Москве танцуют лезгинку при плаче Израиля²⁴⁹ ./ В Москве одни танцуют лезгинку, другие поют «На реках Вавилонских»²⁵⁰.

112А—В. ДН: 21.12.1927 (укр.) [ЕС 1997: 564—565]

113. Они уже имеют левое крыло, они уже имеют правое крыло... Они уже скоро совсем полетят!

113А. Когда в ВКП(б) возникло левое крыло (троцкистов), после него появилось правое крыло (бухаринцы), тогда один долго молчавший еврей подходит к большевику и говорит: «У вас было левое крыло, теперь имеете уже и правое крыло, почему бы вам и не полететь к чертовой матери».

СБ: н.д. (укр.) [ШО 194?: 42] = [АА 194?: 42] = *1934—1936 [АЕ 1951: 68] **113В.** ДН: 19.02.1929 [ЕС 1997: 737] **113С.** ХЛ: ...—1932 [ШМ 1958: 232] **113Д.** СБ: н.д. (укр.) [СЮ 1964 (1992): 77] **113Е.** СБ: н.д. (укр.) [СГ 1956: 82]

114. «Почему наша партия такая бескрылая?» – «Потому что Сталин оторвал ей оба крыла – и правое, и левое».

114А. СБ: *н. 1930-х [ШТ 1987: 132]

²⁴⁷ Чеснок – важная составная часть еврейской кухни, а шашлык – самое известное грузинское блюдо. Важно, что перипетии борьбы с оппозицией воспринимались традицией политического анекдота как борьба национальных группировок – еврейской и грузинской. Массовое сознание, привыкшее воспринимать политическое развитие через призму традиционных ценностей, воспринимало грузинское происхождение рвущегося к власти Сталина, постепенно отстраняющего старых большевиков, плотно ассоциировавшихся с «еврейским засильем», как первый признак грядущего «грузинского засилья». Действительно, после 1926 года заметен карьерный рост ряда политических деятелей кавказского происхождения – грузин Серго Орджоникидзе становится председателем ЦКК ВКП(б) и кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), армянин Анастас Микоян – наркомом внешней и внутренней торговли СССР, и т.д. На этом и строятся сюжеты о «грузинской» (т.е. «кавказской») власти, противопоставляемой «еврейской», что в шутку называлось «шашлычизацией» Союза (28.05.1927 [МИ 1993: 56]).

²⁴⁸ В сборнике [АЕ 1951] «кавказцы» заменено на «айсоры».

²⁴⁹ Лезгинка – русское название танца, распространенного у народов Кавказа. Плач Израиля – еврейская народная мелодия.

²⁵⁰ Начало 136 псалма, посвященного пребыванию евреев в плену Вавилонском.

115. Ворошилов (/Буденный) – Сталину: «Направо нельзя, налево нельзя, топчись тогда на месте». / Солдаты на параде получают команду «Шаг на месте», потому что нельзя ни направо, ни налево.

115А. На Красной площади. Идет конница. Буденный командует: «Полк, поворот на л...» – «Тс-с-с-с, – Ст[алин] ему затыкает рот, – нельзя, левый уклон». – «Поворот на пр...». – «Тс-с-с-с! Правый уклон!» – «Шаг на месте! Раз, два!»

ДН: 09.05.1929 [СН 1925—1985(4): без н.с.] = СБ: *1929 [СН 2000—2002: без н.с.]

115В. Однажды Сталин говорит Ворошилову: «Иногда мне приходится принимать парады, а я же не знаю строевого дела, ты подучи меня». Ворошилов сказал: «Хорошо, заходи ко мне в кабинет». Сталин зашел. Ворошилов подает команду: «Смирно». Сталин встал, вытянувшись. Ворошилов командует: «Налево!». Сталин погрозился пальцем. Вновь командует: «Направо!». Сталин опять погрозился, сказав: «Ты меня не тяни вправо и влево». Тогда Ворошилов говорит: «Ну и х[уй] с тобой, топчись тогда на месте».

ДД: 22.08.1938 [БА 2002: 80]

116. «Почему в России нет обуви?» – «Среди обуви есть правые и есть левые, а в России и правые и левые запрещены...»

116А. ЗФ: н.д. (ивр.) [ДА 1935—1938 (1991): 228 (№ 2832)]

117. Правый уклон – лицом к селу, левый уклон – лицом к городу, генеральная линия партии – ни к селу ни к городу.

117А. ДН: 09.05.1929 [СН 1925—1985(4): без н.с.] = СБ: *1929 [СН 2000—2002: без н.с.] **117В.** СБ: н.д. (укр.) [ШО 194?: 43] = [АА 194?: 45] = *1930—1933 [АЕ 1951: 43] = (укр.) [СГ 1956: 77—78] **117С.** ДН: 16.05.1929 [ЕС 1997: 765] **117D.** ХЛ: *1920—1930-е [БВ 1993: без н.с.]

***118. «Что такое генеральная линия?» – «Убрать левых руками правых, а потом, переняв левую тактику принуждения, избавиться от правых».**

***118А.** СБ: *1931 [СН 2000—2002: без н.с.]

119. «Почему в Москве такая вонь?» – «Потому что партия повернулась лицом к деревне».

119А. ДН: 10.03.1925 [МН 1915—1933(14): 56]

120. При точном соблюдении генеральной линии партии хлеба нет ни в городе, ни в деревне (/при капитализме хлеб есть и там и там).

120А. Если в городе есть хлеб, а в деревне нет – это левый уклон. Если в городе нет хлеба, а в деревне есть – это правый уклон. Если ни в городе ни в деревне нет хлеба – это генеральная линия. Если и в городе и в деревне есть хлеб – это проклятый загнивающий капитализм.

СБ: *1930 [СН 2000—2002: без н.с.] **120В.** СБ: н.д. (укр.) [СЮ 1964 (1992): 59] **120С.** СБ: *к. 1920-х [ШТ 1987: 132]

121. «Что такое уклон?» – «Это мысль, выраженная словами».

121А—120С. СБ: *к. 1920-х [ШТ 1987: 132]

122/1729/3918. Некто о своей семье: «Один сын в партию поступает, другой тоже впал в уклон».

122А. «У меня дети удачные. Один в партию поступает, другой тоже впал в уклон. Один инженер, другой тоже вредитель. И дочери – одна невеста, другая тоже же делает аборт».

ЗФ: н.д. [СН 1924—1937: № 204] = СБ: *1933 [СН 2000—2002: без н.с.]

***123. Графический анекдот: зигзагообразная линия – генеральная линия партии.**

***123А.** (Графический анекдот. Рисуется.) Прямая линия сверху донизу на левой стороне листа. Что такое? Левый уклон. Прямая линия сверху донизу на правой стороне листа. Что такое? Правый уклон. Вьется, изгибается зигзагообразная линия между левой и правой прямыми. Что такое? Генеральная линия.

СБ: *1929 [СН 2000—2002: без н.с.]

***124. «Может ли змея сломать себе хребет?» – «Да, если она будет ползти, следуя генеральной линии партии».**

***124А.** СБ: *к. 1920-х [ШТ 1987: 131]

125. Линия партии прямая и каждая ее точка есть точка перегиба.

125А. «Что представляет собой генеральная линия партии?» – «Периметр пятиконечной звезды. То правый уклон, то левый уклон, и каждая ее точка если не точка великого перелома²⁵¹, то обязательно точка перегиба».

СБ: *к.1920-х [ШТ 1987: 131] **125В.** СБ: н.д. [ЛК *1991: без н.с.]

126. Вопрос на «чистке»: «Были ли колебания в проведении генеральной линии партии?». Ответ: «Колебался вместе с линией».

126А. СБ: *к.1920-х [ШТ 1987: 132] **126В.** СБ: н.д. [ЛК *1991: без н.с.] **126С.** СБ: *1957 [СН 2000—2002: без н.с.]

***127. ЦК мощнее английского парламента, потому что многих революционеров превратил в бабье.**

***127А.** Рассказывают, что на каком-то из послереволюционных съездов партии (кажется, на одиннадцатом) старый большевик Рязанов сказал примерно следующее: «Существует английская поговорка: парламент может все, только не может превратить мужчину в женщину. Что же, наш ЦК помощнее. Он многих революционеров за последнее время превратил в бабье».

СБ: *1928 [СН 2000—2002: без н.с.]

128. (Радек:) «Маркс и Энгельс прислали заявление, в котором отрекаются от своего учения и признают правильной генеральную линию сталинской партии».

128А. ПР: 15.11.1931 [БО 1931(№ 25—26)] **128В.** ММ: *1925—1930-е [БА 2003: 149]

***129. Старый большевик вспоминает о внутрипартийной демократии, только когда его объявляют оппозиционером.**

***129А.** «Когда старый большевик у власти, состоит членом ЦК, о чем он говорит в своих речах?» – «О строгой дисциплине и жестком централизме». – «А когда его выбрасывают из ЦК, объявляют оппозиционером, о чем он вспоминает?» – «О внутрипартийной демократии».

СБ: *1929 [СН 2000—2002: без н.с.]

130. Ленин просит отвернуть его к стене – ему надоело смотреть на то, что творится.

²⁵¹ «Великий перелом» – выражение Сталина, которым он охарактеризовал начатую в конце 1920-х в СССР политику форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

130А. Ленин просил послать к себе Рыкова, ему сказали: «Он ушел вправо». – «Тогда позовите Бухарина». Ему сказали: «Он ушел влево». – «Ну тогда позовите Калинина». Тот пришел, и ему Ленин сказал: «Поверни меня к стене. Надоело мне уж смотреть, что вы тут творите»...

ДД: 11.02.1933 [ПИ 1995: 146]

***131.** Загадка: «Брат брата трет, шибко кровь течет ²⁵²». Отгадка: «Расправа с оппозицией».

***131А.** СБ: *1931 [СН 2000—2002: без н.с.]

132. В Политбюро есть закавыки: Троцкий и Зиновьев, два зайки: Рыков и Молотов, один ошибало – Бухарин и один вышибало – Сталин.

132А. Политбюро подобрано замечательно: один заикало (Молотов), один выпивало (Рыков), один ошибало (Бухарин), один вышибало (Сталин).

СБ: н.д. [БЮ 1995: 47] **132В.** ЗФ(ДД): *1926 [АГ 2003: 548]

***133.** Охранка, белая армия и интервенты не сумели справиться с большевиками, а Сталин – сумел ²⁵³.

***133А.** СБ: *25.05.1935 [СН 2000—2002: без н.с.]

134. «Последнюю контрреволюционную организацию прикрыли». – «Какую?» – «Общество старых большевиков».

134А. ММ: ...—1937 [ЛГ 1998: 35]

***135.** Мужиков сажали, большевики молчали. Большевиков сажают, мужики помалкивают.

135А. СБ: *1937 [СН 2000—2002: без н.с.]

***136.** Неравный брак – в 1930 году на ребенке спеца, в 1940-м – на ребенке старого большевика.

***136А.** Неравный брак. Москва, 1930. «У тебя отец большевик со стажем с двенадцатого года, а она дочь беспартийного спеца. Сам знаешь, их теперь подряд берут как вредителей». Москва, 1940. «Ты дочь честного беспартийного инженера, а у него отец большевик со стажем с двенадцатого года. Сама знаешь, их теперь подряд расстреливают как шпионов».

СБ: *1940 [СН 2000—2002: без н.с.]

137. В 1930-е годы старые большевики за что боролись, на то и напоролись.

137А. Путь большевика-ленинца. До 1917 года готовились к борьбе. С 1917 до 1921 года боролись. В 1920-е годы – «За что боролись?». В 1930-е – за что боролись, на то и напоролись.

СБ: *1930-е [ШТ 1987: 132]

***138.** Радек: «Партию партиями отправляют в ссылку».

***138А.** СБ: *1930 [СН 2000—2002: без н.с.]

²⁵² «Классическая» разгадка – жернова и мука.

²⁵³ Согласно комментарию зафиксировавшей данный текст Н.В. Соколовой, он возник в ответ на закрытие Общества старых большевиков.

***139. Оппозиционер просит сотрудника НКВД не расстреливать, а идейно вдохновить его убийство.**

***139А.** Перед расстрелом оппозиционера энкаведешник ему говорит: «Такие, как вы, своими руками не убивали Кирова, но идейно вдохновляли убийство. Это хуже». Оппозиционер: «Может, вы тоже будете только идейно вдохновлять мое убийство, но не будете убивать меня своими руками? Пускай это хуже, но я вас, так и быть, прощу».

СБ: *1938 [СН 2000—2002: без н.с.]

***140. «Что же, партия состояла из шпионов да диверсантов?» – «Не забудь добавить сюда комсомол...»**

***140А.** СБ: *1937 [СН 2000—2002: без н.с.]

***141. В ознаменование какого-нибудь события сажают участников за праздничный стол, но в двадцатилетие Революции Сталин сажает всех, кто ее совершил, за решетку.**

***141А.** СБ: *1937 [СН 2000—2002: без н.с.]

142. А/р: «Мог ли Вольтер дожить до Великой французской революции?» – «Дожить – да, пережить – нет».

142А. СБ: *1969 [ШТ 1987: 189—190]

***143. Плакат в ЦКК²⁵⁴ : «Добро пожаловать! Хлеба вам не поднесем, но Сольца²⁵⁵ на хвост насыплем».**

***143А.** СБ: *1926 [СН 2000—2002: без н.с.]

***144. «ЦКК – самое мощное учреждение в СССР». – «Почему?...» – «Потому что оно может из человека сделать болото²⁵⁶ (/грязь), а из болота (/грязи) – человека».**

***144А.** СБ: н.д. (укр.) [ШО 194?: 42] = [АА 194?: 43] ***144В.** СБ: н.д. [АЕ 1951: 17]

***144С.** СБ: н.д. (укр.) [СГ 1956: 74—75]

***145. Служащий на семейный вечер в качестве жены хочет взять прислугу.**

***145А.** «Знаешь, Лялечка, неудобно мне с тобой идти в учреждение на семейный вечер. Понимаешь – чистка²⁵⁷, то да се... я лучше прислугу Дуньку возьму и выдам ее за свою жену».

СБ: н.д. (ст. орф.) [КС 1929: 207]

146. «Подвергались ли вы вычистке?» – «Я девица».

146А. ДН: 21.07.1924 [БМ 1926: 39]

147. «Какая разница между чисткой аппарата и абортom?» – «При чистке аппарата вычищают “бывших”, а при аборте будущих».

147А. ЭН: 03.06.1929 [КО 1927—1931: 69]

***148. «Я в последнее время просто переродился. Везде в анкетах вместо “сын попа” пишу “сын рабочего”».**

²⁵⁴ Центральная контрольная комиссия – высший контрольный орган Коммунистической партии Советского Союза в 1920—1934 годах.

²⁵⁵ См. в указателе имен: *Сольц А.А.*

²⁵⁶ Подробнее о значении слова «болото» в партийной лексике см. комментарий к сюжету № 716.

²⁵⁷ Чистка партийных рядов – совокупность организационных мероприятий по проверке соответствия членов коммунистической партии предъявляемым к ним требованиям (1920—1930-е).

***148А.** СБ: н.д. (ст. орф.) [КС 1929: 203]

149. Абрсамраббывбур – Абрам Самсонович Рабинович, бывший буржуй, а теперь стал пролетарий / Хасанбурчираб – Хаим Сандомирский, бывший буржуй, чичас рабочий.

149А. «Ну до свиданья, я заболтался, спешу в типографию». – «Зачем?» – «Заказать карточки». – «Какие, свои?» – «Да». – «Ничего не пойму». – «Абрсамраббывбур». – «А это значит – Абрам Самсонович Рабинович, бывший буржуй, а теперь стал пролетарий».

ЭН: 10.09.1926—21.09.1926 [АМ 1926: 45 об.]

149В. В отделе кадров. «Вы кто такой?» – «Хасанбурчираб». – «Что это значит? Имя или фамилия?» – «Хаим Сандомирский, бывший буржуй, чичас рабочий».

СБ: *1920-е [ШТ 1987: 485]

***150. Слуга покупает бензин, чтоб отбить запах нафталина у френча, в котором его хозяин собирается идти на чистку.**

***150А.** Прислуга: «Дайте пузырек бензина. У мово барина на той неделе в партячейке... это... как его?.. ну... чистка». Продавец: «Причем тут бензин?». Прислуга: «Бензин требуется для старого... как это там?.. старого френча. В сундуке себе валяется, барин его – вот как НЭП, значит, пошел – ни разу не надевали. Бензин – отбить запах... ну, этого... нафталина». Продавец: «Заодно берите в соседней аптеке и валерьяновых капель для барыни. Понадобятся».

СБ: *1926 [СН 2000—2002: без н.с.]

***151. Заказчик просит портного сшить костюм так, чтоб тот выглядел перелицованным из старого.**

***151А.** Московский портной Козюхин первый раз в жизни получил такой странный заказ. «Сшейте мне пиджак и брюки! – попросил клиент. – Но не забудьте сделать верхний пиджачный кармашек не на левой стороне, как обычно, а обязательно на правой!» Когда пиджак с правым кармашком был сшит, портной, однако, не выдержал и обратился к заказчику: «Простите... э... почему, собственно...» – «Видите ли, – сказал клиент, любуясь на новый костюм в зеркало, – сейчас время опасное. Я служу. И мне хотелось бы, чтобы начальство и сослуживцы думали, что я сшил себе не новый костюм, а просто перелицевал старый!»

СБ: н.д. (ст. орф.) [КС 1929: 215—216]

***152. Певица исполняет песню, связанную с чисткой: «Ты не спрашивай, не выпытывай».**

***152А.** СБ: н.д. (ст. орф.) [КС 1929: 215]

***153. «А что, Ломоносову тоже чиститься приходилось?» – «Почему?» – «А для чего тогда вот его биографию публиковали!»²⁵⁸**

***153А.** СБ: н.д. (ст. орф.) [КС 1929: 209]

154. Женщина на партийном собрании: «Товарищи! Если он смог уйти от меня к этой жиловке, то знайте все, что он бывший белогвардейский офицер!..»

154А. СБ: *н. 1930-х [ШТ 1987: 133]

²⁵⁸ В процессе подготовки к чистке нередко публиковалась биография испытуемого, или же она публично озвучивалась на общем собрании, посвященном чистке.

***155. Предостережение влюбленному, который решил жениться: «Она тебе испортит анкету».**

***155А.** Приятель предостерегает влюбленного, который решил жениться. Германия – у нее необыкновенный аппетит, ты не будешь укладываться в бюджет. Франция – она лесбиянка, ты не получишь никакого удовольствия. США – она тебе принесет черного ребенка. СССР – она тебе испортит анкету.

СБ: *1939 [СН 2000—2002: без н.с.]

156. Из анкеты. «Родственников до 1917 года не было».

156А. СБ: *1933—1937 [ШС 2000: 42]

157/875. Беспартийные протестуют против засорения рядов во время чистки.

157А. «Почему Зиновьева и Каменева никак не могут по-настоящему исключить из партии? То исключат, то опять восстановят...» – «Во-первых, они каются, отрекаются, умоляют. Во-вторых, поступают многочисленные коллективные письма от беспартийных – просят не засорять их ряды».

СБ: *1933 [СН 2000—2002: без н.с.] **157В.** ЗФ: н.д. [СН 1924—1937: № 194]

158. Объявление: «Меняю фамилию “Иванов” на комнату».

158А. Все меняется – времена, нравы: на задней странице в объявлениях Меняют имена, мужей, жен, убеждения.

А один гражданин недавно такое объявление поместил:

Меняю фамилию Абрамович²⁵⁹ на комнату, желательно в районе Мясницкой.

А может быть, какой-нибудь дурак соблазнится.

ЭН: 27.04.1929 [АГ 1927—1933: 55]

158В. Меняю фамилию Иванов на две комнаты в центре и с телефоном.

ЗФ: 1933 [СН 1924—1937: № 273] **158С.** ЭН: 13.05.1930 [КР 1927—1931: 2] **158D.** СБ: *1933 [СН 2000—2002: без н.с.]

159. Кандидат в военное училище: «Мандатная комиссия меня сыпанула как классово чуждый элемент – кто-то капнул, что предки в каменном веке имели железный топор!»

159А. СБ: н.д. [ДК 1994: 75]

***160. «Пятого числа вас будут исключать из партии на бюро райкома». Извиняющимся тоном: «Простите, но меня уже исключили второго на бюро горкома».**

***160А.** СБ: *1938 [СН 2000—2002: без н.с.]

* * *

161/*3279/4955. Самая древняя профессия – коммунист. В начале был хаос, а кто его может создать кроме коммунистов?

161А. Юрист, врач, инженер и коммунист заспорили, кто на земле раньше всех вступил на поприще культурной деятельности. «Юристы, – сказал первый. – Когда Каин убил Авеля, и было совершено первое уголовное преступление, было разбирательство, и, конечно, понадобились юристы». – «Врачи, – сказал медик. – Когда Ева была создана из ребра Адамова, конечно,

²⁵⁹ В тексте источника автором или политическим редактором фамилия «Абрамович» вычеркнута и заменена на «Соплячкин».

понадобилось хирургическое вмешательство». – «Инженеры, – сказал третий. – Неужели без электрификации, пара и вообще техники, а следовательно без инженеров Бог в шесть дней мог сотворить свет?!» – «Все вы врете, – сказал последний. – Мы, коммунисты, были первыми: ведь в начале всего был хаос, а кто же мог его создать кроме нас?!»

ДН: 20.01.1921 [МН 1915—1933(7): 6—6об.] **161В**. СБ: *1991 [СН 2000—2002: без н.с.] **161С**. СБ: *1960-е [ШТ 1987: 150] **161D**. ПР: 23.02.1921 [СЮ 1921: 3] **161Е**. СБ: н.д. [СА 1927: 9—10] = (ст. орф.) [КС 1928: 82] **161F**. СБ: н.д. (ст. орф.) [РИ 1925—26: 60] = (ст. орф.) [КС 192? (1978): 18] **161G**. ЗФ: н.д. (ивр.) [ДА 1935—1938 (1991): 218 (№ 2803)] **161H**. СБ: н.д. [МЮ 1944: 16] = [АА 194?: 22—23] **161I**. СБ: н.д. [ЛК *1991: без н.с.]

162. Человек похож на советских вождей: происхождение, как у Ленина, отношение к партии, как у Троцкого, пьет, как Рыков.

162А. «Вы кто такой?» – «Столбовой дворянин». – «Как же вы, бывший дворянин, хотите пополнить собой ряды пролетарского студенчества?» – «А как же Ленин, будучи дворянином, пять лет стоял во главе пролетарской державы?» – «Но вы еще и в балет частенько ходите!» – «Хожу, но не так часто, как Луначарский». – «Так, может быть... и пьете?» – «Пью, но в десять раз меньше Рыкова».

ДН: 31.10.1924 (укр.) [ЕС 1997: 157]

162В. Исключенный из партии жалуется: «Меня исключили только за то, что я похож на вождей: по происхождению я – как Ленин (дворянин²⁶⁰), отношусь к партии – как Троцкий (оппозиционер), с женщинами веду себя, как Луначарский (гомосексуально²⁶¹), а в частной жизни, как Рыков (любит со стеклянным богом здороваться²⁶²). Вот и угоди им: одним честь, а других выгоняют».

ДН: 02.02.1928 (укр.) [ЕС 1997: 582] **162С**. ДН: 20.05.1924 [МН 1915—1933(14): 13] **162D**. СБ: н.д. (ст. орф.) [СА 1927: 33] = (ст. орф.) [КС 1928: 88]

163. Человек до революции жил, как Карл Маркс, а после – как Ленин.

163А. Один старый еврей жаловался, что ему плохо живется. К нему обратились с вопросом: «А как вы жили до революции?» – «Как Карл Маркс: у него был “Капитал”, и у меня был капитал». – «А после революции?» – «Как Ленин: у него было “Что делать?”, и у меня было что делать». – «А как вы относитесь к советской власти?» – «Как к своей жене: немножко люблю, немножко боюсь, немножко хочу другую».

СБ: н.д. [СО 1994: 95]

164. Советский чиновник перед пересечением границы снимает воротник.

164А. Два советских чиновника в спальном вагоне. Один из них снял воротник. «Товарищ, – говорит он своему спутнику, – давайте снимем наши воротники, мы подъезжаем к советской границе».

ПР: 04.01.1929 [РР 1929: 6]

165. На вокзале: «Ты коммунист? Скажи, где тут сортир?».

²⁶⁰ В первых биографиях Ленина информация о его дворянском происхождении умалчивалась или сознательно искажалась. Так, в книге Зиновьева мы видим строки о том, что отцом Ленина был крестьянин (см.: *Зиновьев Г.* Ленин – вождь всех трудящихся. 1918. С. 1). В речах его сподвижников и их мемуарах постоянно подчеркивалась «мужицкая» сметка и деловитость Ленина (подробнее см.: *Великанова О.* Образ Ленина в массовом восприятии советских людей по архивным материалам. Lewiston, Queenston, Lampeter, 2001. (Slavic Studies. Vol. 6)).

²⁶¹ В двадцатые годы активно циркулировали слухи о гомосексуальности Луначарского.

²⁶² А.И. Рыков (см. именной указатель) в народе слыл алкоголиком. В честь него советская тридцатиградусная водка получила название «рыковка».

165А. На вокзале. Толпа мешочников. Один в кожаной куртке подходит к другому в кожаной куртке: «Товарищ, ты коммунист?» – «Да». Наклоняется, спрашивает шепотом: «Скажи, где тут сортир?».

ЗФ: 1933 [СН 1924—1937: № 271] = СБ: *1926 [СН 2000—2002: без н.с.]

***166. Коммунист не может решить, как ему мыться в бане вместе с беспартийными.**

***166А.** Коммунист заходит к заведующему баней: «Послушай, а нет у тебя отделения для партийцев? Как-то неудобно совсем голышом... при беспартийных всяких...» – «Это, товарищ, комчванство, партия его осуждает. Нет у нас такого отделения, баня общая». – «Ну, что делать? Пойду в общую. Разденусь, значит, при всех... просто и скромно... Как все, так и я». – «А это, товарищ, капитулянство. Партия его осуждает. Члены партии должны выделяться, быть заметными, а не растворяться в массах». – «Тогда надену трусы. И буду в них мыться». – «Вот это правильная партийная позиция».

СБ: *1926 [СН 2000—2002: без н.с.]

***167. Беспартийный: «Партия и я – 10. Партия единица, я – нуль».**

***167А.** «Партия и я – одно!» – гордо заявляет еврей²⁶³, член ВКП(б). «А я и партия – десять!» – отвечает беспартийный гражданин. «Почему?» – удивляется еврей. «Партия единица, а я нуль», – пояснил тот.

СБ: н.д. [МЮ 1944: 50] = [АА 194?: 44]

168. Комиссар, спасший тонущего, хочет в награду новые подштанники и узнать, кто его толкнул в воду.

168А. В выходной день в Чугуеве над Днепром полно купающихся и отдыхающих людей. Пришел сюда и комиссар полка. Он взобрался на вышку, с которой спортсмены прыгают в воду, и осматривает местность. Он не осмотрел еще другого берега как между людьми поднялся крик: «Ребенок тонет! Спасите! Ребенок... Помогите!». Комиссар почувствовал сильный пинок в спину и очнулся только тогда, когда упал в воду. Он попал недалеко от ребенка, и поэтому ребенок уцепился за него, и их вместе вытащила спасательная команда. На берегу снова поднялся крик: «Это геройство! Наградить его! Наградить!». К комиссару подбежал корреспондент «Харьковского пролетария» и спрашивает: «Товарищ! Я напишу, что трудящиеся требуют для вас награды. Какую бы вы хотели?» – «Никакой не хочу. Разве только новые подштанники, да узнать, какая сволочь меня толкнула с вышки...»

СБ: н.д. (укр.) [СГ 1956: 138—139]

***169. Лектор, которому под трибуной положили дерьма: «Наша партия... Настоящее дерьмо!».**

***169А.** В село приехал лектор обкома партии. А в клубе под трибуну ребята положили ему дерьма. Лектор откашлялся, осмотрелся, но ничего не заметил. «Наша родная партия... Настоящее дерьмо!» Принюхался. «Маркс, Энгельс, Ленин... Какая же зараза навалила?»

СБ: н.д. (укр.) [ЮП 2003: без н.с.]

170/2926/3571. Партийца, которому после операции забыли положить в голову мозг, волнует только наличие партбилета.

²⁶³ В записи [АА 194?: 44] нет слова «еврей».

170А. Когда принимали на открытом собрании Кирпу-Гнучкошиенкова²⁶⁴ в партию, показали портреты и спрашивали, кто нарисован, а он отвечал. «Кто это?» – «Сталин!» – «Какую он работу выполняет?» – «Завхоз советской власти!» Через полгода его, уже как действительного члена ВКП(б), послали в Галицию, а там оплатили ему за «освобождение» кирпичом по голове²⁶⁵. Когда ему сделали операцию, он просил досрочно выписать его на работу. «Вы еще не выздоровели. Голова еще не в полном порядке, больна. Отдыхайте», – посоветовал врач. «Так что с того, что голова больная, у меня партийный билет в кармане есть!» – сказал Кирпа-Гнучкошиенков и настаивал, чтобы выписали²⁶⁶.

СБ(ЗФ): н.д. (укр.) [СЮ 1964 (1992): 60]

170В. Один коммунист был ранен в голову. Ему нужно было сделать операцию. Доктор разрешил ему голову, вынул мозги, промыл их и положил на стол в блюдо. Потом засуетился, не вложил мозги на их место, залепил коммунисту голову, а мозги остались на столе. Коммунист очнулся, поднялся и пошел. Доктор глянул на блюдо и увидел, что мозги остались не вложены. Он тогда начал кричать вслед: «Товарищ, вернитесь, я забыл вам вложить мозги!» – «Это не важно, за таким пустяком не буду возвращаться, у меня партбилет в кармане – и без мозгов на любую работу примут»²⁶⁷.

ЗФ: 1940-е (укр.) [ПЕ 2008: 94—95] **170С.** СБ: н.д. [МЮ 1944: 47] = [АА 194?: 42] **170D.** СБ: н.д. (укр.) [СГ 1956: 101—102]

171. На конкурсе фильмов ужасов первую премию получил фильм «Утеря партбилета».

171А. СБ: н.д. [ДМ 1991: 289] **171В.** СБ: н.д. (укр.) [ЮП 2003: без н.с.]

172. В советском борделе (/стриптизе) кадры с двадцатилетним партийным стажем.

172А. Донес кто-то в органы государственной безопасности, что к Янкелю во ВНИИПС начали проникать агенты иностранных разведок. Навели порядок. Через месяц ВНИИПС перестал приносить прибыль. Вызвали Янкеля в горфинотдел: «Где валюта?». Янкель развел руками. «Может, у тебя с кадрами непорядок?» – спрашивает заведующий горфинотделом. «Нет, что вы, – отвечает Янкель. – С тех пор, как органы взяли над нами шефство, у нас все сотрудницы – члены партии с одна тысяча девятьсот семнадцатого года...» – «Да ну? – удивился зав. – Я же у вас видел девочек ого-го! Где же твои девочки?» – «Уволили как недостаточно благонадежных, теперь они в порту от себя работают», – отвечает Янкель.

СБ: н.д. [ШТ 1987: 62]

172В. В колхоз должны прибыть иностранцы. Получено указание – устроить для гостей стриптиз. Обсуждаются кандидатуры. Василиса? У нее низкие надои. Катя? Нерегулярно читает газеты, слабо посещает собрания. Зина? Разведенная, низкий моральный уровень, путается с женатыми. Наметили тетю Дусю – передовая свиноводка, хорошая общественница и член партии с двадцатилетним стажем.

СБ: *11.1964—1965 [СН 2000—2002: без н.с.] **172С.** СБ: н.д. [ЛК *1991: без н.с.] **172D.** СБ: *03.1984—03.1985 [СН 2000—2002: без н.с.] **172Е.** СБ: н.д. [ВА 1980: без н.с.]

²⁶⁴ Эта фамилия после упоминания в «Гайдамаках» Т. Шевченко стала нарицательной – так называли людей, готовых отречься от украинской национальной культуры ради социального статуса и материальных благ.

²⁶⁵ После ввода в сентябре 1938 года советских войск в Галицию эти территории, ранее контролировавшиеся Польшей, были включены в состав Украинской ССР.

²⁶⁶ Примечание к тексту: «Записано от Илька Ивченка, Апостолово».

²⁶⁷ Примечание к тексту: «Записал от Ковалевской М.А., с. Кодратовка».

***173. Загадка: «Дуб дал дуба, дуб – в дубе, пришлют нового дуба». Ответ: «Секретарь райкома в дубовом гробу».**

***173А.** СБ: *01.01.1953–05.03.1953 [СН 2000—2002: без н.с.]

174. Что дала советская власть людям: один был дурак дураком, а сейчас секретарь парторганизации.

174А. На собрании председатель колхоза говорит о том, как много дала советская власть простым людям: «Посмотрите на Марию Петровну – она была простой крестьянкой, а сейчас заведует библиотекой. Посмотрите на Пелагею Федоровну – она тоже была простой крестьянкой, а сейчас заведует клубом. Посмотрите на Степана Митрофановича – был дурак дураком, а сейчас секретарь парторганизации!»

СБ: н.д. [ШТ 1987: 140]

174В. На общем собрании председатель колхоза: «Что дала нам советская власть? Очень много, товарищи! Вот хотя бы взять меня. Был дуб из дубов, а стал председателем колхоза. Вон Петр Семенович – был вор из воров, а стал секретарем парткома. А Зинаида была проститутка из проституток, а стала передовой дояркой...»

СБ: н.д. (укр.) [ЮП 2003: без н.с.] **174С.** СБ: *1963 [СН 2000—2002: без н.с.]

175. Жена ответственного партийца родила девочку. Партиец – работнику роддома: «Разве вы не получили указаний из обкома, чтобы был мальчик?».

175А. СБ: *1965 [ШТ 1987: 137] **175В.** СБ: *1966 [СН 2000—2002: без н.с.]

176. Коммунисты в Европе собирают подписи под мирным воззванием. Старушка о соседе: «К нему не ходите, он коммунист – точно за войну».

176А. Текст «мирного воззвания», состряпанного в Москве, коммунисты привезли в Стокгольм и начали собирать подписи. Заходят к старушке. «Бабушка, ты за мир или за войну?» – «Что вы, милые, конечно я за мир!» – «Ну тогда подпиши, вот, воззвание». Старушка подписывает. Коммунисты ее спрашивают: «Скажи, бабушка, кто твой сосед слева?» – «Слева живет аптекарь». – «А как ты думаешь, он за мир или за войну?» – «Он человек хороший, он за мир, он подпишет». – «Хорошо. А кто живет справа?» – «Справа – парикмахер». – «А он как?» – «Тоже хороший человек, подпишет». – «А кто наверху живет?» – «Ой, милые, туда не ходите, тот не подпишет, он – коммунист...»

СБ: н.д. [АЕ 1951: 107]

177. А/р «Коммунисты отрубают правые и левые “крылья”, чтобы их не сравнивали с ангелами».

177А. А/р «Когда у большевиков стали вырастать крылья – правое и левое, Сталин их немедленно отрубил. Теперь, под лозунгом борьбы с ревизионистами справа и слева, Брежнев начал такую же операцию. Значит ли это, что коммунисты сознательно стараются быть бескрылыми?» – «Как принципиальные атеисты, они боятся, что на Западе их могут сравнить с ангелами».

СБ: н.д. [ОН 1970: 14]

178. А/р «Есть ли в КПСС открытые оппозиционеры?» – «Если бы они и были, их уже давно бы не было».

178А. СБ: н.д. [ОН 1970: 12] **178В.** СБ: н.д. [ТЮ 1986: 102] **178С.** СБ: *1949 [СН 2000—2002: без н.с.]

179. А/р «Правда ли, что в СССР существует многопартийная система?» – «Правда. Одна партия у власти, другие – в тюрьмах».

179А. СБ: *1980 [ШТ 1987: 145]

180. «Может ли в Советском Союзе существовать оппозиционная партия?» – «Нет. Если она появится, в нее вступят все как один и опять останется только одна партия».

180А. СБ: *1980 [ШТ 1987: 145]

181/1903/3272/4331. Людоед, съевший коммуниста, кричит во сне: «Свободу Анжеле Дэвис!».

181А. Ночь, спят людоед с людоедкой. Вдруг людоед вскакивает и кричит: «Свободу Анжеле Дэвис!». Улегся, постонал и снова заснул. Через некоторое время опять вскочил и заорал: «Позор капиталистическим агрессорам!» Через полчаса опять: «Тот, кто не с нами, тот против нас!». – «Господи! – заворчала людоедка. – И который раз я тебя предупреждала: не ешь коммунистов на ночь...»

СБ: н.д. [ШТ 1987: 468]

182. А/р «Относятся ли клопы к строителям коммунизма?» – «Несомненно. В них течет рабоче-крестьянская кровь».

182А. СБ: н.д. [ОН 1970: без н.с.] **182В.** СБ: н.д. [ЛК *1991: без н.с.]

183. Рост рядового коммуниста не вызывает сомнений: после революции ему любое дело было по плечу, а теперешнему коммунисту любое дело похую (/до хуя) / Комсомольцам 20-х годов было все по плечу, а комсомольцам 80-х годов все похую.

183А. СБ: н.д. [РИ 2005: 385] **183В.** СБ: н.д. [ЛК *1991: без н.с.] **183С.** СБ: *1978 [СН 2000—2002: без н.с.]

184. Работник театра, решивший заменить отсутствующего музыканта: «Я не музыкант, я коммунист!».

184А. Оркестр. Через пять минут начало, а виолончелист не пришел. Паника. Гардеробщик решительно шагает к виолончели. Дирижер радостно: «Так вы музыкант?». – «Я член партии».

СБ: *1960 [СН 2000—2002: без н.с.] **184В.** СБ: н.д. [ЛК *1991: без н.с.]

***185. Мальчик, которого угрожает придушить пьяный: «Всех не передужишь!».**

***185А.** Пьянчуга на улице останавливает мальчишку и говорит: «Слушай, ты, давай двадцать копеек, а то придушу». Мальчик рванул на груди рубашку: «Души! Всех не передужишь! Орленок, орленок, взлети выше солнца!²⁶⁸».

СБ: н.д. [ЛК *1991: без н.с.]

186. «Я импотент...» – «Ты прежде всего коммунист...»

186А. Жена партийца пожаловалась в райком на супруга, плохо исполняющего свои обязанности мужа. Он оправдывается в партбюро: «Я импотент...» – «Ты прежде всего коммунист!» – отвечает ему секретарь партийной организации.

СБ: н.д. [ШТ 1987: 138] **186В.** СБ: *1960 [СН 2000—2002: без н.с.]

²⁶⁸ Строка из популярной песни «Орленок», написанной в 1936 году Яковом Шведовым на музыку композитора Виктора Белого.

187. Человек, которого принимают в партию: «Живу с женой трижды в неделю, как велит медицина».

187А. Принимают мужика в ряды КПСС. Спрашивают на бюро райкома: «Как вы живете с женой?» – «Трижды в неделю, как велит медицина». Выйдя оттуда, цеховой парторг ругает его: «Разве так надо отвечать!» – «Если бы я сказал, что каждый день – подумали бы, что мало уделяю внимания политпросвещению. Через день – сказали бы, что изменяю жене. А трижды в неделю – как раз норма».

СБ: н.д. (укр.) [ЮП 2003: без н.с.]

188. Человек, опоздавший на партсобрание, видит, что у всех участников веснушки. «Есть указание насчет веснушек?» – «Нет, беспартийный в вентилятор насрал».

188А. СБ: н.д. [ШТ 1987: 140]

189. А/р «Можно ли сесть голым задом на ежа?» – «Можно, если зад чужой, если ежа перед тем постричь и если прикажет партия».

189А. СБ: *1950-е [ШТ 1987: 134] **189В.** СБ: *1959 [СН 2000—2002: без н.с.] **189С.** СБ: н.д. [ОН 1970: без н.с.]

190. Учительница: «Для советского человека нет ничего невозможного». Школьник: «А вы можете запихнуть пасту обратно в тюбик?»

190А. СБ: *11.1964—1965 [СН 2000—2002: без н.с.]

191. А/р «Почему черти боятся впускать коммунистов в ад?» – «Потому что они начнут строить там рай, и чертям житья не станет».

191А. СБ: н.д. [ШТ 1987: 141]

192. Бог – дьяволу, после того как забрал коммунистов в рай: «Во-первых, бога нет. Во-вторых, я спешу на партсобрание».

192А. В чистилище полно коммунистов из СССР. Поступают с семнадцатого года. Дьявол (богу): «Надо решать вопрос. Куда их, а?». Бог: «Давай к тебе отправим». Через несколько лет встретились. Бог: «Ну, как коммунисты?». Дьявол: «Забери ты их к себе, умоляю тебя. Завербовали всех моих чертенят в пионеры. Чертенята не жарят грешников, а читают рассказы Прилежаевой о Ленине». Забрал коммунистов бог. Через несколько лет снова встретились дьявол и бог. Дьявол: «Ну, бог, как коммунисты?». Бог: «Во-первых, бога нет. Во-вторых, не могу сейчас разговаривать, спешу на партсобрание».

СБ: *1982 [СН 2000—2002: без н.с.]

193. КПСС – Коммунисты Предали Советскую Систему.

193А. СБ: *1950-е [ШТ 1987: 142]

194. А/р «Кого считать коммунистом?» – «Кто читает классиков марксизма-ленинизма». – «А кого считать антикоммунистом?» – «Кто их понимает».

194А. СБ: н.д. [ШТ 1987: 152]

195. «Что вы знаете из биографии Карла Маркса?» – «Карл Маркс родился в Германии, жил в Англии и похоронен в России»²⁶⁹.

²⁶⁹ Сюжету данного анекдота близка распространявшаяся с начала 1920-х годов в списках «Мистическая Поэма», авто-102

195А. СБ: н.д. [СА 1927: 9] = (ст. орф.) [КС 1928: 82] = (ст. орф.) [КС 1929: 204] **195В.** СБ: н.д. [ЛК *1991: без н.с.]

196. А/р «Что мог бы сегодня сказать Карл Маркс?» – «О, Боже! До чего же я умер!»

196А. СБ: н.д. [ОН 1970: без н.с.]

197. Воскрес Маркс и попросил дать ему выступить по радио. Ему разрешили сказать одну фразу. Маркс: «Пролетарии всех стран, извините!».

197А. СБ: *1974 [ШТ 1987: 184] **197В.** СБ: н.д. [ВА 1980: без н.с.]

198. Карл Маркс не может быть секретарем парторганизации в раю из-за национальности, происхождения и жизни за границей.

198А. В аду переизбирают секретаря парторганизации. Предложили одного, длинноволосого, бородатого. Рекомендуют, потому что в теории подкован. Он дает себе самоотвод: «Не гожусь для текущего момента». – «Почему?» – «Во-первых, почти всю жизнь я прожил за границей, во-вторых, у меня жена дворянского происхождения, в-третьих, я еврей». Из задних рядов: «Имя, назовите имя!». Бородач: «Маркс, Карл Маркс».

СБ: *1957 [ШТ 1987: 134]

198В. В рай попали одновременно три коммуниста. Раз их трое – они уже имеют право организовать собственную первичную организацию. Пошли к богу, попросили порекомендовать им кого-нибудь в секретари. «Желательно поопытнее». «Вот сюда сверните, третье облако налево. Там сидит старик с густой седой бородой, попробуйте с ним поговорить». Попробовали. Отнекивается. «Нет, я вам не подойду. Во-первых, я еврей. Во-вторых, нигде не служил, жил литературным трудом, даже трудкнижки нет. В-третьих, у меня жена аристократка». – «Так что же нам бог голову морочит?» Пошли обратно к богу. Выразили свое недовольство. «Ну, знаете, если вам Карл Маркс не подходит...»

СБ: *1962 [СН 2000—2002: без н.с.]

198С. Карл Маркс пришел в отдел кадров Академии наук СССР, чтобы поступить в какой-либо институт этой системы. «Не можем вас принять на работу, – сказал кадровик. – Ваш дядя Филипс основал крупную капиталистическую фирму. Сами вы женаты на известной аристократке. До 1842 года стояли на немарксистских позициях. Родители же ваши, крестив вас, пытались скрыть ваше еврейское происхождение».

СБ: н.д. [СЛ 2009: 253] **198D.** СБ: *1962 [СН 2000—2002: без н.с.]

***199.** Коммунист, ничего не знающий о диктатуре пролетариата, оказывается Карлом Марксом.

***199А.** В коммунистическом отделении рая во время политучебы выяснилось, что один коммунист ничего не знает о диктатуре пролетариата. Об этом упомянул докладчик на партсобрании. Выкрики: «Гнать его из коммунистов! Позор! Кто такой? Как зовут?» – «Карл Маркс».

СБ: *01—10.1964 [СН 2000—2002: без н.с.]

***200.** На выборах секретаря в райской парторганизации была выдвинута кандидатура Бога. Некто: «У меня отвод! У него сын в Израиле».

ром которой предположительно является Игорь Владимирович Ильинский, посвященная приключениям в Советской России чудом ожившего Карла Маркса. В ней мы видим такие строки: «Карл Маркс, политик-эконом, / Нам всем достаточно знаком. / Он был в Германии рожден / И там же скромно погребен. / Потом прошел нелепый слух, / Что жив бессмертный Маркса дух... / Года текли. Вдруг слух иной / Потряс внезапно шар земной: / Карл Маркс в России наконец / Обрел терновый свой венец, / И здесь так прочно погребен, / Что не воскреснет больше он». ДН: 17.04.1921 [МН 1915—1933(7): 28].

***200А.** СБ: н.д. [ТЮ 1986: 128]

201. А/р «Есть ли расовые противоречия в СССР?» – «Нет, потому что нет ни белых, ни черных – все должны быть красными».

201А. СБ: н.д. [ШТ 1987: 185]

202/4150. «Какая разница между партией и стадом овец?» – «Скот считают по головам, а партийцев – по членам».

202А. СБ: н.д. [ЛК *1991: без н.с.]

203. «Какая разница между портфелем с дерьмом и парткомом?» – «В парткоме дерьма больше». – «А что общего?» – «И то и то воняет».

203А. СБ: *01.01.1953- 05.03.1953 [СН 2000—2002: без н.с.]

204. Человек объясняет людоедам, что такое партком: «Это как у вас: собрались, пошушукались и съели человека».

204А. Племя людоедов поймало англичанина, француза и хомо советикуса. Вождь говорит: «Каждый из вас должен загадать такую загадку, которую мы бы не отгадали. Отгадаем – съедим того, кто загадывал». Англичанин оглянулся – племя каменного века. Он спрашивает: «Что такое телевизор?». Дикари собрались вместе: «Шу-шу-шу», – пошушукались, выходит вождь и говорит: «Это то, что три дня поработает, а потом ломается». Съели англичанина. Француз: «Что такое спутник?». Дикари снова собрались, пошушукались. Вождь: «Это такое, что летает, крутится и свистит». Съели француза. Хомо советикус: «Что такое партком?». Опять людоеды пошушукались. Вождь: «Повтори вопрос». – «Что такое партком?» Дикари собрались, пошушукались. Вождь: «Живи, будешь свободным, но скажи, что это такое». – «А это почти то, что и у вас: собрались, пошушукались и съели человека».

СБ: н.д. (укр.) [ЮП 2003: без н.с.]

***205.** Человек, оболгавший другого: «Мое дело сигнализировать, а проверяют пусть другие»²⁷⁰.

***205А.** Выбирали местком. Михайлов дал отвод кандидатуре Васильева. «У него дочь шьется с иностранцами». Васильев удивился: «У меня нет дочери. Два сына». Михайлов сказал с достоинством: «Мое дело сигнализировать. А проверяют пусть другие». Васильева в местком не выбрали.

²⁷⁰ Данный сюжет многократно фиксируется про то, как один еврей обвиняет другого в том, что у него дочь проститутка (к примеру см: [СЛ 2009: 72]). Советская специфика есть только в записи Н.В. Соколовой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.